

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК финно-угорских исследований

Вып. 4

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Vol. 4

Ижевск

2014

Редакционный совет:

В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркусский университет)
С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Е. В. Попова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)

Editorial council:

V. Ye. Vladykin (Izhevsk, Udmurt State University)
D. V. Gerasimova (Khanty-Mansiysk, Yugra State University)
I. L. Zherebtsov (Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History of Komi scientific center of UB of RAS)
A. Ye. Zagrebin (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS) – chairman of the board
N. G. Zaytseva (Petrozavodsk, Institute of Language, Literature and History of KarRC RAS)
A. S. Kazimov (Yoshkar-Ola, Mari scientific-research institute of Language, Literature and History)
A. Kerezsi (Budapest, Ethnographic Museum)
V. M. Ludykova (Syktyvkar, Syktyvkar State University)
I. V. Menshikov (Izhevsk, Udmurt State University)
Yu. A. Mishanin (Saransk, Mordovian State University named after N. P. Ogarev)
S. Saarinen (Finland, Turku University)
S. Tóth (Estonia, Tartu University)
E. P. Shemetova (Moscow, Moscow State University of Printing Arts)
E. Toulouze (France, National Institute of Oriental Languages and Civilizations)
V. A. Yurchenkov (Saransk, Research Institute of Humanities under the Government of Republic of Mordovia)

Editorial board:

V. M. Vanyushev (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
T. G. Vladykina (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
V. N. Denisov (St. Petersburg–Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
M. G. Ivanova (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
A. S. Izmaylova (Izhevsk, Udmurt State University)
A. V. Ishmuratov (Izhevsk, Udmurt State University) – deputy editor
R. V. Kirillova (Izhevsk, Udmurt State University)
N. I. Leonov (Izhevsk, Udmurt State University)
R. Sh. Nasibullin (Izhevsk, Udmurt State University)
G. A. Nikitina (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
E. V. Popova (Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of UB of RAS)
V. G. Semenov (Izhevsk, Udmurt State University)
I. V. Tarakanov (Izhevsk, Udmurt State University)
N. A. Fedoseeva (Yoshkar-Ola, Mari scientific-research institute of Language, Literature and History)

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Г. В. Мерзлякова*, доктор исторических наук,
профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д. И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 4 / Науч. ред.
А. Е. Загребин; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред.
Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – 160 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

Подписку на журнал «Ежегодник финно-угорских исследований» можно оформить в любом отделении Почты России. Индекс издания в каталоге Агентства «Роспечать» 66028.

© Удмуртский государственный университет, 2014

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	9
<i>Ивишин Л. М.</i> Об особенностях удмуртской пунктуации XVIII – первой половины XIX в. (по материалам письменных памятников)	9
<i>Егоров А. В.</i> Фразеология в информационном поле газетного текста (на примере удмуртских газет времен Первой мировой войны)	17
<i>Ракин А. Н.</i> Удмуртские названия атмосферных осадков	24
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	30
<i>Денисов В. Н.</i> Из истории первых фонографических записей удмуртов и коми-пермяков в 1911–1912 гг. на территории Верхнего Прикамья	30
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	36
<i>Лаврентьев А. И., Шибанов В. Л.</i> Специфика смеховой культуры в поэзии Кузубая Герда	36
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	43
<i>Мельникова О. М., Годяева Т. Н.</i> Генерационный подход в изучении первого поколения историков Удмуртии	43
<i>Ванюшева К. В.</i> «Даже я начинаю втягиваться в археологический вкус»: письма И. Я. Кривошекова Ф. А. Теплоухову (1886–1888)	52
<i>Попов Н. С.</i> Вятские просветители о роли родного языка в образовательной и миссионерской деятельности среди мари	74
<i>Маратканов В. А.</i> Финны-оружейники с Ижа (1865–1884 гг.)	83
КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО	90
<i>Шудегова Н. О.</i> Значение научных идей Р. А. Чураковой для дальнейшего изучения теоретических проблем современного музыкального удмуртоведения	90

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ	96
<i>Федина М. С.</i> Опыт создания и практика применения компьютерной терминологии в коми языке	96
<i>Вельм И. М.</i> Функционирование социальных институтов в аграрно-традиционалистском обществе	102
<i>Овечкин В. П.</i> Обоснование методологии построения образования в современном изменяющемся мире	114
<i>Наумова Т. А., Вытовтова Н. И.</i> Особенности обучения лиц с особыми педагогическими потребностями в Удмуртском государственном университете	126
Ю Б И Л Е И	132
<i>Кириллова Л. Е.</i> Вклад Л. И. Калининой в угорское и финно-пермское языкознание (к 80-летию со дня рождения)	132
<i>Салминен Э.-Ю.</i> Скромная, трудолюбивая, успешная (к 60-летию со дня рождения Сиркки Сааринен)	141
Теплые лучи душевной красоты... (Поздравляем юбиляра Анэту Петровну Сидорову)	145
Р Е Ц Е Н З И И	148
<i>Голубкова А. Н.</i> Ценное справочное издание о театральном искусстве Удмуртии	148
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2014 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований»	152

CONTENTS

LINGUISTICS	9
<i>Ivshin L. M.</i> About Features of Udmurt Punctuation of the 18 th and the first half of the 19 th Century (on Materials of Written Records)	9
<i>Yegorov A. V.</i> Phraseology in the Udmurt Newspapers (on the Example of Texts of the Beginning of the 20 th Century)	17
<i>Rakin A. N.</i> Udmurt Names of Atmospheric Precipitations	24
FOLKLORISTICS	30
<i>Denisov V. N.</i> From History of the First Phonographic Recordings of the Udmurts and Komi-Permyaks in the Territory of Upper Prikamye in 1911–1912	30
STUDY OF LITERATURE	36
<i>Lavrentyev A. I., V. L. Shibanov V. L.</i> Specificity of Humorous Culture in Kuzebay Gerd's Poetry	36
HISTORY, ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY	43
<i>Melnikova O. M., Godyaeva T. N.</i> The Generational Approach in Studying the First Generation of Historians of Udmurtia	43
<i>Vanyusheva K. V.</i> 'Even I Am Starting to Get Involved in Archaeological Taste': Letters of I. Ya. Krivoshchekov to F. A. Teploukhov (1886–1888)	52
<i>Popov N. S.</i> Vyatka Educators about the Role of Native Language in Educational and Missionary Activities among the Mari people	74
<i>Maratkanov V. A.</i> Finns-Armourers from the Izh (1865–1884)	83
CULTURE, ART	90
<i>Shudegova N. O.</i> The Value of Scientific Ideas of R. A. Churakova for Further Study of Theoretical Problems of Modern Musical Udmurt Studies	90
PEDAGOGY, PSYCHOLOGY	96
<i>Fedina M. S.</i> Experience in Establishment and Practical Application of Computer Terminology in the Komi Language	96

<i>Velm I. M.</i> The Functioning of Social Institutions in the Agricultural-Traditionalist Society	102
<i>Ovechkin V. P.</i> The foundation of the methodology of education in the modern changing world	114
<i>Naumova T. A., Vytovtova N. I.</i> Education of People with Special Education Needs in the Udmurt State University	126
A N N I V E R S A R I E S	132
<i>Kirillova L. E.</i> Contribution of L. I. Kalinina in Uralic and Finno-Perm Linguistics (to the 80th Anniversary of Birthday)	132
<i>Salminen E.-J.</i> Modest, Hardworking, Successful (to the 60th Anniversary of the Birth of Sirkka Saarinen)	141
Warm Rays of Inner Beauty... (Congratulations to Anetta Petrovna Sidorova)	145
R E V I E W S	148
<i>Golubkova A. N.</i> A Valuable Reference Book on the Theatrical Art of Udmurtia	148
Index of articles and materials published in 2014 in the ‘Yearbook of the Finno-Ugric Studies’	152

Л. М. Ившин

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УДМУРТСКОЙ ПУНКТУАЦИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

(по материалам письменных памятников)

Из 10 пунктуационных знаков, функционирующих в современном удмуртском языке, в памятниках письменности XVIII в. употреблены 4 (восклицательный, вопросительный, точка и запятая). Первые три применены для оформления конца предложения. Запятая использована для выделения однородных членов предложения и для отделения частей сложноподчиненного предложения. В памятниках XIX в. прибавляются еще точка с запятой и двоеточие. Точка с запятой ставится в сложном предложении, если мысли каждой части далеки друг от друга, и если в каждой части имеются свои знаки препинания. Двоеточие встречается в бессоюзном сложном предложении, когда его вторая часть раскрывает содержание первой, а также в предложениях с прямой речью.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, пунктуация, знаки препинания, запятая, двоеточие, точка, точка с запятой, восклицательный знак, вопросительный знак.

Эволюционирование удмуртской пунктуации, особенно ранней, в значительной мере остается белым пятном в науке о письме и языке. О важности пунктуации, о ее функциональной роли в языке и речи сегодня пишут многие исследователи. Так, по мысли Н. Л. Шубиной, «Невербальные элементы (к которым относится и пунктуация. – Л. И.) дополняют информацию, усиливают восприятие, удерживают внимание и познавательный интерес, а также воздействуют на читателя» [14. С. 8].

Сам термин *пунктуация* произошел от латинского *punctum* ‘точка’. Но первоначально он имел иной смысл. До сер. XVII в. пунктуацией называлось употребление точек рядом с согласными для обозначения гласных звуков в тексте на иврите, в то время как написание знаков в латинском тексте называлось *простановкой* точек. И только в сер. XVII в. слово пунктуация стало употребляться в привычном для нас значении как система правил расстановки знаков препинания. Значение и употребление знаков препинания регламентируется

относительно устойчивыми и обязательными для всех пунктуационными нормами, которые базируются на смысловом, грамматическом (структурно-синтаксическом) и интонационном принципах и учитывают структуру предложения, его смысл и ритмическую организацию. Правильное употребление знаков препинания позволяет показать структурное деление текста на отдельные фрагменты, выделить в нем смысловые нюансы, отразить ритмику и мелодику речи и особенности интонации [11. С. 507–508].

Все пунктуационные знаки, которые мы сегодня употребляем в удмуртском письме, заимствованы из русского языка, поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению пунктуации удмуртского языка XVIII – пер. пол. XIX в., обратимся к истории возникновения и становления знаков препинания русского языка. Постараемся узнать, все ли известные и так хорошо знакомые нам пунктуационные знаки появились одновременно.

Как известно, в системе современной русской пунктуации имеется 10 основных и два факультативных знака препинания: точка, запятая, точка с запятой, многоточие, двоеточие, вопросительный знак, восклицательный знак, тире, скобки и кавычки, а также два факультативных знака – звездочка и параграф. Некоторые ученые выделяют также абзац, который выполняет функцию написания с «красной» строки.

Древнейший знак *точка* отмечает в тексте конец предложения. Встречается уже в памятниках древнерусской письменности, однако ее употребление отличалось от современного: во-первых, первоначально точки ставились произвольно, поскольку тексты довольно долгое время писались без деления на слова и предложения; во-вторых, точка ставилась не внизу строки, а на разных уровнях – либо у основания буквы, либо на уровне ее середины. Точку по праву можно считать родоначальницей русской пунктуации. Неслучайно это слово (или его корень) вошло в название таких знаков, как *точка с запятой*, *двоеточие*, *многоточие*. А в русском языке XVI–XVIII вв. вопросительный знак назывался *точка вопро- сительная*, восклицательный – *точка удивления*.

Наиболее распространенным знаком препинания в русском языке считается запятая, которая начала употребляться с XV в. без четкого ограничения ее функций. Как разделительный знак препинания внутри предложения запятая упоминается в первой грамматике русского языка В. Е. Адодурова 1731 года [9. С. 135]. В. И. Даль связывает слово *запятая* с глаголами *запаять*, *запять*, *запинать* – «останавливать», «задерживать» [5. С. 615]. Такое объяснение представляется правомерным.

Большинство известных нам сегодня знаков препинания в русском языке появляется в XVI–XVIII веках. Так, скобки встречаются еще в памятниках XVI в. Раньше этот знак назывался *вместительным*.

Двоеточие как разделительный знак начинает употребляться с конца XVI в. Оно упоминается в грамматиках Л. Зизания 1586 г., М. Смотрицкого (1619), а также в первой русской грамматике В. Е. Адодурова (1731) [9. С. 104].

Восклицательный знак для выражения восклицания (удивления) отмечается в грамматиках М. Смотрицкого и В. Е. Адодурова, а правила его постановки определены М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике» 1775 года [9. С. 77].

Вопросительный знак также встречается в печатных книгах с XVI в., но как выражение вопроса он закрепляется значительно позже, лишь в XVIII в. Первоначально знаком выражения вопроса являлась точка с запятой, что отражено в грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого [9. С. 76].

О более поздних знаках – *тире* и *многоточии*. Существует мнение, что *тире* изобрел Н. М. Карамзин, однако доказано, что в русской печати этот знак встречается уже в 60-е гг. XVIII в., Н. М. Карамзин же способствовал популяризации и закреплению функций этого знака. Впервые знак тире под названием «молчанка» описан в 1797 г. в «Российской грамматике» А. А. Барсова [9. С. 562].

Знак *многоточие* под названием «знак пресекательный» отмечается в 1831 г. в грамматике А. Х. Востокова, хотя в практике письма он употребляется значительно раньше [9. С. 239].

Знак препинания *кавычки* вошел в русскую письменность в конце XVIII века [9. С. 172].

Названия большинства знаков препинания в русском языке исконно русские. Неславянского происхождения современные названия таких знаков препинания, как *дефис* – от немецкого *Divis* (от латинского *divisio* «раздельно») и *тире* (черта) – от французского *tiret* «черточка» [13].

В разные периоды названия знаков препинания в русском языке были различными. Так, **запятую** называли *иподиастоли* (М. Грек), иногда – *подстолия*. **Точка** называлась *срока*; **двоеточие** – *двосрочие*, *двоточие*; позднее – *две точки*, *малая точка*; **многоточие** – *точки*, *несколько точек*, *троеточие*; **точка с запятой** – *иподиастоли с точкой*, *подстолия*, *знак полученный* (А. Барсов); **тире** – *молчанка*, *черта*, *черточка*; **скобки** – *вместная*, *отложенная*, *вместительный знак*; **кавычки** – *отменительный знак*, *вносной знак*, *вносные знаки*, *чужеслов*; **восклицательный знак** – *удивная*, *удивительная*, *удивительный знак* [7. С. 57].

Теперь обратимся к удмуртской части нашего исследования.

В письменных памятниках раннего периода ставилась задача более полно зафиксировать лексический материал и некоторые факты грамматики, которые чаще использовались для сравнительно-исторического изучения финно-угорских языков. Вопрос же исследования удмуртского языка в целях его практического применения, создания и фиксации единых норм на всех уровнях языка был поставлен только в кон. XIX – нач. XX веков.

Поскольку знаки препинания функционируют в структурно оформленных целостных единицах (в предложениях) и его частях, то единицы препинания следует искать прежде всего в таких письменных памятниках, которые содержат какие-либо тексты или примеры-предложения.

Впервые коротенькое удмуртское предложение с восклицательным знаком в конце зафиксировано в 1726 г. Д. Г. Мессершмидтом в его рукописных дневниковых записях:

Остэ Инмаре козма! ‘Боже (Инмар) нас помилуй!’ [8. С. 105].

В четверостишии, написанном в честь приезда в Казань Екатерины II (1769 г.), и стихотворении, написанном в честь открытия Казанского намест-

ничества (1782 г.), знаки препинания, согласно материалам книги «Памятники удмуртской письменности XVIII века» [12. С. 225–227], не проставлены.

В первой грамматике удмуртского языка встречается несколько предложений, в которых применены вопросительный знак и запятая:

(1) *кинълэнъ со сяскаэзъ?* ‘чей этотъ цвѣтокъ?’ [10. С. 2].

(2) *мѡнъ тынѣдъ кузмалѡ со сяскаѡсъсѣ, кудѣѡ-съсѣ тонъ ацидѣ мѡнъ дынѣмъ* ‘я тебѣ подарю тѣ цвѣтки, котырые ты видѣлъ у меня’ [10. С. 42].

(3) *монѣ, тонѣ, соѣ вералѡ* ‘меня, тебя ево сказываютъ’ [10. С. 53].

Вопросительный знак в первом предложении означает конец предложения. Запятая во втором предложении служит для разделения однородных членов предложения, в третьем примере – части сложного (сложноподчиненного) предложения.

В грамматике М. Могилина зафиксировано 5 предложений, в которых употреблены запятые и точка.

(1) *визмѡ муртъ юѣ-но, сѣ-но мыль-кѣтъ-понна, кужимъ-но-понна.* ‘умной человекъкъ пѣть и ѣсть для здравѣя и силы’ [6. С. 105–106].

(2) *Каль инъ-пулсынъ, музѣмъ-но-пулсынъ мертемъ тодѡзы.* ‘Нынѣ между Небомъ и Землей мѣру знаютъ’ [6. С. 106].

(3) *Инмаръ-нѣ лулъсе-но, гирсе-но Адями джутѣ.* ‘Къ небеси и душу и голову Человекъкъ возносить’ [6. С. 106].

(4) *шундѣ-азинъ чоксалодъ, Инмаръ-лѣсъ уватылѡдъ.* ‘Предъ солнце[мъ] скроешь, а о[тъ] бѡга утаить неможѣшь’ [6. С. 106].

(5) *вералѡ, музѣмъ-но-улынъ уванъ югѣтъ.* ‘Сказуютъ, и подѣ землей быти свѣту’ [6. С. 106].

Точка в конце каждого предложения оформляет конец повествовательного предложения. В четырех первых предложениях запятыми выделены однородные члены, в пятом – запятая отделяет части сложноподчиненного предложения.

В XIX в. появляется печатная литература на удмуртском языке, главным образом переводная. Это издания в основном религиозного характера. Опубликовано они на разных наречиях удмуртского языка (глазовском и сарапульском), однако их язык нельзя соотнести с определенным территориальным диалектом, поскольку переводчики и составители, как правило, приводили междиалектные дублеты. Появление объемных текстов (переводов источников христианского просвещения на различных языках Уральско-Поволжского региона, в том числе на удмуртском) обусловлено в первую очередь желанием деятелей христианской церкви распространить свое влияние на неграмотное нерусское население глубинки России для приобщения их к своей вере. Переводы на удмуртский язык в пер. пол. XIX в. были немногочисленны. Многие из них, составленные на территории распространения различных диалектов, оседали в различных архивах; небольшая часть была издана в Казани – по одной Азбуке и Евангелию на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка. Обратимся теперь к особенностям пунктуации этих изданий.

Точка употреблена в конце повествовательных предложений: *Христѣанствоэзъ тужъ жогѣнъ вѣлдскѣзъ пастанѣ улѡнъ дунѣэтѣ: унѡ интѣѡсынъ бенъ цидальѣзъ унѡ ѣртѣмѣѡсъсѣ Іудейѣѡсълѣсъ язычникѣѡсълѣсъ-но.*

‘Христiанство съ чудесною скоростiю распространилось по всей вселенной: но во многихъ мѣстахъ претерпѣвало многiя гоненiя отъ Iудеевъ и язычниковъ’ [1. С. 118].

Вопросительный знак ставится в конце предложения, содержащего вопрос: *Кечеѣзь дышетсконъ тужъ кулэ всякой адымилы?* ‘Какое учение самое нужное для всякаго человѣка?’ [2. С. 135].

Восклицательный знак функционирует в конце предложения, эмоционально окрашенного: *Кэчэ секытъ, аслэзь уванъ-буръ вылэ оськисыѣслы, Инмарьлэнъ дзэць дунниъ пырыны!* ‘Какъ трудно надѣющимся на богатство войти въ царствiе Божiе!’ [3. С. 78]. Также этот знак встречается в предложениях с обращениями: *Земъ, Аи! эрикъэъ бенъ тынадъ сочэ валъ.* ‘Ей, Отче! ибо таково было Твое благоизволенiе’ [3. С. 78].

Запятая употребляется:

а) в середине предложений между однородными членами: *Та кылдзэмэзь пэннэ Инмаръ Авраамэзь козмэзь, сизысь-но солэнъ нылызь-пiэзь-пэннэ воць дунье-исъ калыкыѣосызь козманъ.* ‘За сiе послушанiе Богъ не только благословилъ Авраама, но и обѣщалъ благословить въ сѣмени его всѣ народы земные’ [2. С. 36]. *Со султызь, бастызь пиналъ-зэ, мумизэ-но солэсь, лыктызь-но Израиль музыемъ.* ‘Онъ всталъ, взявъ младенца и мать Его [Иисуса. – Л. И.], и пришелъ въ землю Израилеву’ [3. С. 10];

б) в середине простых предложений, осложненных деепричастным оборотом: *Шайтанъ ась урѣдъ лувэмзэ адзиса, вожьяскызь дзэць-шудѣ улэмзылы адымиослэнъ: шудтэмъ со кэдикъ мѣдъ лувозъ-шусэ адымиэзь эрекция пэязъ.* ‘Дiаволь позавидовалъ блаженству человѣковъ: и чтобъ лишить ихъ онаго, употребилъ хитрость’ [2. С. 23];

в) в бессоюзном сложном предложении: *Инмаръ вiисэзь каргэзь, Каинъ со тырысь весь дуньейнъ улонъ-чожасть эзь шѣдътыни аслызь мылкыдъ буйгамзэ кышкантэмъ интизэнъ.* ‘Богъ проклялъ убiйцу, и Каинъ послѣ того въ цѣломъ мiрѣ не находилъ спокойствiя и безопасности’ [2. С. 26];

г) в сложном предложении между грамматическими основами: *Усызь-но зоръ, шуръ-ѣсь-но вэлдскиллямъ, тэлыѣсь-но потыллямъ, со юртълы-но пыкыськиллямъ, погразь-но; пограмъ-эзь-но солэнъ валъ бадзымъ.* ‘Пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и упалъ и паденiе его было великое’ [4. С. 45];

д) в сложноподчиненном предложении для отделения главной части от придаточной: *Нялтэзь соберѣ, ку лыктызь со Елисавета-дорэ, Инмаръ поттызь Елисаветалы та уватэмзэ: ниматызь со Марiязэ Мумиэнъ Господьлэнъ.* ‘Вскорѣ послѣ того, когда она пришла къ Елисаветѣ, Богъ открылъ Елисаветѣ сiю тайну: и она назвала Марiю Материю Господа’ [1. С. 77].

Точка с запятой поставлена в сложном предложении, если мысли каждой части далеки друг от друга и если в каждой части имеются свои знаки препинания: *Селыкамъ беразы бонъ адымиослы кылд-изъ кэръ-потонзы кышканзыно; соберѣ секытъ ужэнь-но курадзинъ кутскизы, висiонъ-но кулонъ-кыльно кылд-изъ.* ‘Первыми послѣдствiями грѣха были стыдъ и страхъ; потомъ постигли грѣшниковъ изнурительные труды, болѣзни и смерть’ [2. С. 23–24].

Двоеточие с разделительным значением встречается в бессоюзном предложении, когда вторая часть сложного предложения раскрывает мысль, содержание первой части: *Чукна-но вераськбды: туннэ квáзь жббъ; инъ бенъ пельмытъя гбрдъ, тодысьяскисьббъ!* ‘И поутру [говорите. – Л. И.]: сегодня ненастье, потому что небо багрово, лицъмеры!’ [3. С. 120].

Этот знак препинания употребляется также в предложениях с прямой речью, сама же прямая речь в кавычки не заключена: *Калыкъ-но энзэ иштыса вераллязь: ненбкунб тачеэзь адзёммы эйвáль Израелинь.* ‘И народъ, удивляясь говорилъ: никогда сего не видали во Израили’ [13. С. 61]. *Иштыса-но соосызь Вифлеемъ верáзь: мыныса умойгёмъ тбдэ нунъ-ласынь, шеттбдыкэ Соё, иббръ кáрэ мынымъ, мбнъ-но мыныса юбыртысáль Соль.* ‘И пославъ ихъ въ Вифлеемъ, сказалъ: подите, тщательно развѣдайте о младенцѣ; и когда найдете Его, извѣстите меня, чтобъ и я пошелъ поклониться Ему’ [4. С. 7].

Итак, в письменном удмуртском языке XVIII в. встречаются четыре знака препинания: восклицательный знак, вопросительный знак, точка и запятая. Первые три употреблены для оформления конца предложения. Запятая использована в двух функциях: для выделения однородных членов предложения и отделения частей сложноподчиненного предложения. В рассмотренных памятниках XIX в. к этим знакам добавляются еще два – точка с запятой и двоеточие, причем употребление запятой расширяется. Точка с запятой используется в сложном предложении, если мысли каждой части далеки друг от друга, и если в каждой части имеются свои знаки препинания. Двоеточие встречается в бессоюзном предложении, когда вторая часть сложного предложения раскрывает мысль, содержание первой части, а также в предложениях с прямой речью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Глазовскому). 174 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 387–558].

2. Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Сарапульскому). 192 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 249–439].

3. Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, глазовскаго нарѣчія. Казань. 234 + 135 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 12–386].

4. Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѳея на рускомъ и вотяцкомъ языкахъ, сарапульскаго нарѣчія. Казань. 234 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 11–248].
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. 700 с.
6. Могилінъ М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям Л. Е. Кирилловой, Предисл. К. И. Куликова; Прил. Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.
7. Моисеев А. И. Из истории пунктуации: молчанка-черта-черточка-тире // Русская речь. 1989. № 1. С. 54–58.
8. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.
9. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. 703 с.
10. Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотяскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975].
11. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов на Дону: Феникс, 2008. 811 с.
12. Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1965. Вып. 1. 324 с.
13. Федорова Л. Точка, точка, запятая... (Из истории пунктуации) [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_180
14. Шубина Н. С. Пунктуация современного русского языка: учебник. М.: Академия, 2006. 256 с.

Поступила в редакцию 25.09.2014

L. M. Ivshin

About Features of Udmurt Punctuation of the 18th and the first half of the 19th Century (on Materials of Written Records)

From ten punctuation marks functioning in contemporary Udmurt language only four punctuation marks such as exclamation mark, question mark, point and comma were used in written records of the 18th century. The first three were applied for the end of sentences. A comma was used to allocate homogeneous members of the sentence and to separate parts of a complex sentence. A semicolon and a colon were added in the 19th century. A semicolon was applied in a complex sentence, if the thoughts of each part are away from each other and if each part had its own punctuation marks. A colon was used in a conjunctionless sentence when the second part of a complex sentence reveals the content of the first one and in sentences with direct speech.

Keywords: the Udmurt language, written records, punctuation, punctuation marks, a comma, a colon, a point, a semicolon, an exclamation mark, a question mark.

Ившин Леонид Михайлович,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

Ivshin Leonid Mihailovich,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

УДК 811.511.131

А. В. Егоров

**ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА
(на примере удмуртских газет времен
Первой мировой войны)***

Если мы исключим из фразеологии все грамматические перифразы, относящиеся к грамматической стилистике, то можно утверждать, что фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле росы.

Б. А. Ларин. О народной фразеологии [6. С. 152]

Статья посвящена особенностям образности удмуртской фразеологии и паремии, связанной с военной тематикой, на материале удмуртскоязычных газетных текстов нач. XX в., представляющих собой богатый пласт удмуртской культуры, до сих пор в удмуртском языке подробно не исследованный. Ввиду отсутствия в этот исторический период устойчивых норм орфографии и правописания, в рассматриваемых текстах ярко выражен диалектный характер и лексики, и орфографии, и синтаксиса. Публицистика удмуртскоязычных средств массовой информации (и современных, и архивных) содержит богатый материал для пополнения современного фразеологического фонда удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, удмуртские газеты, фразеология, публицистическая фразеология, Первая мировая война.

Важнейшими общественными функциями языка являются общение, сообщение и воздействие. Для их реализации исторически сложились и оформились отдельные разновидности языка, характеризующиеся наличием особых лексико-фразеологических, синтаксических средств, используемых исключительно

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 14-18-03573 «“Поля несуществующего”: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

или преимущественно в данной разновидности. Эти разновидности называются функциональными стилями.

Возникнув на экстралингвистической основе и будучи тесно связанными с содержанием, целями и задачами высказывания, стили различаются между собой внутриязыковыми признаками, а именно: принципами отбора, сочетания и организации речевых средств языка. В соответствии с функциями языка можно выделить следующие стили: с одной стороны, разговорный (функция общения) и, с другой стороны, книжные: научный и официально-деловой (функция общения), газетно-публицистический и литературно-художественный (функция воздействия). Общественные функции языка часто переплетаются, поэтому, к примеру, в публицистическом стиле функция воздействия в большей или меньшей степени дополняется коммуникативно-информационной, то есть функцией сообщения. Сочетание двух функций (эстетической и коммуникативной) характерно также для языка художественной литературы.

Овладевая языком и разными его стилями, человек приобретает и культурные ценности, которые содержатся в лексике, грамматике, образных выражениях, поговорах, поговорках, художественных и научных текстах и других пластах языка. Фразеология занимает особое место в ряду культурных ценностей любого народа.

В данной статье нас будет интересовать газетно-публицистический стиль, в котором реализуется функция воздействия (агитации и пропаганды) языка, совмещаясь с функцией чисто информативной (сообщение нового).

Материалом исследования является удмуртская пресса нач. XX в. Разумеется, что касается орфографического ее оформления, то, ввиду отсутствия тогда единых нормативных правил орфографии и орфоэпии удмуртского языка, она далека от современного удмуртского литературного языка. Тем не менее газеты военного времени нач. XX в. представляют для исследования интересный и богатый пласт удмуртской культуры, до сих пор не подвергавшийся анализу.

Между тем «именно газеты и журналы, радио и телевидение для многих носителей языка служат основным источником представлений о языковой норме, именно они формируют языковой вкус; со средствами массовой информации справедливо связывают и многие “болезни” языка» [7. С. 7].

Фразеологизмы представляют собой устойчивые несвободные сочетания слов, воспроизводящиеся как готовые речевые единицы. Многие исконные фразеологизмы первоначально были свободными словосочетаниями, отражающими реальную действительность. Но постепенно, утратив свой первоначальный смысл, они закреплялись в метафорическом употреблении, становясь таким образом фразеологизмами. Большинство фразеологических сочетаний несет на себе печать своей эпохи, имеют исторический и социальный колорит.

Фразеологизмы умело используются не только выдающимися писателями, но и талантливыми журналистами как один из важных ресурсов образности, повышенной выразительности создаваемых текстов. В этом направлении не составляют исключения и удмуртскоязычные газеты нач. XX в.

В связи с неудовлетворительными результатами боев на фронтах Первой мировой войны правительство Российской империи усиливает военно-патриотическую работу народов страны. Губернатор Вятской губ. Андрей Гаврилович

Чернявский от имени Российского правительства издал в 1914 г. распоряжение об учреждении газеты «Войнаысь ивор». Издателем был назначен священник Павел Петрович Глезденев (Мендияров), один из просветителей удмуртского народа. Павел Глезденев издавал в г. Вятке три газеты: на удмуртском, марийском и татарском языках. Во все времена, будь то революция, война, различные преобразования в стране, эту газету не закрывали, она приходила к своему читателю.

4 февраля 1915 г. вышел в свет первый номер удмуртскоязычной газеты «Войнаысь ивор» (рус. «Весть с войны») – одно из старейших изданий УР. С 1917-го она называется «Удморт» («Удмурт»), в 1918-м – сначала «Виль Синь» («Новый взгляд»), а затем – «Гудыри» («Гром»), в 1930-м – «Удмурт коммуна» («Удмуртская коммуна»), в 1943-м – «Советской Удмуртия» («Советская Удмуртия»). С 1992 г. газета издается в современном варианте под названием «Удмурт дунне» («Удмуртский мир»).

Материалом для нашей статьи явились несколько десятков находящихся в архиве УИИЯЛ УрО РАН таких газет нач. XX в., как «Горд салдат» («Красный солдат»), «Войнаысь ивор», «Удморт» и др.

Данные газетные тексты отличает прежде всего их диалектный характер, что представляет собой ценный материал для диалектологов, историков языка, исследователей развития и становления удмуртского литературного языка. Ярko выраженный диалектный характер имеют и лексика, и орфография, и синтаксис. Приведем некоторые примеры: *Ѕеч иськавыньёсы! Конякено* ачместы пытсаса, пеймыт азьын возизы – таре сюрес шедьтэм бере, эрикез кiамы басьтэм бере ачмелы иськавыньёсы, уйно нунал турыкыны кулэ* [4. С. 4]. ‘Люди добрые! Нас немного держали взаперти в темноте – теперь, после того как мы нашли путь, после получения в наши руки свободы нам, друзья (букв. соседи), нужно стараться день и ночь (букв. ночь и день)’; *Шавль город уаллэ аслам вал, а та дыръя Германияёслэн кiулазыни, но ёжогэн асламъёс ношик берлань басьтозыни* [2. С. 1]. ‘Город Шавль раньше был наш, а в это время он в руках Германии, но скоро наши снова вернут его’; и др.

Примечательно: в некоторых случаях авторы статей после диалектной лексемы приводят в скобках либо ее литературное написание, либо вариант из другого диалекта, напр.: *Войнаин со ваче пумит жугыськыку пытчалзэ (санапалзэ) шудон гинэ та шуса бергатэ. Ватскыса ыбылыськонзэ со уг яраты. Сопал кунъёсты со «гондыр» кiяз кутыса, ныркыса-посыса куяны яратэ* [1. С. 2]. ‘На войне он во время битвы крутит ружьем (самопалом), говоря, что это игрушка. Он не любит стрельбу из укрытия. Он любит, взяв в свои «медвежьи» лапы чужеродные страны, мять-давить’; *Али (каль) нуналлы быдэ коть мар мъстаись: «тунэ татын солэн пароходэз (корабэз), толон отын солэн пароходэз (корабэз) вуэ выйтытетын», шуон иворъёс вуыло* [3. С. 2]. ‘Сейчас каждый день из всех мест приходят сообщения: «сегодня здесь его пароход (корабль), вчера там его пароход (корабль) затоплен»’; и др.

Для газетных заметок-агиток военной тематики характерно усиление эффекта (в том числе и агитационного) ввиду частых повторов одних и тех же

* Здесь и далее сохранена орфография оригинала.

выражений, напр.: *одиг кылысь кариськыны* ‘стать заодно; сговориться’; *одиг кылысь ожмаськыны* ‘биться заодно’; *одиг кылысь луыны* ‘быть заодно’; и др. К примеру, в двухстраничном выпуске газеты «Войнаысь ивор» («Весть с войны») № 2 (11) от 1 сентября 1917 г. варианты фразеологизма *одиг кылысь* ‘единогласно; в один голос’ встречаются в одном абзаце 12 раз, что нагнетает напряжение и порождает патриотический подъем у читателя, ср.:

Крестьян муртъёс но огазе ёз-ке люкаськелэ, одйг кылысь соос ёз ке луэ, музейм но соос уз шэттэлэ, улэмзэс но жеч карыны уз быгатэлэ [4. С. 2]. ‘Если и крестьяне (букв. крестьянский народ) не соберутся вместе, не станут заодно, не получают (букв. не найдут) они и землю, и свою жизнь не улучшат’;

Ужась калыклы но, каль, туж шёдскыса улыны кулэ. Аслам вир юысьёсмы нош ик калык вылэ пуксьыны медам быгатэ вал. Уань калыклы, каль, одйг кылысь кариськыса, аслэсьтыз курадъытыса возысь тушмонъёссэ вормыны кулэ [4. С. 2]. ‘И рабочему народу сейчас нужно очень остерегаться (букв. остерегаясь жить). Наши кровопийцы не смогли чтобы снова обуздать (букв. сесть на) народ. Всему народу сейчас, став заодно, нужно победить своих мучителей-врагов’;

Соин-ик, юлтошъёс, одйг кылысь тй кариськыса, вордскем музеймдэс возьмаса утьыны кужымдэс огазе люкалэ. Быдэс калыклэсь кужымзэ огазе люканы понна кажной волостьын Советъ крестьянских депутатовъ быръыса пуктоно [4. С. 1]. ‘Поэтому, друзья, став (букв. сделавшись) заодно, вы соберите силы для защиты родной земли. Для объединения сил всего народа в каждой волости нужно назначить Совет крестьянских депутатов’;

Тй, шонер улысьёс, Временной Правительствоем но калыкъёслэн быръем советъёсыныз одйгкылысь луса, вордскем музеймдэс тушмонъёслэсь но солы юртысьёслэсь кин-ке маин быгатоз, соин со юртты [4. С. 1]. ‘Вы, верно живущие, будучи заодно с Временным Правительством и wybranными народом советами, кто чем может, помогайте [защитить] родную землю от врагов и их помощников’; и др.

Газеты военного времени насквозь пропитаны революционным духом, призывом к действию, к активизации своих сил против врага. В пример ставятся наиболее отличившиеся солдаты и командиры, напр.: *Солдатъёс офицеръёс сярысь тазыы шуса верало: «Кыл веранниз ёвёл таёе командиръёсын-ке ёвёл vormоно». Ваньмыз соёс солдатъёслэн азыпалазы тылы-но, вуэ-но пыро* [1. С. 1]. ‘Солдаты так говорят об офицерах: «Нет сомнений, что мы победим (букв. нет слов, если мы не победим) с такими командирами»’; *Вылэ командирзы шаг но салдатъёссы гуоссы дорысь ёвёл палэнскылэм* [1. С. 1]. ‘Их новый командир ни на шаг не отходил от солдатских окопов’; и др.

Также: *Крестьян муртлы сыёе законъёсты аслыз тупатыны кулэ. Дырыз дырзя ачимес одйг кылысь ём-ке карыське, аслам депутатъёсмы Учредительной собраніян кусказы кенешыны уз быгатэлэ но, ялам тэргаськыса-нэ улозы* [4. С. 2]. ‘Крестьянину нужно самому установить такие законы. Если мы вовремя не станем заодно, наши депутаты на Учредительном собрании не смогут договориться между собой и постоянно будут спорить’; и др.

Наряду с фразеологизмами и образными выражениями, изредка, но всегда к месту, встречаются пословицы, выражающие ту или иную народную мудрость,

напр.: *Соин-ик крестьян муртъёс дырыз дыръя одйг кылысь-ке кариськызы, нокин но соосты уз вормы. Котъмарлэсь дырыз тодоно. Дырыз ортчем бере эмезь понна чашкае (нюлэске) уг-ни ветло* [4. С. 2]. 'Поэтому, если крестьяне вовремя договорятся (букв. станут заодно), никто их не победит. Всему свое время (букв. Нужно знать время всего). После того как пройдет время, по малину в лес не ходят'; *Пуд кэ-но, кык-кэ-но, вить кэ-но кылиз, эн возьдаськэлэ вузаны. Каплиен-каплиен люкаськыса зёк моряёс-но пёрмо. Озь-ик ичин-ичинке-но уаньды (кинлэн кёня кылиз) вузыды, юн данак люкаськоз* [2. С. 1]. 'Если останется хотя бы пуд, хотя бы два, хотя бы пять, не стесняйтесь продавать. Собираясь по капле, образуются большие моря. Если так же понемногу все вы (у кого сколько осталось) продадите, очень много накопится'; и др.

Страницы удмуртских газет рисуют безрадостную картину того, что может произойти, если не бороться со старой властью и жить прежней тяжелой жизнью. Говорят о том, что крестьянам, рабочим нельзя вечно жить в темноте и подчинении, терпя постоянные поборы и побои со стороны помещиков; пришло время сбросить их со своей шеи и начать строить новую, светлую жизнь. Предостерегают: *Крестьян муртлэн тушмонэз оз-на бырэлэ: каль но соос, калыклэн чырты вылаз пуксьыса, вальляла сямен-ик, улонзы сярэсь чакласа, ватскыса уло* [4. С. 2]. 'У крестьянина враги еще не исчезли: и сейчас они, усевшись на народную шею, как и раньше, думая о своей жизни, спрятавшись живут'; *Ужась калыклы но, каль, туж шёдскыса улыны кулэ. Аслам вир юысьёсмы нош ик калык вылэ пуксьыны медам быгатэ вал. Уань калыклы, каль, одйг кылысь кариськыса, аслэсьтыз курадзьтыса возысь тушмоньёсэз вормыны кулэ* [4. С. 2]. 'И рабочему народу нынче нужно жить очень чутко. Как бы наши кровопийцы вновь не оседлали народ. Всему народу сейчас, став заодно, нужно победить своих мучителей врагов'; *Озь куспазы крестьян муртъёс тэргаськыны оддьазы ке, тушмоньёсыз солэн нош-ик вылаз пуксёзы* [4. С. 2]. 'Если крестьяне начнут так ругаться между собой, их враги снова сядут на них'; и др.

Отметим в удмуртских газетных текстах заимствования из русского языка таких терминов, как: *žечен-лякытэн улон* = *свобода* (одинаково часто встречаются оба варианта), *мир* (встречается в двух написаниях: с кавычками и без), напр.: *Выль правительство калыклы žечен-лякытэн улонэз вераз (свобода), крестьян муртлы но музьем čектйз* [4. С. 2]. 'Новое правительство сообщило народу о свободной жизни и крестьянину посулило землю'; *žечен-лякытэн улонэз но, музьёмез но, озь гинэ, капчин, уг луы сётыны: зечен-лякытэн улонэз тушмон калыклэсь возьмано, музьемез но калыклы сётыны кытыське шеттоно* [4. С. 2]. 'И свободную жизнь, и землю так просто, легко нельзя отдать: свободную жизнь нужно оберегать от врагов и землю, чтобы дать народу, нужно где-то найти'; *«Окмоз ини, дугделэ, мир карелэ, уно вир кисьтйды ини», шуса кенеш сётись Америкалэн (Соединенные Штатылэн) президентез Вильсон ачиз но али туннэ, али чукаžе жугиськыны потыны туртыса гинэ улэ* [3. С. 1]. '«Хватит уже, остановитесь, установите мир, вы уже много крови пролили» – дающий такой совет президент Америки (Соединенных Штатов) Вильсон и сам со дня на день (букв. то ли сегодня, то ли завтра) хочет пойти в наступление'; *Жугиськысь эксейёсыз «мир» карыны кенеш сётйсь Америка (Соединенн. Штаты), Вильгельмлэсь*

таёе ёсуаса верам кылзэ кытсы кошкэмзэ валаса, туннэ Германіяын ужзэ быттійз [3. С. 1]. ‘Дающая совет воюющим царям установить «мир» Америка (Соединенные Штаты), поняв направление пламенных слов Вильгельма, сегодня закончила дела в Германии’; и др.

Но в некоторых случаях авторы переводят русские понятия на родной язык, ср.: *шор улысь* ‘середняк’; и др. Проиллюстрируем рядом примеров: *Юлтошйос! Эн обыде крестьянэз но шор улысез* [5. С. 1]. ‘Друзья! Не обижайте крестьянина и середняка’; *Шор улйсь* *крестьянэз обижать карыны уг яра. Соослэсь узыр муртлэсь сямен одйг кылем валзэ но, уробозэ но, няньзэ но басьтыны уг яра* [5. С. 1]. ‘Середняка (букв. средне живущего крестьянина) обижать нельзя. У него, как у богача, ни последнюю лошадь, ни телегу, ни хлеб отбирать нельзя’; и др.

Публицистику называют летописью современности, так как она во всей полноте отражает текущую историю, обращена к злободневным проблемам общества – политическим, социальным, бытовым, философским и т. п., близка к художественной литературе. Так же как и беллетристика, публицистика тематически неисчерпаема, огромен ее жанровый диапазон, велики выразительные ресурсы.

Публицистика нач. XX в. таит в себе богатый материал для пополнения фразеологического фонда языка, который являет собой живой архив этнической памяти, благотворно влияющий на речевое поведение носителей языка. Наша задача – сохранение народной памяти, сокровищницы удмуртского народа, сокрытой в истории удмуртского языка.

Как показано выше, удмуртскоязычная газетная публицистика нач. XX в. содержит в себе богатый пласт удмуртской фразеологии, подробный анализ которой важен, в частности, для понимания исторических и современных процессов [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Войнаысь ивор. 1915. № 4.
2. Войнаысь ивор. 1915. № 5.
3. Войнаысь ивор. 1917. № 2. 10-тй февраль.
4. Войнаысь ивор. 1917. № 2 (11). 1-тй сентябрь.
5. Горд салдат. 1918. № 4. 8-тй май.
6. Ларин Б. А. О народной фразеологии (Доклад на X Республиканском совещании по диалектологии, прочитанный 12 мая 1959 года, Институт языкознания им. Потебни в Киеве) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы): Уч. пос. для студентов пед. ин-тов / Сост. проф. Б. Л. Богородский, проф. Н. А. Мещерский. М.: Просвещение, 1977. С. 149–162.
7. Русский язык и культура речи: Учебник для вузов / Под ред. В. Д. Черняк. М.: Высшая школа, 2002. 508 с.
8. См., например: Удмуртский край в годы Первой мировой войны / УИИЯЛ УрО РАН; общ. ред. А. Е. Загребин, Н. В. Тойкина. Ижевск, 2014. 288 с.

Поступила в редакцию 3.11.2014

A. V. Yegorov

**Phraseology in the Udmurt Newspapers
(on the Example of Texts of the Beginning of the 20th Century)**

This article deals with the features of figurativeness of the Udmurt phraseology and paremia, associated with the military theme. The analysis is based on the Udmurt newspaper texts of the early twentieth century. The Udmurt wartime newspapers represent an extremely interesting and rich layer of the Udmurt culture, still not subjected to detailed analysis. By the reason of absence of stable norms of spelling in the Udmurt language in specified historical period, vocabulary, spelling and syntax have a pronounced dialectal character in the texts under consideration. The Udmurt media (both modern and archival) contains a rich material for replenishment of a modern phraseological Fund of the Udmurt language.

Keywords: the Udmurt language, Udmurt newspapers, publicistic phraseology, the First World War.

Егоров Александр Викторович,

кандидат филологических наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: egorov@udnii.ru

Yegorov Alexandr Viktorovich,

Candidate of Sciences (Philology),
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: egorov@udnii.ru

А. Н. Ракин

УДМУРТСКИЕ НАЗВАНИЯ АТМОСФЕРНЫХ ОСАДКОВ

Статья посвящена исследованию обозначений атмосферных осадков в удмуртском литературном языке. Данная микроструктура в составе метеорологической лексики формировалась на основе внутренних ресурсов в течение многих тысячелетий, начиная с прауральской эпохи. Ее денотативное содержание отражает такие атмосферные реальности северного полушария Земли, как дождь, морось, снег, град, гололедица и др.

Ключевые слова: удмуртский язык, метеорологическая лексика, названия атмосферных осадков, исконные обозначения, заимствования.

Метеорологическая лексика представляет собой самостоятельную систему со своей структурной организацией и конкретным набором номинативных единиц. Она предназначена для обозначения околоземного атмосферного пространства, а также происходящих в нем процессов и явлений. Связана она с наблюдениями за погодными условиями, передвижением воздушных масс и за выпадением осадков, непосредственно влияющих на состояние природы, на жизнь и деятельность человека.

Данное исследование посвящено лингвистическому анализу одного из пяти компонентов метеорологической лексики – названиям атмосферных осадков в удмуртском литературном языке. Корпус данной лексико-тематической группы, составленный на основе лексикографических источников, а также на материале, выявленном нами путем устного опроса нескольких компетентных носителей удмуртского языка, состоит из 93 обозначений. Вся эта совокупность лексических единиц относится к 57 объектам номинации. Статистические подсчеты показывают, что количество объектов номинации и количество названий, используемых для их обозначения, не совпадают. Это объясняется прежде всего тем, что в речевой практике для одного и того же обозначаемого может быть использовано не одно, а несколько названий, например: *осадки* – 1) лымы-зор, 2) зор-кот; *крупя* – 1) куакакеньыр, 2) зиро; *снегопад* – 1) лымы усён, 2) лымыян и др.

Примеры с тремя обозначениями: *роса* – 1) жәрву, 2) инву, 3) лысву; *снежинка* – 1) лымы быртык, 2) лымы пыры, 3) чильлымы и др.

Примеры с четырьмя обозначениями: *мокрый снег* – 1) кот лымы, 2) супыль лымы, 3) шуль лымы, 4) ыль лымы; *град* – 1) йё, 2) йёзор, 3) йё куштон, 4) йё уськытон и др.

Примеры с пятью и шестью обозначениями: *морось* – 1) векчи зор, 2) кыдырась зор, 3) кыдыри, 4) пужнйсь зор, 5) пызырась зор; *сугроб* – 1) букос, 2) курт, 3) лымы пуктэм, 4) пельтэм лымы, 5) пуктэм лымы, 6) төл пельтэм.

С другой стороны, некоторое количество названий – это полисемантические наименования, относящиеся к различным объектам номинации, например: *гөр* – 1) иней, 2) изморозь, *зиро* – 1) изморозь, 2) крупа; *курт* – 1) крупа, 2) наст.

У основной массы рассматриваемых нами названий атмосферных осадков широкая сфера распространения: они употребляются и в книжно-письменной форме, и в территориальных разновидностях удмуртского языка: *зор* ‘дождь’, *йёкурам* ‘гололедица’, *куакакеньыр* ‘крупа’, *лымы* ‘снег’, *пужмер* ‘иней’, *сильзор* ‘ливень’, *юж* ‘наст’ и др. Наряду с названиями атмосферных осадков, распространенных повсеместно, в нормативных словарях удмуртского языка приводятся также диалектизмы. Данная группа обозначений состоит из следующих слов: *инву* диал. ‘роса’ [13. С. 168], *курт* диал. ‘сугроб; наст’ [14. С. 357], *кым* диал. ‘иней’ [13. С. 243], *юз-нэр* диал. ‘изморозь; иней’ [14. С. 813]. Такие обозначения, как правило, дублируют соответствующие слова литературного языка: ср. *лысву* ‘роса’ [13. С. 266], *пельтэм лымы* ‘сугроб’ [13. С. 337], *гөр* ‘иней’ [13. С. 113], *зиро* ‘изморозь’ [13. С. 153].

Подавляющее большинство обозначений атмосферных осадков относится к исконному словарному фонду. Иноязычный компонент незначителен; русские заимствования вообще отсутствуют. Названий тюркского происхождения всего три. Одно из них употребляется самостоятельно: *кырпак* ‘пороша; изморозь’ [14. С. 378] < тюрк., ср. тат. *кырпак кар* ‘пороша, первый снег’ [12. С. 312], башк. *кырпак кар* ‘первый снег’ [2. С. 360; см. также: 11. С. 94]. Два других заимствования употребляются в сочетании с исконными удмуртскими компонентами:

1) *лымы тузон* ‘снежная пыль’ (*лымы* ‘снег, снежный’, *тузон* ‘пыль’), ср. тат. *тузан* ‘пыль’ [12. С. 552], башк. *тузан* ‘пыль’ [2. С. 547], чув. *тусан* ‘пыль’ [15. С. 547; см. также: 11. С. 128];

2) *мамык лымы* ‘снежные хлопья’ (*мамык* ‘пух’, *лымы* ‘снег’), ср. тат. *мамык* ‘пух’ [12. С. 361], башк. *мамык* ‘пух’ [2. С. 376], чув. *мамък* ‘пух’ [15. С. 67; см. также: 11. С. 98].

Данные факты свидетельствуют о том, что лексика атмосферных осадков формировалась в основном на базе внутренних ресурсов в ранние периоды существования удмуртского языка, и иноязычное влияние не имело существенного значения для ее развития.

Отметим, что в других отраслях метеорологической лексики удмуртского языка заимствованный компонент также немногочислен, но более разнообразен по составу. Так, в группе обозначений атмосферных явлений различается не один, а три типа заимствований:

а) названия тюркского происхождения: *акшан* ‘сумерки’ [14. С. 26] < тюрк., ср. тат. *ахшам* ‘вечер; сумерки’ [1. С. 72]; *решо* ‘mareво; дымка’ [13. С. 378] < тюрк., ср. тат. *рәшә* ‘mareво’ [12. С. 456];

б) названия русского происхождения: *заринча* ‘зарница’ [14. С. 226] < рус., ср. *зарница* ‘мгновенная световая вспышка без грома на небосклоне ночью или вечером – отблеск далекой грозы’ [10. С. 566];

в) названия марийского происхождения: *тутыра* ‘туман; дымка’ [14. С. 666] < мар., ср. *тўтыра* ‘туман’ [6. С. 354].

В составе исконной лексики, как и в других отраслях словарного запаса удмуртского языка, можно выделить древний (допермский, общепермский) и поздний (собственно удмуртский) диахронические пласты.

К группе обозначений допермского периода относятся названия прауральского, прафинно-угорского и прафинно-пермского происхождения.

I. Обозначения, унаследованные из уральского праязыка, – самые древние: у них есть генетические соответствия и в финно-угорских, и самодийских языках: удм. *гөр* ‘иней; изморозь’, кз. *гыӧр* ‘иней’, кп. *гыӧр* ‘иней’ < общеп. **gi̯er* ‘изморозь’ [5. С. 85]; ф. *kuura* ‘иней’, венг. *hóharmat* ‘иней’, сельк. *kurə* ‘мелкий снег; иней’, кам. *kuro* ‘иней; мороз’ < ур. **kura* ‘иней; мелкий снег’ [16. С. 215].

К числу названий атмосферных осадков прауральского происхождения относятся также обозначения наста *чарӧм* в коми-зырянском и коми-пермяцком языках [4. С. 696; 3. С. 527], которые сопоставимы с соответствиями из родственных языков: венг. *szirony* ‘после оттепели замерзшая поверхность снега’, ненец. *sirra* ‘снег’, сельк. *ser* ‘снег’, кам. *səre* ‘снег; снегопад’ < ур. **s'are* ‘твердый снег, ледяная корка на снегу’ [16. С. 464]. В удмуртском языке это древнее слово не сохранилось, вместо него употребляется название наста более позднего происхождения *юж* (см. ниже).

II. Особенность обозначений прафинно-угорского происхождения состоит в том, что у них есть соответствия только в современных финно-угорских языках. Поскольку данная категория слов возникла после распада прауральского языка, генетические параллели в современных самодийских языках отсутствуют: удм. *пужмер* ‘иней’, кз. *пуж* ‘тж’, кп. *пуж* ‘тж’ < общеп. **pi̯ž, pi̯žim* ‘иней’ [5. С. 231]; мар. *покишым* ‘иней’, хант. *ро̄с̄т* ‘иней’ < ф.-у. **pi̯čz (*pe̯čz)* ‘иней; роса’ [16. С. 377].

III. Обозначения финно-пермского происхождения в хронологическом отношении составляют верхний слой допермской лексики и имеют генетические соответствия в прибалтийско-финских и волжских языках:

1) удм. *лымы* ‘снег’, кз. *лым* ‘тж’, кп. *лым* ‘тж’ < общеп. **l̥imz* ‘снег’ [5. С. 164]; мар. *лум* ‘снег’, морд. *лов* ‘тж’, ф. *lumi* ‘тж’, эст. *lumi* ‘тж’ < ф.-п. **lute* ‘снег’ [16. С. 253];

2) удм. *юж* ‘наст’, кз. *юж* ‘плотный снег’, кп. *юж* ‘плотный, протоптанный (о снеге)’ < общеп. **ju̯ž* ‘плотный снег, наст’ [5. С. 334]; мар. *йож* ‘вьюга, метель, буран’, саам. *jassa* ‘снег, который весной и осенью в горах образует твердую поверхность’ < ф.-п. **ja̯čz* ‘твердый снежный покров’ [16. С. 630].

IV. Обозначения общепермского происхождения восходят к прапермскому языку-основе. Употребляются они только в современных пермских языках (в дальнеродственных языках генетических соответствий не имеют):

1) удм. *зор* ‘дождь’, кз. *зэр* ‘тж’, кп. *зэр* ‘тж’ < общеп. **zer* ‘дождь’ [5. С. 108];

2) удм. *йӧзор* ‘град’, кз. *йи зэр* ‘ледяной дождь’, кп. *йыа зэр* ‘ледяной дождь’ < общеп. **j̥ō-zer* ‘град; ледяной дождь’;

3) удм. *кезьыт зор* 'холодный дождь', кз. *кӧдзыд зэр* 'тж', кп. *кӧдзыт зэр* 'тж' < общеп. **kež'it-zer* 'холодный дождь';

4) удм. *кӧс лымы* 'сухой снег', кз. *кос лым* 'тж', кп. *кӧс лым* 'тж' < общеп. **kösk-lümz* 'сухой снег';

5) удм. *лымы-зор* 'осадки', кз. *лым-зэр* 'тж' < общеп. **lümz-zer* 'осадки';

6) удм. *лысву* 'роса', кз. *лысва* 'тж', кп. *лысва* 'тж' < общеп. **lūs-va* 'роса' [5. С. 164];

7) удм. *шундыё зор* 'грибной дождь', кз. *шондіа зэр* 'тж', кп. *шондіа зэр* 'тж' < общеп. **šondia-zer* 'грибной дождь';

8) удм. *шуныт зор* 'теплый дождь', кз. *шоньд зэр* 'тж', кп. *шоньт зэр* 'тж' < общеп. **šonit-zer* 'теплый дождь';

9) удм. *ыль лымы* 'мокрый снег', кз. *уль лым* 'тж', кп. *уль лым* 'тж' < общеп. **gl'-lümz* 'мокрый снег'.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что общими для современных пермских языков являются не только одночленные лексические единицы, но и обозначения, представляющие собой композиты и составные конструкции, которые, как правило, совпадают между собой и по структуре, и по семантике.

Лексические единицы общепермского происхождения генетических соответствий в других финно-угорских языках не имеют, вместо них употребляются собственные образования, например:

1) удм. *зор* 'дождь' – мар. *йӱр* 'тж' [6. С. 91], мокш. *низем* 'тж' [7. С. 102], ф. *sade* 'тж' [8. С. 173];

2) удм. *лысву* 'роса' – мар. *лупс* 'тж' [6. С. 176], эрз. *начко* 'тж' [9. С. 493], ф. *kaste* 'тж' [8. С. 749];

3) удм. *лымы-зор* 'осадки' – мар. *йӱр* 'тж' [6. С. 91], мокш. *ловт-низеш* 'тж' [7. С. 340], ф. *sade* 'тж' [8. С. 489];

4) удм. *йӧзор* 'град' – мар. *шолем* 'тж' [6. С. 68], морд. *цярахман* 'тж' [8. С. 80; 9. С. 106], ф. *rakeet* 'тж' [8. С. 143].

Самые поздние по своему происхождению – собственно удмуртские названия осадков, возникшие после распада прапермской языковой общности, в эпоху самостоятельного существования удмуртского языка. Данная категория метеорологической лексики известна только на территории проживания удмуртов и носителями других пермских языков не употребляется. В количественном отношении эта группа названий атмосферных осадков самая многочисленная – более 70 лексических единиц.

Часть собственно удмуртских названий атмосферных осадков имеет одночленную структуру: *зиро* 'изморозь' [14. С. 227], *курт* 'сугроб; наст' [14. С. 357], *кыдыри* 'морось' [14. С. 336], *кым* 'иней' [13. С. 273], *сулеп* 'слякоть' [14. С. 614] и др.

Следующие обозначения являются двучленными номинативными единицами в слитном или дефисном написании: *жальзор* 'ливень' [14. С. 207], *зор-кот* 'осадки' [14. С. 230], *жарву* 'роса' [14. С. 237], *йӧкуштон* 'град' [14. С. 259], *чильлымы* 'снежинка' [14. С. 730] и др.

Составные обозначения представляют собой словосочетания из двух, трех и четырех компонентов: *векчи зор* 'мелкий дождь' (*векчи* 'мелкий', *зор* 'дождь'), *зор шапык* 'капля дождя' (*шапык* 'капля'), *кот лымы* 'мокрый снег' (*кот* 'мокрый',

сырой', *лымы* 'снег'), *пужнйсь зор* 'морось' (*пужнйсь* 'морозящий'), *тулыс кынтылон* 'весенние заморозки' (*тулыс* 'весна, весенний', *кынтылон* 'подмораживание'), *пуктэм лымы* 'сугроб' (*пуктэм* 'занесенный'); *векчи зор шапык* 'мелкая капля дождя' (*векчи* 'мелкий', *зор* 'дождь', *шапык* 'капля'), *дурен кисьтйсь зор* 'проливной дождь' (*дурен* 'через край', *кисьтйсь* 'льющий', *зор* 'дождь'), *гудыръяса ортчись зор* 'грозовой дождь' (*гудыръяса* 'с громом, с грохотом', *ортчись* 'проходящий', *зор* 'дождь'); *ведра дурен кисьтйсь зор* 'ливень' (букв. 'через край ведра льющий дождь').

Смысловое содержание многих собственно удмуртских названий атмосферных осадков понятно, в большинстве случаев непосредственно связано с денотативным признаком объекта номинации: *йöвалег* 'гололедица' (букв. 'ледяная гладь; ледяной блик'), *туж кужмо зор* 'ливень' (букв. 'очень сильный дождь'), *инев* 'роса' (букв. 'небесная вода'), *лысву шапык* 'росинка' (букв. 'капля росы'), *йук пужмер* 'утренний иней' (*йук* 'утро, утренний', *пужмер* 'иней') и др.

Во многих случаях подобного рода названия, будучи метафорическими обозначениями, образно выражают обозначаемое понятие: *куакакеньыр* 'крупа' (букв. 'воронья крупа'), *кулэм муртэз ватон* 'дождь в ясную погоду' (букв. 'похороны умершего человека'), *лек зор* 'проливной дождь' (букв. 'злой дождь'), *йольгыри быдэа лымы* 'снежные хлопья' (букв. 'с воробья величиной снег') и др.

Собственно удмуртским названиям атмосферных осадков этимологические параллели в других пермских языках отсутствуют, в них употребляются совершенно иные обозначения, например: удм. *пельтэм лымы* 'сугроб' – кз. кп. *тола* 'тж' [4. С. 644; 3. С. 476], удм. *зор шапык* 'капля дождя' – кз. кп. *зэр тусь* 'тж' [4. С. 665; 3. С. 496], удм. *лымы пыры* 'снежинка' – кз. кп. *лым чир* 'тж' [4. С. 706; 3. С. 537], удм. *куакакеньыр* 'крупа' – кз. кп. *катишашыдöс* 'тж' [4. С. 263; 3. С. 167] и др.

Таким образом, названия атмосферных осадков в составе метеорологической лексики удмуртского языка представляют собой самостоятельную микросистему. Ее денотативное содержание отражает такие атмосферные реальности северного полушария Земли, как дождь, морось, ливень, снег, град, изморозь, гололедица, сугроб и др.

Формирование данной лексико-тематической группы происходило на основе внутренних ресурсов в течение многих тысячелетий, начиная с прауральской эпохи. Специфическая часть названий осадков (собственно удмуртские обозначения), отличающая от аналогичных систем других родственных языков, начинает складываться на поздних этапах эволюции удмуртского языка, после распада прапермской языковой общности. К этому же периоду относится и появление, пусть и незначительного, иноязычного влияния.

СОКРАЩЕНИЯ

башк. – башкирский язык, венг. – венгерский язык, диал. – диалектное слово, кам. – камасинский язык, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, мар. – марийский язык, мокш. – мокша-мордовский язык, морд. – мордовские языки, ненец. – ненецкий язык, общеп. – общепермский язык-основа, рус. – русский язык, саам. – саамский язык, сельк. – селькупский язык, тат. – татарский язык, тюрк. – тюркские языки, удм. – удмуртский язык, ур. – уральский праязык, ф. – финский язык, ф.-п. – финно-пермский

праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык, хант. – хантыйский язык, чув. – чувашский язык, эрз. – эрзя-мордовский язык, эст. – эстонский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск, 1988. 240 с.
2. Башкирско-русский словарь. М., 1958. 804 с.
3. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. 624 с.
4. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000. 816 с.
5. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
6. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991. 512 с.
7. Русско-мокшанский словарь. Саранск, 2012. 560 с.
8. Русско-финский словарь. М., 1963. 1000 с.
9. Русско-эрзянский словарь. Саранск, 2012. 624 с.
10. Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1981. 689 с.
11. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993. 214 с.
12. Татарско-русский словарь. М., 1966. 863 с.
13. Удмуртско-русский словарь / Под ред. В. М. Вахрушева. М., 1993. 592 с.
14. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 925 с.
15. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. Чебоксары, 1999. 432 с.
16. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. B. 1–2. Budapest, 1988. 906 S.

Поступила в редакцию 28.11.2014

A. N. Rakin

Udmurt Names of Atmospheric Precipitations

The paper deals with research of designations of atmospheric precipitations in the Udmurt literary language. Formation of the given microstructure as a part of meteorological vocabulary occurred on the basis of internal resources within many millennia, since the pra-Ural epoch. Its denotative content reflects such atmospheric realities of northern hemisphere of the Earth, as rain, drizzle, snow, hail, glaze ice, etc.

Keywords: the Udmurt language, meteorological vocabulary, names of atmospheric precipitations, primordial designations, borrowings.

Ракин Анатолий Николаевич,

доктор филологических наук,

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра

Уральского отделения РАН

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24

E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Rakin Anatoliy Nikolaevich,

Doctor of Sciences (Philology),

Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 24

E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

В. Н. Денисов

**ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ФОНОГРАФИЧЕСКИХ
ЗАПИСЕЙ УДМУРТОВ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ
В 1911–1912 гг. НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО
ПРИКАМЬЯ***

Анализ звуковых архивов в Европе показывает, что впервые фонографические записи удмуртов и коми-пермяков были проведены немецкими учеными, в частности сотрудником Берлинского Фонограммархива Робертом Пелисье в 1911–1912 гг. Он специально посетил Верхнее Прикамье для проведения фольклорных записей среди местного населения. В числе его информантов были удмурты, коми-пермяки, русские и татары, населявшие дальний уголок Вятской губернии. Эти уникальные звуковые материалы хранятся в Берлинском Фонограммархиве и представляют огромный интерес для финно-угроведов.

Ключевые слова: фонографические записи, Берлинский Фонограммархив, удмурты, коми-пермяки, Верхнее Прикамье, Зюздинский край.

Фольклорно-лингвистические коллекции записей пермских народов формировались в течение многих лет усилиями как российских, так и зарубежных исследователей. Считалось, что на территории России впервые фонографические записи представителей этих народов провел известный русский собиратель и ученый Г. Д. Федоров. 4 ноября 1914 г. в городке Ижма Пустозерской волости Печёрского уезда Архангельской губ. (ныне это г. Сосногорск Коми Республики) он записал на фонограф разговор двух коми-зырян [1. С. 132]. В настоящее время данные материалы хранятся в Санкт-Петербурге, в специализированном учреждении Академии наук РАН – Фонограммархиве ИРЛИ (Пушкинский Дом). Исследования фондов этого известного в Российской Федерации звукового архива показали, что сейчас там находится 7 коми-зырянских и 5 удмуртских коллекций, записанных как на восковые цилиндры (валики), так и на магнитные ленты [3]. К сожалению, в описаниях фондов Фонограммархива ИРЛИ нет упоминания о записях, относящихся непосредственно к коми-пермякам.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 14-18-03573 «“Поля несуществующего”»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

Значительные по объему и ценности коллекции записей пермских народов хранятся также в Берлинском и Венском Фонограммархивах. Собраны были в 1915–1918 гг. во время реализации масштабного проекта по записям военнопленных из разных стран мира (в том числе из Российской империи), волею судеб оказавшихся на территории Германии и Австро-Венгрии во время I Мировой войны. В этих странах с привлечением ученых были созданы Фонографические комиссии, которые занимались подбором информантов из военнопленных различных национальностей, включая представителей пермских народов. В результате в Германии было записано 17 удмуртов и 5 коми-зырян, а в Австро-Венгрии – 30 удмуртов, 5 коми-зырян и единственный коми-пермяк – Иван Тихонович Анфалов из Гайнской волости Чердынского уезда Пермской губ. Результаты исследований этих фольклорно-лингвистических записей были опубликованы в нескольких трудах австро-венгерских ученых [См. например: 5]. Немецким же ученым не удалось в те годы переработать столь значительный и разнообразный по объему собранный материал и опубликовать его. Тем не менее ценные исторические записи, первоначально зафиксированные ими на фонографических валиках, сейчас переведены в цифровой формат и доступны для исследователей. Часть материалов Фонографической комиссии хранится также в Звуковом архиве (Лаутархиве) университета им. Гумбольдта в Берлине на шеллаковых (граммофонных) пластинках.

Дальнейшие поиски в исторических фондах Берлинского Фонограммархива позволили обнаружить еще более ранние записи коми-пермяков и удмуртов, датированные 1911–1912 гг. Исследователем, собравшим эти записи более 100 лет назад, оказался сотрудник Фонограммархива немецкий лингвист французского происхождения, доктор философии Роберт Пелисье (Robert Pelissier). Осенью 1911 г. он прибыл в Верхнее Прикамье, разделенное тогда между двумя губерниями (Вятской и Пермской), чтобы провести фольклорно-этнографические записи местных жителей различных национальностей.

Подробная информация о путешествии Р. Пелисье в Верхнее Прикамье практически отсутствует. Краткие сведения о его пребывании в Вятском регионе обнаружились лишь в газете «Вятские Епархиальные ведомости» за № 37 от 13 сентября 1912 года. Автор статьи под псевдонимом «Magister» сообщает: *«Немецкий ученый, доктор философии Роберт Робертович Пелисье, посетивший Вологодскую губ. и Кайский край Слободского уезда (Вятской губернии. – В. Д.), – поселился в марте в глухой деревеньке “Новосельковской” на окраине Глазовского уезда в Бисеровской волости»* [2]. Этот край назывался тогда «Зюздинским», а ее жители – «зюздяками». Зюздинский край, расположенный в Верховьях Камы, не случайно привлек к себе внимание немецкого ученого: здесь издавна проживали представители нескольких народов – коми-пермяков, удмуртов и русских. До 1929 г. существовал даже административный район под таким же названием, позднее переименованный в Афанасьевский р-он Кировской обл.

Справка. Зюздинские коми-пермяки – это особенная этнографическая группа коми, давно обособившаяся от коми и географически оказавшаяся между северными удмуртами и коми-пермяками. Диалект, на котором они говорят, занимает промежуточное место между коми-пермяцким и коми-зырянским языками и относится к верхне-камскому диалекту коми-пермяцкого языка. В нач. XX в.

численность их составляла порядка 12 000 человек, но постепенно ситуация менялась, и к 1970 г. их количество значительно уменьшилось. По переписи 2010 г. в Афанасьевском р-не зафиксировано свыше 300 коми-пермяков (что составляло 2,1 % от общего числа жителей) [4]. Эти цифры вызывают удивление, поскольку во время переписи коми-пермяками были записаны только те, кто настоял на вопросе об их этнической принадлежности. В наши дни в этом районе проживают лишь отдельные носители языка, этнически осознающие себя коми-пермяками.

Недалеко от места временного пребывания гостя из Германии находилась Кувакушская старообрядческая община, и многие верующие считали ученого антихристом, прибывшим из-за границы. Пелисье знал о таких слухах и какое-то время даже опасался за свою жизнь. Тем не менее местный народ понравился ему своими положительными качествами: добротой, гостеприимством, разговорчивостью и откровенностью. С нескрываемой симпатией относился Пелисье к своим информантам, независимо от их национальной принадлежности. У многих из местных жителей исследователь особо отмечал такую черту, как природная интеллигентность, а иногда – застенчивость.

Во время экспедиции в Верхнее Прикамье Р. Пелисье с помощью фонографа Эдисона записал 27 восковых валиков. Краткое описание его коллекции приводится в книге Сюзанны Циглер «Восковые коллекции Берлинского Фонограммархива» 2006 г., в которой материалам, собранным Пелисье, присвоен порядковый номер 237 [См.: 8]. К книге прилагается CD-диск со звучащими образцами некоторых коллекций Берлинского Фонограммархива. В него вошли также рукописные материалы и документы экспедиций, представляющие особую ценность для исследователей. К счастью, среди скопированных документов оказались именно сопроводительные материалы экспедиции Р. Пелисье, перепечатанные с рукописей.

В списке информантов немецкого ученого оказались удмурты, коми-пермяки, татары и русские, в частности старообрядцы, которые совместно проживали в этом обширном лесном краю на стыке двух губерний. Значительную часть его информантов составили жители Глазовского уезда, удмурты из населенных пунктов недалеко от села Понино: Ляпино, Полдарай, Кортышево*. Именно в этих местах в ноябре 1911 г. Р. Пелисье начал свою научную экспедицию в Верхнее Прикамье и, судя по сопроводительным записям к восковым валикам, провел здесь около месяца [См. приложение на CD к работе Сюзанны Циглер: 9]. За это время ему удалось собрать удмуртскую коллекцию из пяти фонографических валиков, на которые записано 5 песен (свадебная, рекрутская и 3 лирические) и 4 рассказа, связанные с местным фольклором (истории о привидениях) и описанием ярмарки в с. Понино. Очевидно, что исследователя интересовали не только песни, но и разговорная речь. В сопроводительных записях к валикам отражена информация, включающая в себя следующие пункты: 1. номер записи; 2. язык; 3. время записи; 4. место записи; 5. исполнитель; 6. содержание записи; 7. примечания и личностные характеристики информантов.

В графе «Исполнитель» чаще всего указывается только имя информанта. Например, в описании к валику № 1 на немецком языке написано: «*Дер. Полдарай* (в нем. транскрипции: *Poldarai*); *удмуртская девушка Мария, свадебная песня,*

* Сейчас дд. Ляпино и Полдарай относятся к муниципальному образованию «Понинское», а д. Кортышево – к муниципальному образованию «Куреговское» Глазовского р-на УР.

17–20 лет, понимает и говорит по-русски». В описании к валику № 2 представлена следующая информация: *«Дер. Кортышево (Kortyševo); удмуртская девушка Дуня, рекрутская песня, 17–20 лет, понимает и говорит по-русски»* [Там же]. В некоторых случаях исследователь полностью приводит имя, фамилию и отчество своих информантов. Это относится, например, к Ефиму Григорьевичу Дзюину (валики № 4 и 5), 30 лет, крестьянину из д. Кортышево, владеющему профессией портного, но временами подрабатывающему еще лесным промыслом в Пермской губ.

В отдельных случаях Р. Пелисье дает еще более подробную характеристику своим информантам, особенно, если находит в них привлекательные черты характера или какие-то другие интересные особенности. Например, об одном информанте из д. Ляпино (*Ljapino*) Глазовского уезда, исследователь пишет: *«Илья Семенович, около 30 лет, крестьянин, участник русско-японской войны, очень интеллигентный, работающий хозяин»*, – или приводит необычное описание другого информанта: *«Кирилл Щупин (Schtschupin), крестьянин, 20 лет, неуклюжий, но надежный и застенчивый, не хочет покидать свою родную деревню»* [Там же]. Такие характеристики говорят о нескрываемой симпатии Р. Пелисье к своим информантам, с которыми он общался совсем непродолжительное время.

В декабре 1911 г. в д. Ичетовкины (современный Афанасьевский р-н Кировской обл.) были записаны им первые коми-пермяцкие информанты: Александр Варанкин (валики № 6 и 7) 20 лет, родом из соседнего села Варанкины, валенщик по профессии. Рассказывая сказку на коми-пермяцком языке, он часто использовал русские слова, из чего Р. Пелисье делает вывод: местный язык сильно русифицирован и находится на стадии вымирания. На следующем валике (валик № 8) тот же Александр Варанкин записан вместе с другим коми-пермяком Дмитрием Быданцевым (вместе они занимались отхожим промыслом в окрестных деревнях около с. Афанасьево).

В числе информантов была Наталья Васиха (валик № 9), 50 лет, интеллигентная на вид, родом из д. Некрасово (12 верст от д. Ичетовкины), уже 30 лет проживающая за пределами своей родной деревни. Другая информантка – Настасья (валик № 10), 20 лет, из д. Починки на реке Кама, – исполнила на коми-пермяцком языке лирическую песню о любви; исследователь отмечает, что она находится в печальном расположении духа, так как совсем недавно ее муж оказался в тюрьме и ожидает отправки на каторгу. В апреле 1912 г. Р. Пелисье заехал к коми-пермякам в д. Синтамовы Соликамского уезда Пермской губ., где записал еще один валик под № 11. По его данным, в этой деревне основной язык общения – коми-пермяцкий, при этом русский язык понимают только мужчины, а женщины не всегда его знают. Здесь две девушки исполнили песню о весенних играх; затем мужчина, объездчик леса, бывший солдат с твердым характером и веселым нравом, спел песню.

На валиках №№ 22, 23, 24 находятся записи религиозного содержания, исполненные русскими старообрядцами Кувакушской общины, среди которых есть грамотные. Например, Ожегин из д. Лесная, 17–18 лет, сын священника-старообрядца, посещал школу в 11 верстах от д. Высокий Мыс, умеет читать и писать. Здесь немецкий ученый отмечает, что местные жители по происхождению коми-пермяки, но сильно русифицированы; по отношению к нему были настроены недоверчиво и порой даже враждебно.

В январе 1912 г. немецкий ученый посетил д. Верх-Непринские Починки в северной части Глазовского уезда и записал еще три восковых валика (валики №№ 25–27). Здесь его информантами были Варвара Тебенькова, 17 лет, и Татьяна Полудницына, которые исполнили несколько русских песен.

Затем Р. Пелисье перебрался в Бисеровскую волость и поселился в деревеньке Новоселковская, где провел довольно значительный период времени – до декабря 1912 г. Отсюда он совершал поездки по окрестным населенным пунктам, забираясь даже в Пермский край, подбирая себе подходящих информантов из числа местных жителей: коми-пермяков, русских и татар. В апреле–мае этого года немецкий ученый проводит серию записей татарских информантов (8 восковых валиков) в соседних с Новоселковской населенных пунктах Высокий Мыс и Дальний Лог Глазовского уезда Вятской губ.

Сегодня, опираясь на рукописные материалы Р. Пелисье, найти все населенные пункты, в которых проводились записи, невозможно, поскольку многие из них впоследствии были переименованы или исчезли. Тем значимее то, что анализ сопроводительных записей экспедиции немецкого ученого дает нам интереснейший фактический материал о жизни местных жителей одного из глухих уголков Российской империи нач. XX в. – Верхнего Прикамья, а также образцы песен, включая религиозные, и фольклор удмуртов, коми-пермяков, татар и русских.

Исследования архивных материалов по пермским языкам в звуковых архивах Европы, в том числе и российских, показали, что на сегодняшний день записи Роберта Пелисье 1911–1912 гг. могут считаться **самой первой фиксацией звучащей речи удмуртов и коми-пермяков на механических носителях**, в данном случае – на восковых валиках Т. Эдисона.

Что касается личности Роберта Пелисье, то о нем даже в самой Германии мало информации. Известно лишь, что незадолго до своей экспедиционной поездки в Россию он получил степень доктора философии по лингвистике. В самом начале Первой мировой войны он был призван в армию и вскоре погиб, не успев полностью расшифровать свои полевые материалы. В 1925 г. часть его экспедиционных материалов, посвященных мордовским эрзянским песням, сказкам и заговорам, была опубликована в Берлине под редакцией Вильгельма Дёгена (Wilhelm Doegen), известного немецкого языковеда, организатора Звукового архива при университете им. Гумбольдта [7]. Спустя несколько лет, в 1929 г., другой немецкий ученый Петер Панофф (Peter Panóff) опубликовал некоторые материалы Р. Пелисье под названием «Фонографированные вотяцкие, пермяцкие и татарские песни» [6]. К сожалению, этими двумя работами в Германии ограничиваются публикации его ценнейших экспедиционных материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурькин А. А., Гирфанова А. Х., Кастров А. Ю., Марченко Ю. И., Светозарова Н. Д., Шифф В. П. Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2005. 132 с.

2. Вятские Епархиальные Ведомости. 1912. № 13. 13 сент.

3. Денисов В. Н. Фольклорные и лингвистические записи финно-угорских народов в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) // Финно-угорские

этносы: технологии развития в условиях глобализации. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 26–27 ноября 2009 г. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 5–8.

4. http://ru.wikipedia.org/wiki/Афанасьевский_район.

5. *Lach R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917. Wien. 1918.
Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. B. 1: Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung: Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs, Wien und Leipzig. 1926.

6. *Panóff P.* Phonographierte wotjakische, permjakische und tatarische Leader. Zeitschrift für Musikwissenschaft 11: 1929. S. 609–626.

7. *Pelissier R.* Mordwinische Erzählungen und Lieder, Märchen und Zaubersprüche. In: Doegen, Wilhelm (Hrsg.). Inter fremden Völkern. Eine neue Völkerunde. Berlin: Stollberg, 1925. S. 233–249.

8. *Ziegler S.* Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs. Ethnologisches Museum – Staatliche Museen zu Berlin, 2006. 512 S.

9. *Ziegler S.* Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs, Textdokumentation und Klangbeispiele. CD-ROM Beilage zum Katalog. Ethnologisches Museum – Staatliche Museen zu Berlin, 2006. S. 614.

Поступила в редакцию 28.10.2014

V. N. Denisov

From History of the First Phonographic Recordings of the Udmurts and Komi-Permyaks in the Territory of Upper Prikamye in 1911–1912

The analysis of sound archives in Europe shows that the first phonographic recordings of the Udmurts and Komi-Permyaks were carried out by the German scientist from the Berlin Phonogram-Archive, namely Robert Pelissier in 1911–1912. He visited the Upper Prikamye for the purpose of carrying out folklore recordings among local population. Among his informants there were the Udmurts, Komi-Permyaks, Russians and Tatars occupying this distant corner of the Vyatka province. Now these unique sound materials are stored in the Berlin Phonogram-Archive and represent great interest for Finno-Ugric scientists.

Keywords: phonographic recordings, the Berlin Phonogram-Archive, the Udmurts, the Komi-Permyaks, Upper Prikamye, Zyuzdinsky krai.

Денисов Виктор Николаевич,

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vicnicden@gmail.com

Denisov Viktor Nikolaevich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: vicnicden@gmail.com

А. И. Лаврентьев, В. Л. Шибанов

**СПЕЦИФИКА СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В ПОЭЗИИ КУЗЕБАЯ ГЕРДА***

В статье анализируются стихотворения Кузебая Герда, в которых важную роль играет комическое начало: «Парсь» («Свинья»), «Пуныос» («Псы»), «Эн тышкаське» («Не ругайте»), «Базар» («Базар»), «Шайтан уллян» («Изгнание шайтана») и др. Комическая картина мира удмуртов представлена в творчестве Герда широко. Используются канонические жанры (с ориентацией на русскую и европейскую литературу) и формы, синтезирующие признаки самых разных жанров (например, памфлета и басни в форме ролевого стихотворения). Также широко использованы народные частушки, включающие в себя иронию. Амбивалентность художественной системы Герда объясняется переходностью от фольклорной эстетики к эстетическим принципам индивидуально-личностного творчества.

Ключевые слова: удмуртская литература, Кузебай Герд, смеховая культура, жанр, сатира, юмор, ирония.

В обширной критической литературе, посвященной творчеству К. Герда (1898–1937), особое место занимают исследования, так или иначе касающиеся вопросов смеховой культуры. Сатира, юмор и ирония в стихах удмуртского классика на первый взгляд играют лишь вспомогательную роль и подчинены сверхзадаче – строительству нового мира и зарождению национальной культуры. Лейтмотив поэзии К. Герда, обозначенный А. Г. Красильниковым как «выход из черного леса на широкое поле» [7. С. 83], впоследствии наводит на размышления об амбивалентности художественной системы поэта: «Амбивалентность в данном случае является признаком переходности от фольклорной эстетики к эстетическим принципам индивидуально-личностным... Он (К. Герд. – А. Л., В. Ш.) был концом одной эпохи в удмуртской культуре и началом другой, продлившейся до сегодняшних дней» [8. С. 27],

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-14-18008.

из чего следует, что «переходность» характерна и для комического начала в поэзии К. Герда: его юмор, сатира и ирония обладают чертами как фольклорной, так и литературной комики.

Сатира. В критике более всего исследован сатирический пафос гердовских произведений. Ф. К. Ермаков отмечает в числе наиболее значимых стихотворение «Парсь» («Свинья»), впервые напечатанное в газете «Гудыри» (5 июня 1925 г.). Исследователь пишет, что эта «басня написана против русских шовинистов и удмуртских нигилистов» («зуч шовинистъёслы но удмурт нигилистъёслы пумит гождэмын») [5. С. 119]. А. Н. Уваров в монографии «Художественное своеобразие удмуртской сатиры» определил жанр этого текста как памфлет: «Перед нами возникает образ свиноподобного двуногого существа, смысл жизни которого заключается в сытости, тепле и сонном уюте, причем, по мнению этого существа, все окружающие должны поступать точно так же, как он. Такой человек не понимает людей, тянущихся к свету и знаниям, скептически, а подчас и с подозрительным недоверием относится к ним» [12. С. 110].

Говоря о жанровой природе стихотворения «Парсь», отметим, что различие в ее определениях обусловлено синтетической природой многих жанров того времени. В тексте содержатся и элементы басни – с ее эпичностью и нравовучением (Ф. Ермаков), и памфлета – с его острой сатирой на политических деятелей (А. Уваров), но также и пародии на «ролевое» стихотворение (термин Б. Кормана), так как все повествование дается от лица «я», с чьей позицией принципиально не совпадает мнение автора.

<i>Мон – парсь...</i>	<i>Я свинья...</i>
<i>Гидын,</i>	<i>В хлеву,</i>
<i>Кыед пушкын,</i>	<i>В навозе,</i>
<i>Весь улісько –</i>	<i>Постоянно живу –</i>
<i>Ас кырзӑнме, чик кышкатэк,</i>	<i>Свою песню без страха,</i>
<i>Возьдаськытэк,</i>	<i>Не стесняясь,</i>
<i>Мон кырзасько:</i>	<i>Я пою:</i>
<i>– Кри-кря!..</i>	<i>– Кри-кря!.. [4. Т. 2. С. 169].</i>

Пространственная оппозиция «свой мир» (хлев, навоз) / «чужой мир» (голубое небо, цветы) осложняется тем, что второе ассоциируется с поэзией, воспевающей новое культурное строительство в республике, когда как для «свинтуса» ближе и роднее его собственная примитивная песня – «кри-кря!».

Жанровая синкретичность характерна и для других сатирических произведений К. Герда, таких как «Шатров удмуртъёслы ужа» («Шатров работает на удмуртов»), «Тараканэз дышетісьёс» («Преподаватели тараканов»), «Пуныос» («Псы») и др., написанных на основе конкретных фактов. Так, в одном из текстов осмеян учитель Шамшури́н, гордящийся тем, что у него в классе удмуртскими книгами расклеены стены, благодаря чему не только школьники, но и тараканы могут учить национальный язык:

*Нацполитикаез школаямы туж юн пыртіськом:
Уд адзіське-а? Пинальёсыз гинэ ёвёл,
Тараканъёсыз но удмурт кылын дышетіськом [4. Т. 2. С. 157].*

Мы нацполитику очень сильно внедряем в школу:
Разве не видно? Не только детей,
Но и тараканов удмуртскому языку учим*.

Текст соединяет черты и памфлета, и сатиры – в классицистическом ее понимании, также, как стихотворение «Пуныос» («Псы»), герой которого (в форме «я») призывает друга-литератора не реагировать на «тявкание» критиков, ибо если в руки возьмешь «кирпич», они только раззадорятся. Отсюда – нравоучение: «Мын ас сюрестйд, шонер уждэ вунэтытэк. / Векчи пуныпиос ёжыт утозы но / Дугдозы...» («Иди своей дорогой, не забывая свой верный труд. / Мелкие псы немного полагают да / перестанут» [4. Т. 2. С. 141].

Из канонических сатирических жанров, среди которых у К. Герда выделяется басня, назовем стихотворения «Кык сабан» («Два сабана») и «Вень» («Игла»). Хотя автор не дал им жанрового определения, но тексты построены с ориентированием на европейские образцы: дидактический сюжет, иносказательность и нравоучение.

Ирония. Для ряда сатирических стихов Герда характерно использование песенных форм, прежде всего – частушек: «Туала кырзаньёс» («Современные песни»), «Мон лусал ке...» («Если б я стал...»), «Вань вал милям...» («Были раньше у нас...»). Главное отличие гердовских частушек от народных мы видим в том, что в них широко включены различные формы иронии. Так, в одном из текстов поэт в ролевой форме осмеивает удмурта, мечтающего выбиться в «большие люди» и доказывать свое превосходство тем, что своих сородичей «просил бы вкусно его покормить», «продавал бы им гнилой товар», «выгнал бы вон врача-удмурта, если тот его вылечил» и т. п. Или другой пример частушек:

<i>Вань вал милям мунчомы</i>	Были раньше у нас бани
<i>Сифилисэз вёлдыны,</i>	Сифилис распространять,
<i>Вань табере школамы</i>	Теперь у нас есть школа
<i>Коммунизмез тодыны</i> [4. Т. 2. С. 180].	Про коммунизм узнать.

Пусть и в форме отрицательного параллелизма (баня – школа), но ироническое соседство в тексте разнородных понятий «сифилис» и «коммунизм» не может не вызвать улыбки. Известно, что в параллелизме «отрицанием подчеркивается не различие, а совпадение основных признаков сопоставляемых явлений» [11. С. 270]. В финале стихотворения «Туала кырзаньёс» («Современные песни») примечателен каламбур, усиленный звукописью:

<i>Культыр-кальтыр кальтраса,</i>	Работая тяп да ляп,
<i>Удмурт культу́р быри́з-а? –</i>	Не пропадет ли удмуртская культура?
<i>Удмурт кыл но ышемын,</i>	И язык удмуртский потерян,
<i>Книгаос но вунэмын</i> [4. Т. 2. С. 183].	И книги забыты.

Сходное звучание слов – «культур» и «культыр» включает в себе диаметрально противоположный смысл: «культур» – культура, а «культыр» – звукоподражательное слово, диапазон значений которого от «кое-как»,

* Подстрочный перевод.

«тяп-ляп» до передачи урчания в желудке. В первом двустиишии игра гласных звуков (у, а) и согласных (к, л, р, т) не только стилистически окрашивает высказывание, но и передает авторскую иронию.

Иная форма иронии выявляется в ролевом стихотворении «Эн тыш-каське» («Не ругайте»), герой которого – нищий гусяр. Он возвращается в родную деревню и видит полный упадок хозяйства, «заросшего сорняком и крапивой». С болью в душе он говорит о своем тяжелом детстве, о трудной доле односельчан и всего народа. Казалось бы, должно последовать гневное обличение таких порядков, но К. Герда дает неожиданное разрешение:

<i>Одйг гинэ сюрес кылемын:</i>	Но осталась одна дорога:
<i>Бакчаейт мур нюке лёгемын –</i>	Протопанная из огорода в лог –
<i>Вина пöзтон доры ветлыны лёсьтэмьин!</i>	Там гонят вино-самогонку!

[4. Т. 1. С. 52].

Все дороги заросли, но одна тропинка – свидетельство активной жизни односельчан: к самогоноварению. Свою боль лирическое «я» высказывает через горькую иронию.

Юмор. Литературные формы юмора используются К. Гердом прежде всего в стихах для детей: «Коёмыш но кечтака» («Кот и козел»), «Сяськаос» («Цветы») и др. В первом из них повадки животных, увиденных глазами ребенка, очеловечиваются, и возникает психологическая картина: «Усатый кот / По саду гуляет. / За этим котом / Козел идет. / Кот своими лапами / Вытирает рот / Козел стоит / И трясет бородой» [4. Т. 2. С. 20]. Во втором тексте дети, играющие на лугу, «слились» с природой, так что со стороны не разобрать, где тут «сяська» («цветок»), а где мальчик Васька. Рифма *сяська – Васька* порождает игровую ситуацию.

Жизнеутверждающим юмором наполнено стихотворение К. Герда «Базар» («Базар»), к которому исследователи обращались не раз. Ф. К. Ермаков показал, какими стилистическими средствами поэт сумел передать разноликий характер базара, в котором соседствуют русская, татарская и удмуртская речь. В этом плане значимы и скрытые, и явные рифмы: *уром – продам, сапег – Рабкоп, барасын – чебер сын* и др. [6. С. 239]. Л. В. Бусыгина обращает внимание на то, что в этом стихотворении ярко вырисовывается обобщенно-собирательное «ми» (мы), пришедшее на смену индивидуально-лирическому «я». Такой тип героя помогает Герду «чутко передавать модернизационные процессы, происходящие в обществе в начале XX века, и они запечатлены главным образом в ритмах, шумах и голосах современной поэту жизни» [1. С. 178]. В отличие от традиционных жанров комического, стихотворение «Базар» не содержит прямого осмеяния и привычной оппозиции верх/низ. Но актуализация праздника, с явной семантикой карнавальности и многообразием культурных кодов, позволяют говорить о том, что текст пронизан духом смеховой культуры: почти целиком состоит он из реплик, неизвестно кому принадлежащих:

– Хлеб, уром, почему? Эй-эй!	– Хлеб, дружище, почему? Ой-ой!
– Манетэн шу, Эртэмей!..	– Скажи за рубль, Эртэмей!
– Интаи, кая барасын?.. (тат.)	– Друг, куда ты идешь?
– Мемей, басьты чебер сын!..	– Мама, купи красивую гребенку!..

Читатель по своему опыту воссоздает картину рынка или ярмарки. Но весь текст и диалоги насквозь пронизаны юмором, что отражается прежде всего в авторской установке. Автор сознательно скрывается за многоголосой и разноязыкой толпой, а если и дает свою оценку, то она «приписывается» другому субъекту:

<i>Кин өвөл та базарын:</i>	Кого только нет на этом базаре:
<i>Жуч, бигер, удмурт татын...</i>	Здесь русский, удмурт, татарин...
<i>Пумтэм йылтэм адями...</i>	Люди без конца и края...
<i>– Ой, бертом!.. Йыры нормиз!..</i>	– Пойдем домой!.. Голова закружилась!..

[4. Т. 2. С. 201].

У кого закружилась голова? То ли у девочки, которая хочет купить гребенку, то ли у наблюдающего за картиной, то ли еще у кого-нибудь. Грамматически выраженная прямая речь (последняя реплика) призвана в данном случае усилить разноречивость действия, протекающего на ярмарке. «Юмор оказывается востребованным в межкультурной коммуникации, потенциально несущей в себе противоречия и конфликты. Юмор в этой ситуации, с одной стороны, обозначает и актуализирует эти противоречия, эксплуатируя их, подчеркивает принципиальную несводимость одной культуры к другой. Но, с другой стороны, он, во-первых, переводит их в игровую, то есть, не-серьезную форму, во-вторых, представляет их в общедоступной, легкой для понимания участниками коммуникации форме. А в том случае, если проблема четко сформулирована, проговорена, осознана и понята, она теряет свою эмоциональную остроту и позволяет оперирование уже рациональными методами» [10. С. 10–11].

Особое место в поэзии К. Герда занимает стихотворение «Изгнание шайтана», в котором амбивалентность (А. Красильников) художественной системы К. Герда обнаруживается особенно отчетливо. Здесь налицо два сценария: мифологический (серьезный) и авторско-индивидуальный (комический), вступающие в своеобразный диалог и конфликт. Мифологический пласт «Изгнания шайтана» проанализирован А. В. Камитовой при сравнении оригинала с его переводом на русский язык. В отличие от Герда, переводчик «предлагает читателю образы мифологических персонажей, заимствованных из культуры разных народов: черти, домовые, вурдалаки, бяки, шайтаны, но сохраняет рисунок художественного монтажа происходящей сцены, что в этом случае является наиболее важным» [7. С. 108].

Ойдолз потоме, мыноме, кошкоме
Шайтанъёсыз, периосыз, убиръёсыз уल्याны! /.../
– Кытын-о тй, периос? Кытын-о тй, шайтанъёс?
Ми тйледыз улялом, выылом, быдтылом!

Эй! Иди, выходи, заходи, подходи –
Всех чертей домовых нынче прочь будем гнать! /.../
– Где вы, черти. Где вы, бяки? Где шайтаны, вурдалаки?
Мы вас выгоним, найдем, переловим, перебьем!

Перевод В. Емельянова [3. С. 148].

А. В. Камитова отмечает, что модель обряда, предложенная Гердом, сохранила богатую историко-этнографическую информацию и в русском переводе, несмотря на некоторые неточности, с ее точки зрения, в передаче этнографических реалий. И все же добавим, что авторский замысел не нацелен на воссоздание правдивой мифологической картины обряда, так как К. Герд с юмором описывает происходящее. Так, обилие ономапозитизмов, передающих звуки изгнания людьми нечистых сил (*жыкыр, жукур, шатыр-шытыр, дымбыр-йыг, тэчыр-тачыр, шатыр-тач, лир-люр, чир-бок, о-го-го, у-гу-гу, шалтыр-дыбыр, дыбырак* и др.) призвано создать именно комический эффект. Но смеховое начало не сводится только к этому. Как справедливо отмечает Т. Г. Владыкина, удмуртские исследователи обрядов в основном акцентируют внимание на смехе позднем – социальном, то есть на смехе-осмеянии, «а магическая функция смеха упоминается лишь как архаический этап» [2. С. 306]. В «Изгнании шайтана» Герд, используя прием диалогических выкрикиваний, сумел передать архаическую магию смеха, призванного таинственно воздействовать на миры рождения и смерти, света и мрака.

Таким образом, в поэзии Кузубая Герда комическая картина мира удмуртов представлена в широком диапазоне. Поэт может использовать как канонические жанры (с ориентировкой на русскую и зарубежную литературу), так и формы, в которых синтезированы признаки различных жанров. Амбивалентность художественной системы Герда объясняется переходностью от фольклорной эстетики к эстетическим принципам индивидуально-личностным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бусыгина Л. В. «Временем помечен, Поэт и Человек...»: размышления о слове и эпохе Кузубая Герда. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 248 с.
2. Владыкина Т. Г. Функции смеха в семейной и календарной обрядности удмуртов // Т. Г. Владыкина. Удмуртский фольклор / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1998. С. 306–325.
3. Герд К. «В полете к солнцу...»: Стихи и поэмы / Пер. с удм. Ижевск: Удмуртия, 1989. 241 с.
4. Герд К. Люкам сочинениос. Куать томен. Т. 1–2. Ижевск: Удмуртия, 2002. 1-тй т. 352 б.; 2-тй т. 240 б.
5. Ермаков Ф. К. Газет но журнал бамъёсысь чуръёс // Герд К. Люкам сочинениос. Куать томен. 2-тй т. Ижевск: Удмуртия, 2002. С. 116–120.
6. Ермаков Ф. К. Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.
7. Камитова А. В. Образный мир Кузубая Герда: оригинал и переводческая интерпретация / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2006. 192 с.
8. Красильников А. Г. Межевой камень / «Как молния в ночи...». К. Герд: Жизнь. Творчество. Эпоха / Сост. З. А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 25–27.
9. Красильников А. Г. Об особенностях поэтического мышления К. Герда // К изучению жизни и творчества Кузубая Герда / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1988. С. 81–85.
10. Лаврентьев А. И. Общая теория словесного юмора (General Theory of Verbal Humour) на примере литератур этнических меньшинств // Дидактика межкультурной

коммуникации в иноязычном образовании: теория и практика: Материалы всеросс. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию проф. А. Н. Утехиной: в 2 ч. / Ред.: Т. И. Зеленина, Л. М. Малых. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. Ч. 2: Филология. Лингвистика. С. 10–11.

11. Словарь литературоведческих терминов / Ред. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 510 с.

12. *Уваров А. Н.* Художественное своеобразие удмуртской сатиры. Ижевск: Удмуртия, 1979. 132 с.

Поступила в редакцию 26.05.2014

A. I. Lavrentyev, V. L. Shibarov

Specificity of Humorous Culture in Kuzebay Gerd's Poetry

The article analyses poems of Kuzebay Gerd in which humorous basis plays an important role: 'Parsch' ('A Pig'), 'Punyo' ('Dogs'), 'En tyshkaschke' ('Don't scold'), 'Bazar' ('Market place'), 'Shaitan ullyan' ('Driving out a demon') and others. Comic worldview of the Udmurts is widely represented in Gerd's works. Canonical genres are used (with orientation on Russian and European literature) and forms synthesizing the features of various genres (for example, the pamphlet and fables in the form of role poems). Ironical chastooshka is widely used as well. The ambivalence of the art system of Gerd is explained by transitivity from folk aesthetics to the aesthetic principles of personal creativity.

Keywords: the Udmurt literature, Kuzebay Gerd, humorous culture, genre, satire, humor, irony.

Лаврентьев Александр Иванович

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: lavrentyev@bk.ru

Шибанов Виктор Леонидович,

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: shibvik@rambler.ru

Lavrentyev Alexandr Ivanovich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: lavrentyev@bk.ru

Shibarov Viktor Leonidovich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: shibvik@rambler.ru

О. М. Мельникова, Т. Н. Годяева

**ГЕНЕРАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ
ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ ИСТОРИКОВ УДМУРТИИ***

В статье анализируются различные подходы к изучению научного исторического сообщества. Особый акцент сделан на познавательных возможностях генерационного подхода; предметом внимания является первое поколение историков в Удмуртии. Обозначаются его специфические характеристики.

Ключевые слова: научное историческое сообщество, генерационный подход, история Удмуртии, генерация историков, первое поколение историков в Удмуртии.

1920 – нач. 1930-х гг. – время радикальных изменений в российском государстве и обществе, События 1917 года и Гражданской войны привели к серьезной трансформации всех социальных институтов, в том числе исторической науки. Возникают новые социальные и идеологические ценности, возрастает социальная мобильность населения, осуществляются административное «перекраивание» сложившихся территорий и организационные преобразования в структуре научной деятельности, в частности в смене исследовательских подходов.

В конкретных регионах страны развитие исторических исследований приобретало свои особенности. Так, в пределах прежней Вятской губернии в 1920 г. с образованием Вотской автономной области начался активный процесс национально-государственного строительства. Одним из важных ресурсов политической власти стали исследования по истории Удмуртии, призванные содействовать зарождавшейся удмуртской нации в осознании себя как единого народа, имеющего богатую и древнюю историю. Решать эти задачи только силами «образованного общества» – людей, «имевших достаточный уровень образования, чтобы читать романы Карамзина или исторические романы, рассматривать исторические полотна, понимая смысл отображенных на них реалий

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-18005 «История и историки в Удмуртии в 1920 – начале 1930-х гг.: исследовательские практики и власть».

и событий, улавливать смысл исторических аллюзий в статьях публицистов» [19. С. 385], – было практически невозможно ввиду его малочисленности. Энтузиазма краеведов было недостаточно для регулярных исторических изысканий. Помочь в этом политической власти могли ученые (археологи, этнографы, историки).

В дореволюционной России институционально организованная наука, как правило, сосредоточена была в столицах и губернских городах: Перми, Вятке, Казани. На территории Удмуртии в уездном городе Сарапуле с 1909 г. функционировал земский музей, а в 1913 г. было создано Общество изучения Прикамского края [20], но в 1920-е гг. Сарапул входил в состав Уральской области. На территории же Вотской автономной области исследовательских институций не было, поэтому остро встал вопрос о подготовке кадров, в том числе педагогических и научных.

На этом фоне в Удмуртии формируется первое поколение историков, ставящих своей целью изучение истории удмуртского народа и региона в целом. Становление научного сообщества – важнейший этап развития науки в целом. Портрет научного сообщества конкретной эпохи приобретает особое значение для понимания направлений, содержания и результатов научных изысканий. Современное состояние исторической науки невозможно понять без исторической ретроспективы: какие социальные условия необходимы для зарождения и развития научного сообщества, кто, по каким причинам приходит к пониманию своего личного участия в проведении исторических исследований, какие общественно-политические факторы способствовали оформлению исторических изысканий в самостоятельную область региональных исследований? Эти и другие историко-научные вопросы пока в полной мере не получили освещения в региональной историографии. Эти вопросы схематично были описаны в сборнике «Историография истории Удмуртии» [6]. С разной степенью полноты историко-научные сюжеты отражены в трехтомной «Истории Удмуртии» [7], но темы, связанные с формированием национальной интеллигенции, уже имеют существенные заделы [34].

В последнее десятилетие пробелы в этой области отчасти компенсируются целенаправленным изучением становления в Удмуртии научного археологического [4] и этнографического сообщества [5]. Исследование же собственно исторического сообщества в узком смысле осуществляется нерегулярно: преимущественное в формате юбилейных [25] и реже – в мемуарных биографических изданиях [26].

Для современного развития науки актуален вопрос о выборе исследовательского подхода к изучению процесса становления профессионального исторического сообщества в Удмуртии в 1920-е гг.

«Антропологический поворот» в науке вт. пол. XX в. определил интерес не только к историческим сочинениям, но и к историку как человеку. Акцентируется внимание на повседневной жизни ученого, межличностных и корпоративных отношениях внутри научного сообщества, включая изучение разнообразных форм быта и социальных практик [16. С. 99–109]. В исследованиях анализируются уклад жизни, совокупность обычаев, привычек, нравов тех,

кто посвятил себя исторической науке. Такой ракурс позволяет увидеть, «как повседневная деятельность людей, в данном случае ученых, связана с их взглядами», а также каково «значение того, что они делают, в той культуре, которой они принадлежат» [9. С. 156–164].

Немало исследований сегодня посвящены определению содержания самого понятия «научное сообщество» [8. С. 78; 18. С. 8; 24. С. 206; 33. С. 241–248]. Чаще всего его обозначают как совокупность индивидов или коллективов, связанных обменом деятельностью по производству, накоплению или использованию знания и поддерживающих устойчивые межличностные и межгрупповые отношения. В современной науке теоретические и практические аспекты содержания понятия «научное сообщество» активно изучает коллектив омских историков во главе с В. П. Корзун, поднимая разные аспекты бытия исторического сообщества [10. С. 75–94; 11. С. 97–100; 12. С. 304–308; 14. С. 339–341; 15. С. 24–44; 23].

Исследования Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришиной сосредоточены на специфике научного исторического сообщества в переломные для России эпохи [1. С. 87–108]. Актуальность изучения процесса становления исторического сообщества и его функционирования отражена в продолжающемся издании «Мир историка», публикующем статьи, в которых реконструируется сложный, разнообразный, порой невидимый, пронизанный страстями и противоречиями, процесс исторического научного творчества [22].

Для исследования исторического сообщества в Удмуртии безусловно полезен опыт изучения регионального исторического сообщества в других регионах страны, особенно связанный с трансформациями в XX в. под воздействием социально-политических факторов. Это могут быть характеристики регионального научного сообщества (пример Ставрополя) [2]; или описание процесса институционализации научного сообщества в 1930-е гг. (Томск) [17]; или связь с трансформацией образа исторической науки позднего сталинизма [13]; или же заостренное внимание на препятствиях, создаваемых властью на пути развития коммуникационных практик между учеными [3].

Историю профессионализации исторической науки в Удмуртии как предмет изучения необходимо изначально исследовать в генетическом ключе, что позволит выявить всех субъектов исследовательской деятельности, проанализировать их действия в историческом движении, охарактеризовать личности ученых в их индивидуальности и неповторимости. Современная познавательная ситуация в историко-научных исследованиях позволяет сообщить этой работе новые ракурсы. Один из них – генерационный подход в изучении научного сообщества – представляется актуальным для изучения истории исторического сообщества в Удмуртии.

Теоретическое обоснование его познавательных возможностей и практического воплощения представлено в исследованиях Л. А. Сидоровой [28; 29; 30; 31; 32]. Сущность генерационного подхода заключается в исследовании роли и места одновременно работавших в науке больших групп историков разных поколений, составлявших в совокупности единое профессиональное сообщество и выяснении их влияния на развитие исторической науки данного периода.

Такой подход позволяет проследить зависимость профессиональной судьбы историков от условий, сформировавших их генерацию.

По мнению Л. А. Сидоровой, познавательные возможности генерационного подхода заключаются в концентрации внимания в трех направлениях:

1) на одновременно существовавших в исторической науке определенной эпохи методологических и концептуальных началах в их динамической взаимозависимости и взаимосвязи;

2) на процессе передачи историографической традиции от поколения к поколению;

3) на более полном изучении роли человеческого фактора в исторической науке [32. С. 461].

Основное понятие, несущее важнейшую познавательную нагрузку в рамках подхода, – «поколение («генерация») историков» – понимается как общность специалистов, примерно в одно и то же время начавших заниматься профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью [32. С. 461]. Самоидентификация и самоопределение историка в общественно-профессиональном мнении как представителя того или иного поколения – категория постоянная. Генерации историков легко вычленилась при некоторой условности возрастного фактора. Историографы постоянно пользуются ссылками на принадлежность историка или сообщества к определенному поколению.

Каждое поколение ученых формируется в определенной социокультурной среде с присущими ей особенностями. Личности ученых, составлявших поколение, складываются под воздействием господствующей системы воспитания и обучения, политических и духовных запросов современного им общества. Более того – резкие изменения в общественной сфере в значительной степени способствуют обособлению поколений, создавая между ними невидимые, но вполне ощутимые барьеры. При этом межгенерационные связи являются механизмом передачи историографических традиций.

Л. А. Сидорова выделяет три генерации (поколения) советских историков: первое – вошедшее в науку при императорской России и продолжавшее трудиться при Советах; второе – сформировавшееся в постреволюционную эпоху; послевоенное поколение историков [28. С. 69]. Автор выделяет критерии отличий между ними: общественное развитие, исследовательские подходы, взаимоотношения с политикой и идеологией, формы научной деятельности, стиль исследовательской работы и межличностного общения [31. С. 4–7].

Опыт применения генерационного подхода позволил А. А. Серых увязать понятие «поколение» с научной связью «учитель – ученик». Автор акцентирует внимание на особенности отношений между исследовательскими поколениями в России в первое тридцатилетие XX в., что проявлялось в административной политике университетов, формах межпоколенческих коммуникаций, личных особенностях историков [27. С. 278–291].

Как может быть выстроен генерационный анализ в исследовании первой плеяды историков Удмуртии? Во-первых, особо важным для исследования представляется роль факторов, повлиявших на профессиональный выбор ученого (среда воспитания, роль учителя, личностная ориентировка); во-вторых, научные

коммуникации, складывающиеся между учеными в процессе профессиональной деятельности; в-третьих, историческая обстановка, в условиях которой формируются взгляды ученого и интересующие его темы научных исследований. Благодаря этому открывается возможность выявить основные сущностные характеристики поколения историков, наличие признаков, которые объединяют разных ученых в единую генерацию.

В изучении первого поколения историков Удмуртии обращаем внимание на то, что оно по существу не имело местной предшествующей основы (за исключением деятелей, связанных с Сарапульским земским музеем в лице Ф. В. Стрельцова) [21]. Плеяду первых исследователей *историков (в широком смысле, включая археологию, этнографию, историю) Удмуртии* условно можно разделить по территориальному признаку: столичные профессиональные ученые-историки (П. Н. Луппов (в Вятке), М. Г. Худяков (в Казани и Ленинграде), В. П. Налимов, С. Г. Матвеев, А. П. Смирнов (в Москве). Они внесли вклад в историю изучения региона и способствовали профессионализации местных краеведов-любителей и исследователей. Кроме того, выделяется группа исследователей, работавших непосредственно в *Удмуртии*, но в разное время получивших образование за пределами региона. Это К. П. Герд (Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова; Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР РАНИОН, Москва), Ф. В. Стрельцов (Московский Императорский университет), М. И. Ильин (Казанская учительская семинария), Я. И. Ильин (Вятский педагогический институт; Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР РАНИОН в Москве).

На формирование первой плеяды историков в Удмуртии существенное влияние оказали вненаучные факторы, прежде всего общественно-политические. Древняя история региона рассматривалась властью как значимый ресурс для развития Вотской автономной области. Создание новых для региона учреждений (Академический центр, Научное общество по изучению Вотского края) должно было стать базой для формирования местной исследовательской традиции: исследователей истории края в тесном сотрудничестве со столичными учеными и с научными учреждениями.

Первых историков Удмуртии объединяла общая цель – изучение Удмуртии через историю удмуртского народа. Они работали в формате научных обществ Удмуртии при поддержке столичных ученых. В создании и развитии Общества «Бöляк» в Москве К. Герд пользовался поддержкой В. П. Налимова. В развитии исследовательской деятельности НОИВК в разное время участвовали П. Н. Луппов, С. Г. Матвеев, А. П. Смирнов. Ученые пересекались не только в общей работе в НОИВК. М. Ильин и К. Герд обрели профессиональный опыт этнографических экспедиций, работая в разное время директорами Ижевского музея местного края (ныне Национальный музей УР им. К. Герда).

Субкультура первых историков Удмуртии формировалась в весьма сложных условиях. На формирование личности исследователей серьезно влияли политические процессы в стране. Кризис самодержавия, революционные потрясения, формирование нового государства воздействовали на личностное развитие

ученых, а в некоторой степени определили и дальнейшую профессиональную деятельность.

Важным направлением коммуникационных связей исследователей было взаимовлияние ученых в предметных полях исследования. Так, М. Г. Худяков и К. Герд участвовали в деятельности Малмыжского исторического общества, и часть полевых материалов по воршудной системе удмуртов, собранных К. Гердом, была использована Михаилом Георгиевичем в исследованиях по истории Удмуртии. Ценные методологические замечания научным сотрудникам НОИВК делал П. Н. Луппов, будучи его почетным членом. Высокий профессионализм он проявлял и в работе со студентами в Вятке, чем запомнился Я. Ильину в период его обучения в Вятском пединституте.

Особенностью профессиональной деятельности местных исследователей Удмуртии было то, что научная работа не была основным родом их занятий: они трудились одновременно в нескольких местах, поскольку работа в научных обществах никак не оплачивалась и была исключительно личной инициативой каждого.

Область исторических исследований главным образом заключалась в предметной сфере археологии и этнографии и была направлена в первую очередь на создание этнической истории. Это объяснялось острой необходимостью развития национального самосознания удмуртов.

К сожалению, судьба большинства историков Удмуртии первого поколения сложилась трагически. Дело «СОФИН» (Союз освобождения финских народов), инспирированное в 1931 г., стало трагедией в жизни финских народов страны. С него началось свертывание и на долгие годы приостановилось изучение этнической истории. От репрессий пострадали М. Г. Худяков (расстрелян в 1936 г.), К. Герд (погиб в карельском лагере в 1937 г.), В. П. Налимов (скончался в следственном изоляторе в 1939 г.). Находившийся под следствием Ф. В. Стрельцов и Я. И. Ильин, отбывший тюремный срок, прекратили научно-исследовательскую краеведческую деятельность, касающуюся этнической истории удмуртского народа. Репрессии нанесли тяжкую социальную травму оставшимся в живых [21] и непоправимый урон в формировании научного исторического сообщества в регионе.

Но вопреки трагичности судьбы первой генерации историков Удмуртии, им принадлежит неоценимый вклад в дальнейшее развитие науки в Удмуртии. В 1931 г. были созданы Удмуртский научно-исследовательский институт, первым директором которого был Я. И. Ильин, и Удмуртский государственный педагогический институт, начавший готовить кадры историков для системы образования. Региональная история в Удмуртии получила институциональное оформление, правда, тематически она в значительной степени реализовывалась в формате истории партии.

Но главное, что она унаследовала от первого поколения историков Удмуртии, – это не только богатый источниковый материал, собранный в экспедициях, проведенных первой плеядой историков-исследователей, но и понимание этнической истории как значимой предметной области региональных исторических исследований. Археология и этнография, несмотря на исторические разрывы в несколько десятилетий, стали одними из основных направлений в исследовательской деятельности последующих поколений историков в Удмуртии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алеврас Н. Н.* Историк на перепутье: научное сообщество в «смуте» 1917 года // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/1. С. 87–108.
2. *Андреева Н. А.* Ставропольское региональное научное сообщество в условиях социально-политических трансформаций XX века // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 64. С. 171–177.
3. *Баранец Н. Г.* Значение власти для выработки норм в научном сообществе // Власть. 2011. № 7. С. 55–57.
4. *Голдина Р. Д., Мельникова О. М.* Введение. Источники и история изучения древней и средневековой истории Удмуртии // История Удмуртии: с древнейших времен до XV века / Под ред. М. Г. Ивановой; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2007. С.8–49
5. *Загребин А. Е.* Гуманитарный институт в национальном регионе: между этносом и кратосом // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2012. Вып. 12. С. 398–402.
6. *Загребин А. Е., Мельникова О. М.* Конструирование национальной истории Удмуртии от устной исторической прозы к письменной истории (1920-е – начало 1930-х гг.) // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 165–180.
7. История Удмуртии: XX век / Под ред. К. И. Куликова / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2005. 544 с.
8. *Каменский Е. Г.* Научное сообщество как субъект инновационных изменений // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2. С. 78–83.
9. *Колесникова М. Е.* Биография ученого в проблемном поле истории историографии // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 156–164.
10. *Корзун В. П.* Социальный заказ и историческая память (научное общество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 75–94.
11. *Корзун В. П.* Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие // Исторический ежегодник. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 97–100.
12. *Корзун В. П.* В поисках новой истории науки: гипотезы и опыты омских историографов // Вестник Омского университета. 2010. Вып. 4. С. 304–308.
13. *Корзун В. П.* Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 59–85.
14. *Корзун В. П.* Выход за пределы личного измерения: модели и факторы динамики образа исторической науки // Вестник Омского университета. 2011. Вып. 4. С. 339–341.
15. *Корзун В. П.* Коммуникативное поле современной исторической науки // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 24–44.
16. *Корзун В. П.* Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта). Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 2012. С. 99–109.
17. *Костерев А. Г.* Томское научно-педагогическое сообщество в 1930-е гг.: социально-политическая эволюция // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 353. С. 85–89.
18. *Ладыжев Н. С.* «Сообщество» и «научное сообщество»: тенденции концептуальных изменений // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 2. С. 3–8.
19. *Леонтьева О. Б.* Теоретические и методологические аспекты изучения исторической памяти (ответ на рецензию О. В. Морозова) // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 384–389.

20. Мельникова О. М. Археологические исследования Л. А. Беркутова в Среднем Прикамье (по материалам ЦГА УР) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2004. № 3. С. 145–150.

21. Мельникова О. М. Концепция «социальной травмы» в биографическом преломлении // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения А. С. Шофмана. Казань, 13–15 ноября 2013. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 348–351.

22. Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005–2013.

23. Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 494 с.

24. Мягков Г. П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 206–210.

25. Педагог, ученый, гражданин: к 80-летию со дня рождения А. А. Тронина / Отв. ред. Т. Н. Ефремова. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 240 с.

26. Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах / Сост. Б. П. Сысоева / Общ. ред. Н. Г. Шишкиной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 418 с.

27. Серых А. А. «Связь / разрыв» поколений в сообществе российских историков конца XIX – первой трети XX веков // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 278–291.

28. Сидорова Л. А. Генерации историков как историографическая проблема // Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр). XX в.: матер. конф. Омск, 2000. С. 69–72.

29. Сидорова Л. А. Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX в. М.: Институт российской истории, 2002. С. 38–54.

30. Сидорова Л. А. Проблема смены поколений в исторической науке. Первое поколение российских историков и их характеристика // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 343–360.

31. Сидорова Л. А. Генерационный подход в изучении истории исторической науки // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. Нижний Новгород, 2008. С. 4–7.

32. Сидорова Л. А. Когнитивные возможности генерационного подхода в изучении истории исторической науки // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2012. С. 460–462.

33. Тихонов В. В. Советская историческая наука в новейших отечественных исследованиях: новые подходы и перспективы // Будущее нашего прошлого: материалы Всерос. науч. конф., 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 241–248.

34. Шкляева Л. Ф. Формирование советской интеллигенции в Удмуртии. 1917–1927. Ижевск, 1991. 128 с.

Поступила в редакцию 5.11.2014

O. M. Melnikova, T. N. Godyaeva

**The Generational Approach in Studying
the First Generation of Historians of Udmurtia**

The article discusses research approaches in studying scientific historical society. Particular emphasis is placed on the cognitive capabilities of the generational approach in studying the first generation of historians in Udmurtia. Its specific characteristics are indicated.

Keywords: scientific historical society, the generational approach, the history of Udmurtia, generation of historians, the first generation of historians in Udmurtia.

Мельникова Ольга Михайловна,

доктор исторических наук, профессор,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Годяева Татьяна Николаевна,

магистрант,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: TanzilaSem@yandex.ru

Melnikova Olga Mikhaylovna,

Doctor of Sciences (History), Professor,

The Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Godyaeva Tatyana Nikolaevna,

postgraduate,

The Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: TanzilaSem@yandex.ru

К. В. Ванюшева

**«ДАЖЕ Я НАЧИНАЮ ВТЯГИВАТЬСЯ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВКУС»:
ПИСЬМА И. Я. КРИВОЩЕКОВА Ф. А. ТЕПЛОУХОВУ
(1886–1888)***

Исследуются и публикуются письма окружного лесничего И. Я. Кривощекова главному лесничему Пермского имения графов Строгановых, археологу, коллекционеру «чудских древностей» Ф. А. Теплоухову за 1886–1888 гг. с комментариями. В письмах затрагиваются как служебные вопросы, так и проблемы обнаружения и изучения памятников, оставленных древнейшим населением Прикамья; обсуждается составление И. Я. Кривощековым географической карты Пермской губ., взаимодействие с Уральским обществом любителей естествознания. В вводной части приведены биографические данные адресатов, проанализированы познавательные возможности этого – исторического источника для расширения представлений о формировании и функционировании провинциальной археологии в кон. XIX в., в том числе знаний о древнейших предках пермского народа.

Ключевые слова: И. Я. Кривощеков, Ф. А. Теплоухов, переписка, провинция, история отечественной археологии, чудские древности.

Эта переписка – уникальный источник по истории науки. Она представляет собой вид коммуникации, позволяющий, с одной стороны, оперативно обмениваться информацией, а с другой – поддерживать многолетний научный диалог. В XIX в. переписка была связующей нитью между научными обществами и отдельными исследователями, столичными специалистами и провинциальными коллегами. Научные достижения деятелей разных губерний России, организация музеев, кружков, образовательных обществ были постоянным предметом обсуждения. Письма давали возможность проанализировать собственную работу (процесс, результаты, перспективы), причем содержание общения не регламентировалось. И эта информация позволяет теперь нам судить о внутренних механизмах научной деятельности, раскрывает научную повседневность ис-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 14-18-03573 «“Поля несуществующего”»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

следователя, его быт, источники вдохновения и мотивацию. В последние годы внимание историков привлекает осмысление содержания писем с точки зрения формирования коммуникативного пространства науки, складывания и распространения профессиональных норм, в частности развития теории и практики археологической науки [3. С. 93–98; 4. С. 330–336; 5. С. 108–112; 11. С. 20–38; 12; 14. С. 152–159; 17. С. 257–267; 18. С. 59–65; 19. С. 178–190; 20. С. 151–159; 22. С. 29–40; 23. С. 171–200].

Конечно, существует масса нюансов в использовании писем как источников, а также проблем, связанных с поиском необходимых материалов. Для историков науки наиболее интересны и ценны личные, а не формальные письма. Но их гораздо труднее выявлять. Если же существуют личные фонды интересующих исследователя персоналий, это значительно облегчает поиск. Но чаще всего приходится просматривать сотни листов формальной однотипной переписки учреждений. Усугубляет дело плохая сохранность некоторых посланий и разрывы во времени, когда часть переписки за несколько лет утеряна. Другая проблема для исследователей переписки – малочисленность комплексов писем, то есть наличия ответов с той и другой стороны. Даже те деятели, которые сохраняли входящую корреспонденцию, не хранили копии собственных посланий. К сожалению, это было традицией, отсюда трудность воссоздания полной картины коммуникаций. Эти трудности сглаживаются, если в руках исследователя оказывается не единичное письмо, а серия посланий.

В данной публикации представлена переписка лесничих Пермского имения графов Строгановых И. Я. Кривошекова и Ф. А. Теплоухова 1886–1888 гг., сохранившаяся в личном фонде семьи Теплоуховых в Государственном архиве Пермского края (ГАПК). Служащие графа С. Г. Строганова, увлеченного коллекционера и председателя Императорской археологической комиссии в 1859–1882 гг., должны были следить за находками древностей на территории имения и наиболее ценные из них отправлять ему в Петербург. В силу этого археологическая тематика периодически появляется в их переписке.

Содержание писем касается в основном служебных вопросов, но позволяет также проследить некоторые факты биографий адресатов, дает представление о роли Ф. А. Теплоухова в формировании И. Я. Кривошекова как археолога и историка Пермского края и роли И. Я. Кривошекова – в накоплении материалов для исследования чудских древностей Ф. А. Теплоуховым. Письма, представленные в публикации, – часть их переписки. Наш выбор продиктован наличием в их содержании сведений об археологических и краеведческих занятиях И. Я. Кривошекова. Более полное издание писем содержится в материалах диска, подготовленного к 150-летию со дня рождения И. Я. Кривошекова [13]. Однако до настоящего времени эти документы не были детально прокомментированы и проанализированы.

Иван Яковлевич Кривошеков (1854–1918) родился в семье крепостных служащих графини Н. П. Строгановой, получил образование в Кудымкарском мужском начальном училище, в Усольском училище, затем окончил Московскую земледельческую школу. После этого, вернувшись на родину, он поступил на службу в Пермское имение Строгановых как практикант по лесному хозяйству.

Работая под началом А. Е. Теплоухова, а потом его сына Ф. А. Теплоухова, И. Я. Кривошеков не только изучал лесное дело, но и помогал собирать знаменитую археологическую коллекцию. К сожалению, его роль на сегодняшний день освещена недостаточно. Есть лишь краткие упоминания о его разведочной деятельности на территории Соликамского и Чердынского уездов Пермской губ., о проведенных им раскопках Чазовского I могильника V–VII вв. [7; 9. С. 46; 21. С. 50].

Служба И. Я. Кривошекова в имении Строгановых проходила отнюдь не гладко. Принципиальный, честный и нетерпимый к хищениям леса, он категорически выступал против равнодушия и бездействия других лесных смотрителей и управителей. В 1907 г. И. Я. Кривошекову пришлось оставить службу в имении. Проработав два года помощником агронома в Верхотурском уездном земстве, он вышел на пенсию и переехал на постоянное жительство в Пермь, где полностью посвятил себя общественной и краеведческой работе.

Наибольшую известность И. Я. Кривошекову принесли составленные им географические карты Урала: карты нескольких уездов Пермской губ. и общая «Карта Пермской губернии», удостоенная бронзовой медали на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 г. Второе издание этой карты принесло И. Я. Кривошекову в 1913 г. серебряную медаль им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. Большое значение для изучения истории, хозяйства и культуры Северных районов Урала имела изданная им серия географических словарей уездов Пермской губ.: «Указатель к карте Соликамского уезда» (1897), «Словарь Верхотурского уезда» (1910), «Словарь географическо-статистический Чердынского уезда» (1914).

И. Я. Кривошеков – первый коми-пермяцкий ученый, заложивший основы местной географии и краеведения; он постоянно выступал в защиту интересов родного народа. Он хлопотал об открытии новых школ для коми-пермяков, боролся за развитие здравоохранения, за приближение агрономической помощи населению. Современники отмечали его выдающуюся роль в открытии в Перми университета. В последние годы жизни он активно участвовал в работе Пермского научно-промышленного музея, Пермской ученой архивной комиссии, церковно-археологического общества, а также в археологических раскопках [13].

Непосредственными начальниками И. Я. Кривошекова в 1870–80-е гг. были А. Е. и Ф. А. Теплоуховы, серьезно увлекавшиеся археологией. Александр Ефимович Теплоухов (1811–1885) получил образование по горному делу и лесохозяйству. В 1864 г. он занял место главного лесничего Пермского имения Строгановых. Вместе с должностью к А. Е. Теплоухову перешла обязанность предыдущего управляющего Ф. А. Волегова извещать графа С. Г. Строганова об археологических находках. А. Е. Теплоухов усердно отыскивал и собирал древние вещи в Пермской губ., так постепенно сформировался музей [10. С. 77–85]. В 1880-х гг. А. Е. Теплоухов начал научную обработку собранных материалов, занимался изучением прошлого оседлых жителей западных предгорий Урала в бассейне р. Камы, пытался выяснить, к какому племени принадлежит этот народ. В частности, он писал, что жителями нынешних уездов Пермской губ. – Соликамского, Оханского, отчасти Пермского и Кунгурского – «были, вероятно,

финны, т. к. все притоки Камы носят финские названия. Финны и теперь живут в небольшой долине Яйвы в Соликамском уезде под названием пермяков. К северу и западу находятся другие родственные племена под названием зырян и вотяков – в Вологодской и Вятской губерниях. Старинное исчезнувшее финское племя, которое прежде населяло вышеназванные уезды, здесь известно под общим названием Чудь» [28. С. 1–31]. А. Е. Теплоухов отмечал, что племя не было вытеснено русскими при освоении края. Русские пришли сюда в XV в. уже на поросшие лесом чудские селища. По его мнению, свои городки чудь устраивала на высоких берегах реки, преимущественно на горных хребтах, между глубокими соединяющимися долинами. В таких местах можно найти горшечные черепки и другие предметы.

В одном из исследованных А. Е. Теплоуховым городков чуди, в селище близ с. Кудымкорского, он проводил квалифицированные раскопки, в результате чего были найдены кости, орудия, а также различные медные, бронзовые, железные и костяные вещи. Находки свидетельствовали, что жители городища занимались скотоводством и земледелием.

Как особый тип археологических памятников А. Е. Теплоухов называет костища. В работе, посвященной Гаревскому костищу, он пишет, что это остатки языческих жертвенных пиршеств пермской чуди [28. С. 1–31]. Большое внимание А. Е. Теплоухов уделил изучению керамики, им была предложена классификация и проведена грань между камской (приуральской) и уральской посудой [29. С. 184–188; 30. С. 177–184].

Федор Александрович Теплоухов (1845–1905) с детства помогал своему отцу зарисовывать археологические находки, собирал древние вещи в своем районе, совершал небольшие поездки для осмотра интересных в археологическом отношении местностей. В 1863 г. он окончил Пермскую гимназию и поступил в Тарандтскую лесную академию (Саксония), затем – в московскую Петровско-Разумовскую академию земледелия и лесоводства. Получив степень кандидата лесоводства, Ф. А. Теплоухов в 1872 г. поступил на службу в имение Строгановых, а с 1875 по 1905 г. был главным лесничим. Он активно занимался общественной жизнью: был членом Пермских губернского и уездного земских собраний. Ф. А. Теплоухов был специалистом по геологии, энтомологии, орнитологии, ботанике, лесоводству. Его увлечениями стали философия, литература, искусство, археология. Он состоял членом Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК), почетным членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), Московского археологического общества. Автор обобщающих трудов по истории древнего земледелия, торговли, торговых путей, религиозных представлений пермской «чуди».

После смерти отца Ф. А. Теплоухов продолжал пополнять коллекцию «чудских древностей» Верхнего Прикамья. Приобретал предметы древности у ильинских торговцев и промышленников, имевших торговые связи с населением в районах верховьев Камы, Иньвы и других рек, пользовался услугами И. Я. Кривошекова, который не только покупал вещи, но и собирал ценные сведения о местах находок и о городищах в верховьях Камы и Чусовой. Объясняя скупщикам, что необходимо приобретать, Ф. А. Теплоухов знакомил их со

своей коллекцией, настаивал, чтобы они записывали места находок. Пополнял он свою коллекцию и путем раскопок. В 1880–1890-е гг. провел обследование Ильинского, Панкрашинского, Останинского, Усть-Туйского костыщ, в 1890 г. начал раскопки последнего из них, но за отсутствием разрешения Императорской археологической комиссии вынужден был прекратить.

С 1892 г. Ф. А. Теплоухов начал обработку собранных материалов. И вскоре смог выступить со своими наблюдениями о пермских древностях: прочел на археологической выставке в Перми публичную лекцию «Пермская чужь и ее культурная обстановка»; выступал с сообщениями на заседаниях Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге; опубликовал ряд статей в местных сборниках [32. С. 3–74; 33. С. 247–290]. В работе 1893 г. «Вещественные памятники каменного и бронзового века в западной части Пермской губернии» Ф. А. Теплоухов выделяет в истории чужди три периода: костыщ, каменный и бронзовый [31. С. 27–63].

К 1899 г. он завершил большое исследование (оставшееся неопубликованным) – «Период древнейших костыщ». В нем Ф. А. Теплоухов разработал типологию для наиболее массовых категорий вещей: жертвенной керамики, костяных и железных наконечников стрел, бус и т. д. Кроме того, для костяных наконечников стрел Ф. А. Теплоухов составил статистическую таблицу: количественное распределение типов наконечников стрел по размерам [24. С. 54–62].

Основной и важный итог работы Ф. А. Теплоухова и его отца Александра Ефимовича – коллекция «чуждских древностей», иногда называемая «коллекцией Теплоуховых». Экспонатами коллекции и печатными работами Ф. А. Теплоухова заинтересовалась в Петербурге Археологическая комиссия. Было решено ознакомить с коллекцией Теплоуховых широкие круги ученых России и для этого издать большой атлас «Древностей пермской чужди по коллекции Теплоуховых». Ф. А. Теплоухов подготовил твкой атлас: отобрал характерные экспонаты и сделал несколько сотен рисунков. В 1902 г. атлас вышел в свет с предисловием А. А. Спицына [8].

Публикуемые нами письма И. Я. Кривошекова Ф. А. Теплоухову отражают первый период занятий Ивана Яковлевича археологией, когда он только знакомится с предметом археологии: попутно со своими основными обязанностями он собирает сведения о древностях среди местного населения, покупает древние вещи, ориентируясь на образец, указанный начальством. Ф. А. Теплоухов по-своему тоже находится на начальном этапе накопления сведений о методике проведения раскопок, обработки и систематизации материалов чуждских древностей, выработки собственного взгляда на эту культуру. Можно сказать, что их сотрудничество было полезно им обоим, и в переписке можно найти свидетельства становления их как исследователей. Поручения Ф. А. Теплоухова привили И. Я. Кривошекову интерес к прошлому своего края, а собранные сведения позволили Федору Александровичу перейти к теоретическим обобщениям.

Хотя Ф. А. Теплоухов формально был начальником И. Я. Кривошекова, переписка их носит характер личного общения. Оперативный обмен информацией и решение текущих проблем в пространстве письма соседствуют с доверительными, интимными сюжетами, в которых высказываются надежды,

сомнения, просьбы. Говоря о возможном издании «Указателя к карте Верхотурского уезда», начинающий исследователь И. Я. Кривошеков ищет поддержку у Ф. А. Теплоухова: «Полагая ныне испытать свои работы, какое они произведут впечатление, я намерен выпустить в печать часть указателя к карте <...>, но не решаюсь сделать это один, а потому возлагаю все надежды и упования на Вас, если только не последует отказа Вашего в этом деле» [6. Л. 46–49]. Видимо, с затеей этой ничего не вышло, поскольку Верхотурский уезд в виде «Словаря» выйдет в свет лишь в 1910 г.

В общении двух археологов-любителей не были исключением и обстоятельные письма, в содержании которых просматриваются эмпирические обобщения, «изнутри» вырабатывались профессиональные нормы. Так, практика покупки древних вещей для коллекции Ф. А. Теплоухова позволила И. Я. Кривошекову «без всякой теории, чутьем» отличать древнерусские вещи от чудских [6. Л. 9].

Отсутствие специальной подготовки проявляется в терминах, используемых при описании археологических объектов: И. Я. Кривошеков сообщает, что ему удалось купить антропологическую находку – «часть головы допотопного быка». Кроме того, по косвенным сведениям можно понять, какова была методика раскопок: «Имею честь уведомить, что раскопка Бородкинского кургана по пробивке на три саж(ени) штольни остановлена, дальнейшие работы будут проводиться по лету; относительно же результатов работы по пробивке штольни мною было лично доложено Вам» [6. Л. 25].

Работы велись на любительском уровне, не соответствуя транслировавшимся уже в «Инструкциях» нормам копать курганы «на снос». К 1887 г., когда было написано письмо, рекомендации по раскопкам курганов содержались в «Правилах, которые следует соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей», выпущенных Одесским обществом истории и древностей; «Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов» Д. Я. Самоквасова, В. Б. Антоновича, Л. К. Ивановского, опубликованной в Трудах III Археологического съезда в 1878 г., в том же году было издано пособие Д. Я. Самоквасова «Условия научного исследования курганов и городищ».

Однако количество сведений из инструкций по покупке, рассказов местных жителей и непосредственного наблюдения артефактов переросло в качественную форму, выразившуюся в выработке определенных критериев для классификации предметов. Постепенно исследователь «втягивается в археологический вкус», углубляя свои познания [6. Л. 9]. Сначала он просто принимает вывод о генетической связи древних и современных народов: «Есть много оснований думать, что современные пермяки и зыряне есть потомки Чуди», – пишет он Федору Александровичу в 1886 г. [Там же]. Затем в заметке «К вопросу об исчезновении Камской чуди» 1907 г. И. Я. Кривошеков уже опирается на работы ученых, занимавшихся этим вопросом: А. А. Дмитриева, А. А. Спицына, А. Е. Теплоухова, Ф. А. Теплоухова [15. С. 49–56], демонстрируя более зрелую и взвешенную позицию: «Мнения ученых по поводу признания чуди предками пермяков распадаются. Хотя проф. Смирнов приводит множество доказательств, что современные пермяки потомки чуди, но мнение это окончательно не установлено»

[15. С. 51]. Основанием для собственных выводов служат данные ономастики, исторические, археологические источники: «С появлением крепостного права на Каме – с Пермскими князьками бежали лучшие энергичные и предприимчивые Пермяки, или потомки Камской чуди, унося с собой за Урал все национальное добро: историю своего девятисотлетнего существования, зачатки национальной чудской культуры, поэзию и проч. Недаром о современных пермяках слагается мнение, что они не могли быть потомками Камской чуди, памятники которой говорят, что современный пермяк по своей культурности неизмеримо ниже той чуди» [15. С. 52–53]. Однако признает, что на местах коренного жительства чуди осталось достаточно населения, хоть и представлявшего собой «самого слабого, вялого и вообще беспомощного элемента, давшего (в потомстве) современного пермяка с фамилиями Камской чуди» [15. С. 52–53].

Тема чудских древностей периодически появляется в переписке то в виде сообщений о покупке вещей, то о выявлении чудских городищ и курганов, о настоящих и предполагаемых раскопках. Судя по переписке, к чудским памятникам И. Я. Кривошеков и Ф. А. Теплоухов относили большую группу памятников, оставленных древнепермским (Ломоватовская, Родановская археологические культуры) и древнеудмуртским (Пьяноборская археологическая культура) населением Прикамья. Конечно, их теоретические выводы стояли у начала пути изучения этих древностей и не избежали ошибок, но неоспорим и ценен их огромный вклад в собирании фактического материала.

В переписке прослеживаются ценности, которыми определяются приемлемые цели, способы деятельности, критерии оценки результатов исследований. Ценностный компонент – это фундамент профессиональной морали: важным было уважительное и бережное отношение к памятникам древности. И. Я. Кривошеков писал Ф. А. Теплоухову по поводу покупки чудских вещей, что «эта покупка, благодаря Вашему поручению, принесла мне много пользы <...> более проникся уважением к этому малоизвестному народу» [6. Л. 9–10].

Но не только И. Я. Кривошеков имел мало опыта в вопросах древнейшей истории, Ф. А. Теплоухов также ощущал недостаточность своих знаний для исследования памятников, оставленных чудским населением. Он поделился с И. Я. Кривошековым тем, что не имеет руководств для правильной раскопки могил и курганов, и получил ответ: «в бумагах моего брата я случайно нашел указания Уральского общества на эти книги; первая из них – *Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen*, где статья Вирхова, дает указания на предосторожности при раскопках и вторая: инструкции для антропологических наблюдений Борка» [6. Л. 15]. На начальных этапах формирования археологической науки в России практика археологических исследований основывалась на опыте зарубежных коллег, зафиксированном в публикациях. Однако к моменту написания этого письма Императорская археологическая комиссия и Московское археологическое общество уже разослали по губернским статистическим комитетам созданные ими методические материалы: «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер» (1875), «Инструкция для производства раскопок курганов» (1875), «Заметка для собирания русских древностей» (1886) и др. [2. С. 153–154]. Таким образом, получение библиографических сведений

по археологии происходило еще случайным образом. Несомненно, для более профессионального занятия археологией Ф. А. Теплоухову необходимо было общение с единомышленниками, столичными коллегами и формирующимся провинциальным научным сообществом Урала. Частная переписка при этом выполняла важную информационно-справочную роль в процессе накопления знаний.

Собранные И. Я. Кривошековым сведения о случайных находках древних вещей и о местонахождении чудских городищ и курганов подробно записывались Ф. А. Теплоуховым. В архиве Пермского краеведческого музея сохранилась его рукопись 1888 г. «Материалы для исследования городищ и других чудских поселений», в которой содержатся фактические сведения о новых памятниках, найденных и обследованных не только автором, но и его помощником. Упоминаемые в переписке Останинское костыще, Бородинский курган, Сенькинское городище и другие памятники по р. Косью говорят о том, что разведочная деятельность И. Я. Кривошекова проходила не только на территории Соликамского и Чердынского уездов Пермской губ., но и в лесах и селениях Пермского уезда. Однако этот период поисковой и собирательской деятельности Ивана Яковлевича не нашел отражения в публикациях. Сведения о ней содержатся только в переписке.

Письма приводятся в орфографии И. Я. Кривошекова. В круглых скобках курсивом дописаны сокращенные слова. Письма расположены в хронологической последовательности. Примечания содержат дополнительную информацию о географических объектах, археологических памятниках, публикациях, специальных терминах и лицах, упомянутых в письмах. К сожалению, не обо всех персонах и памятниках удалось найти исчерпывающую информацию.

№ 1.

1-го июля 1886 г. с. Юкеево*

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

Письмо Ваше от 24-го июня получил 29-го числа через кондуктора** г. Бушуева, появление его (в) Юкееве произвело переполох, – я даже до прочтения Вашего письма понял, что это сюрприз Павла Ивановича***, ну Бог с ним: отольются волку овечьи слезы!

* Юкеево – село Чердынского уезда Пермской губ. (кон. XIX в.), сейчас – Кочевского р-на Пермского края в стороне от реки Лолог, на перекрестке двух больших трактов: Кудымкар–Гайны и Кайгород–Усолье.

** Лесной кондуктор – чин в Лесном корпусе в 1845–1917 гг., помощник лесничего. В его обязанности входили надзор за лесной стражей, за соблюдением правил лесопользования, составление протоколов задержания нарушителей и т. д.

*** Павел Иванович Сюзов (1837–1893) – выходец из семьи крепостных служащих имения Строгановых, после окончания Московской земледельческой школы дослужился до управляющего Добрянским металлургическим заводом. Был членом Уральского общества любителей естествознания, Пермской губернской ученой архивной комиссии. П. И. Сюзова, у которого на первом месте всегда стоял завод, И. Я. Кривошеков явно недолголюбил, всякий раз в своих письмах давал управляющему нелицеприятную характеристику, уличая его то в себялюбии, то в неких интригах.

Я полагал, что успею посетить Лолог*, так как препятствий до Юксеева не имеется, дорога до Кувинского завода** Вам известна, а от Кувы до Юксеева дороги верх совершенства, Чердынское земство содержит их в удивительном порядке, Впрочем, исправление их при песчаном грунте не должно дорого обходиться. Сообщение между Юксеевым и казармой*** на протяжении 37 (верст) в сухую погоду возможно только верховое, а в более сырую по высылкам, ежеминутно подвергаясь повредить себя или лошадь. От Юксеева до Иванчиной**** так же дорога в хорошем виде, на всех 24 верстах.

Я с съемщиками 29 числа выехал в Юксеево, так как в казарме по неимению места, или были запущены дневники, общая (накладка) и вычерчивание абрисов, из лесу съемщики***** выехали в казарму только раз к 15 числу, для составления отчетов, табелей и проч., так что выезд в Юксеево раз в месяц, я думаю, будет позволителен; если не давать этого отдыха, то они будут вести медленнее работы, а при надежде побывать хотя (бы) раз в Юксееве для них большое вознаграждение; успех работ за июнь был удовлетворительным, средняя проходка в сутки <...> по 5 верст. С постройкой помещения чертежной, все работы будут выполняться в казарме без упущений.

Погода на Лологе стояла крайне плохая, дождь и снег чередовались между собою, – это много повлияло на успех работ.

Я затрудняюсь в уяснении смысла слов графского выражения в дополнении к инструкции: «Должно быть обращено особенное внимание на существующие и возможные к устройству в будущем пути сообщения между центрами разведок и рекою Вурламом***** с одной стороны и селом Юксеевым и рекою Камою с другой».

Первая половина об соотношениях разведок с Вурламом и Камою для меня понятна, что же касается последнего предложения, я понимаю только гадательно, т.е. я должен осмотреть весь Лолог до устья и так же р. Косу***** до впадения ее в Каму и высказаться о возможности судоходства для сплава будущих металлов; если я понимаю не так, то покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, дать мне надлежащие указания.

Если мои предположения подтвердятся, то одно смущает, что поездка и плавания по Лологу и Косе потребует значительных расходов, тогда как по смете для разъездов назначено всего 200 рублей, из этой суммы уже издержана почти половина на переезд из Добрянки в Юксеево?

Относительно покупки чуждских вещей, я уже сделал почин, куплено вещей до пяти; в том числе, на мой взгляд, интересен крест, купленный в церкви села Монастырского,

* Лолог – река в России, протекает по территории Кочёвского, Гайнского и Косинского р-нов Пермского края. В письме, вероятно, имеется в виду желание И. Я. Кривошекова посетить Лологскую дачу – заводскую дачу на р. Лолог, где в пореформенные годы были открыты залежи железных руд, необходимых для Кувинского чугуноплавильного завода.

** Кувинский металлургический завод – находился на р. Кува, притоке р. Иньва на месте современного с. Кува Кудымкарского р-на Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Заложен Н. П. Строгановой в 1853 г., в 1909 г. закрыт из-за нерентабельности.

*** Общежитие для рабочих.

**** Иванчино или Иванчина Пустынь – деревня Чердынского уезда Пермской губ. (кон. XIX в.), сейчас – Гайнского муниципального р-на Пермского края.

***** Люди, занимающиеся топографической съемкой.

***** Вурлам – крупнейший приток Лолога, протекает в Гайнском и Кочёвском р-нах Пермского края. Устье реки находится в 67 км по левому берегу реки Лолог.

***** Коса – река в Пермском крае, правый приток Камы.

бывшая (...)ско-Троицкая пустошь*; при этом покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, дать указания: нужно ли покупать дубликаты или даже тройные экземпляры. В настоящее время местности для моих исследований были все пустынные, так что приобретением древностей я заняться не мог, с окончанием же (*дела*) на Каме и размежевания Лолога и Вурлама будут давать более случаев бывать в селениях. Если Вы пожаловали бы в Юксеево, то я бы мог Вам указать одно место, достойное тщательной раскопки, ряд могил или курганов, заросших 100–150 летним лесом, это всего в 3-х верстах от Юксеево, я, может быть, займусь раскопкой этого места, по миновании страды, чтобы дешевле обошлись поиски и когда выполню свое главное задание по командировке.

Относительно пересылки водки, в силу дороговизны ее провозки и возможности добыть ее хорошего качества в Куве**, я полагаю заменить водкой Кувинской.

Почтительнейше прошу извинения, что я стал плохо писать, – задубел, в силу нашего исключительного положения, Вы не будете судить строго.

С глубочайшим уважением и преданностью,
имею честь быть Вашим, Милостивый Государь,
покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков.

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 7–8 об.

№ 2.

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

Согласно поручения Вашего, я выполнял его, насколько позволяло время, всего куплено вещей чудских более ста штук и эта покупка, благодаря Вашему поручению, принесла мне много пользы и даже я начинаю втягиваться в археологический вкус; прежде всего, без всякой теории, а так сказать чутьем, начинаю различать древнерусские вещи от чудских*** и сознаюсь, что более проникся уважением к этому малоизвестному народу, который кажется, мне даже будет сродни, так как есть много оснований думать, что современные пермяки и зыряне есть потомки Чуди****.

* Имеется в виду д. Монастырь Гайнского р-на Пермского края. И. Я. Кривошеков упоминает о своих личных наблюдениях этой деревни в 1886 г. в «Словаре Чердынского уезда»: «Монастырь село на реке Каме, Аннинской волости, от уездного города в 208 верстах. В смутное время междоусобицы в Москве в 1611 г. на месте нынешнего села, в грамоте царя Михаила Федоровича от 31 марта 1639 года, упоминается Троицкая Варлаамова пустынь... В настоящее время церковью в селе две» [16. С. 536–537].

** Кува – село Усольского уезда Пермской губ. (кон. XIX в.), сейчас – Кудымкарского р-на Пермского края. Расположено на р. Кува, левом притоке р. Иньвы, впадающей в Каму, и р. Кочкар, левом притоке р. Кувы. Поселение возникло при чугуноплавильном заводе, заложенном в 1852 г. графом С. Г. Строгановым и пущенном в действие в январе 1856 г. Первоначальное наименование – Кувинский завод.

*** Вероятно, имеются в виду украшения древнерусского и местного происхождения. Подробнее о древнерусской и поволжско-прибалтийско-финской материальной культуре на территории Среднего Предуралья в книге Белавина А. Н. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. С. 144–157.

**** С сер. XIX в. в вопросе об этнической принадлежности камской чуди господствовало мнение М. А. Кастрена о причастности чудского языка к прибалтийско-финской группе. Этому же мнению придерживался и А. Е. Теплоухов. Возможно, под его влиянием И. Я. Кривошеков и возводит свое родство как коми-пермяка к легендарной чуди.

Меня уверяли, что по настоящее время потомки Чуди проживают в Вологодской губернии вблизи пермской границы, отличающиеся замечательной физической силой.

Съемочные работы, может быть, будут окончены согласно назначения, если будет хорошая погода и рабочие руки, – в особенности из-за последних у нас одни неурядицы: рабочих нет у горных и у нас, принимаются все способы, чтобы заманить их; г. Оржеховский* по поручению Конторы привел для лесных работ 5 человек, но отдал нам всего 3-х; вследствие недостатка, съемка идет на один инструмент. Рачев и Селиванов** с 6 рабочими занимаются таксацией***, а я для себя лично не могу найти ни одного и потому в партии Замараева**** исполняю роль (...)щика. Кувинская контора, кажется, забыла о нас, так было время, что мы сидели в казарме с одним рублем в кассе, без чаю, сахару, табаку и проч.

О рабочих на мое донесение последовал ответ озаботиться самому приисканием их, вследствие сего, мне пришлось своею властью нарушить условие конторы с рабочими, чтобы хотя (бы) частью, удерживать побегу усанных рабочих, так как в силу этого условия выговоренный 3-х рубл(евый) ежемесячный залог с человека, был для них тяжел и поселял сомнение, что их обсчитывают, – чтобы восстановить наше реноме, я остановил удержку залога из заработка и уже потом донес конторе о своем единоуправстве, иного исхода не было, потому что за все лето из Кувы никто нас не посещал, так что разъяснить наши хозяйственные неполадки и посоветоваться не с кем. Регулировать лесные и горные работы совершенно не кому, действуем так, чтобы только выполнить всякому свое и до чужого дела нет.

Со времени отсылки сего письма из Юксеева и получения на него мною ответа пройдет, вероятно, месяц, т.е. наступит время нашего возвращения на зимние квартиры, поэтому покорнейше прошу Вас, Федор Александрович, дать нам разрешение к началу сентября на выезд и если окажется возможным, то право окончания работ и время выезда предоставить мне, так как в данном случае Кувинская контора, без участия Главного управления не решится дать нам разрешения на выезд.

Если позволит погода, то мои работы продолжатся и до октября, для каковой цели я полагаю оставить только Замараева, Рачева, а может быть и Селиванова отправлю вперед, потому что останутся работы имеющие второстепенное значение, как то: съемки речек до устьев их, вершины которых выяснены при горной съемке, снятие к(..)ской дороги, осмотр насаждений около устья Вурлама для исправления на планах и осмотр тех визи-ров, которые будут назначены под дороги, а большинство их еще в натуре не пройдено. Держать же в сентябре всех нас в Лологе не выгодно, так как харчевые получаемые нами составляют главный расход по лесоустройству Лологской дачи.

На приезд Ваш в Лологскую дачу я уже не рассчитываю, так как август здесь равняется сентябрю, так иней 5 числа повредил уже растительность, как у нас бывает только в сентябре, для ночевки в лесу положительно необходима шуба, но странное дело, в нем комары, и комары – виновники того, что я за время пребывания в Лологе лишился 30 фунтов***** живого веса, – это выпито комарами моей крови.

* Пейсах Веняминович Оржеховский – горный инженер, окончил Горный институт в 1879 г., далее служил на частных предприятиях Урала.

** Выяснить личности пока не удалось. Вероятно, лесничие.

*** Таксация леса – учет леса, его всесторонняя материальная оценка и составление технической характеристики насаждений, определение их возраста, запаса (количества) древесины, прироста и объема отдельных деревьев и их частей.

**** Выяснить личность пока не удалось.

***** Примерно 12 кг.

С глубочайшим уважением и почтительнейшей
преданностью имею честь быть Вашим,
Милостивый Государь, покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков

7 августа 1886 г.
Казарма Лологской дачи

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 9–10 об.

№ 3.

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

По приезде в Добрянку 2-го числа текущего месяца, графу* было угодно потребовать меня только 4-го числа в 9 часов вечера; вопросы задавались исключительно о состоянии лесов и в особенности березняков, о возможности сплава по Вурламу и Лологу и характеру берегов по этим речкам, справился о состоянии здоровья лесных служащих за время пребывания в Лологе, а в конце сказал: «благодарю». Размеры масштабов им решены следующие: приготовить в верстовом общий и два планшета** в 200 сажен, но с (нанесением) рудничных работ.

Меня к 17 числу ноября требует мировой судья в качестве свидетеля по делу г. Кычигина***, а потому остальные чудские вещи я доставлю лично.

Общий список вещам, посланный мной из Богородского****, доставлен ли Вам, если он утратился, то покорнейше прошу почтить меня уведомить, я приготовлю дубликат.

К чертежным работам по Лологской даче мы приступили, помещение отведено под училищем.

С глубочайшим уважением и преданностью
имею честь быть Вашим, Милостивый Государь,
покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков

(?)ноября 1886
Добрянка.

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 13–14.

№ 4.

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

В бытность Вашу в Добрянке Вы изволили упоминать о неимении руководств для правильной раскопки могил и курганов, в бумагах моего брата я случайно нашел указания Уральского общества***** на эти книги; первая из них: *Anleitung zu wissenschaftlichen*

* Сергей Александрович Строганов (1852–1923) – внук графа Сергея Григорьевича Строганова, от которого в 1882 г. унаследовал нераздельное имение Строгановых, в том числе и Добрянский металлургический завод.

** План местности, составленный с помощью специальных геодезических инструментов.

*** Не удалось выяснить детали биографии.

**** Богородск или Богородское – село на р. Арий, правом притоке р. Ирень, впадающей в р. Сытва. Богородск являлся центром Богородской волости Красноуфимского уезда Пермской губ. (кон. XIX в.).

***** Уральского общества любителей естествознания.

Beobachtungen auf Reisen, где статья Вирхова дает указания на предосторожности при раскопках* и вторая: инструкция для антропологических наблюдений Борка**, издан(ая) Московск(ого) общ(ества) любит(елей) ест(ествознания), антропологии и этнографии том II Извест(ий) антрополог(ического) отд(еления) том I 1865 года. Перевод Богданова, 1 рубл(ей) 50 коп.

Первая с немецким названием находится в Ильинском у брата***, прошу извинить, может быть, по незнанию немецкого языка написал неправильно; книги временно присланы из Екатеринбурга для справок, а второй книги Борка в распоряжении у общества и вовсе нет, на какой случай подробно сообщены ее адрес и цена.

Я осмелюсь покорнейше просить, Милостивый Государь, Вашего совета относительно отправки составленной мной карты на Пермскую губ(ернию) на выставку****, так как в отделе Географическом в (56) группе будут приниматься карты даже сделанные от руки, то я полагаю, что и моя карта будет удостоена этой чести, только к сожалению она не будет иметь надлежащего выставочного вида после своего путешествия в Петербург, ее фирма Петровской значительно позатаскала, но это было еще поправимое.

Если последует Ваш совет, то каким образом отправить ее и через кого, я этого в правилах не нашел.

Почтительнейше прошу извинения в утруждении Вас, Милостивый Государь, быть может, не совсем скромными моими просьбами.

* Имеется в виду работа Рудольфа Вирхова «Антропология и доисторические исследования» в сборнике Руководство к научным наблюдениям в путешествиях (R. Virchow «Anthropologie und prähistorische Forschungen» // Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen. Berlin, Verlag von Robert Oppenheim. 1875). Рудольф Карл Вирхов (1821–1902) – лидер антропологической науки Германии, включающей не только физическую, но и культурную антропологию и первобытную археологию, директор Института патологии университета Берлина, крупнейший патологоанатом вт. пол. XIX в. Он стал основателем Берлинского антропологического общества. Среди его трудов есть сочинения об эпохе бронзы, об урнах, курганах, свайных постройках и пр. На русском языке изданы его статьи: «Развалины Трои» в «Историческом Вестнике» (1880 г. № 2) и «О древних могилах и о постройках на сваях», издания в Санкт-Петербурге в 1886 г.

** Имеется в виду работа Поля Брока «Общие инструкции для антропологических исследований и наблюдений», перевод с французского А. Богданова, опубликована в Известиях Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 2. М., 1865. Поль Пьер Брока (1824–1880) – французский хирург, антрополог. Фактически Поль Брока является основоположником современной антропологии, так как разработал инструментарий этой науки (применяющийся и в настоящее время), основал Общество антропологии в Париже в 1859 г., основал журнал «Антропологическое обозрение» («Revue d'anthropologie») в 1872 г. и Высшую школу антропологии в 1876 г.

*** Старший брат Николай Яковлевич Кривошеков.

**** Обсуждается отправка «Карты Пермской губернии», составленной И. Я. Кривошековым, на Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, организованная по инициативе Уральского общества любителей естествознания в 1887 г. Сибирско-Уральская выставка включала в себя 11 отделов. В географическом отделе можно было увидеть сочинения по географии и статистике Урала и Сибири, а также карты, присланные разными учреждениями и лицами.

С глубочайшим уважением имею честь быть Вашим,
Милостивый Государь, покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков

26 ноября 1886 г.
Добрянка.

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 15–16 об.

№ 5.

4/II 87*

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

Вследствие последовавшего распоряжения Главного управления о представлении отчета о ходе чертежных работ и времени их окончания, я спешил настолько, насколько это позволяло время и самая работа, но при всем этом не мог к настоящей почте приготовить всех планов, один из них будет предоставлен со следующей почтой, для успешности работ даже задолжал одного съемщика из партии г. Ермолаева.

Относительно съемщиков для Ильинского округа, я имею в виду только двух кандидатов: Илью Дроздова и Александра Одинцова**, Дроздов до съемки занимался в лесном отделении и служил помощником лесного смотрителя, знаком с лесным письмоводством и отчетностью, внимательный и добросовестный служащий; Одинцов, как мне известно, занимался все время съемкой и с письмоводством не знаком, хотя также внимательный и хороший служащий, – которого будет Вам угодно выбрать, из остальных, кроме Замираева, я никого не могу указать.

Относительно того, что я не принимаю участия в делах, мне кажется странным слух, и кто его мог распространить; с 8 января я ежедневно бывал в конторе, кроме того, употребил на поездки по лесам 5 дней, что будет видно из январского месячного отчета, полагаю, что Павел Иванович не откажется подписать его. Одновременные занятия в конторе и чертежной, хотя и тяжелы, но надежда скорого окончания Лологских работ утешает меня.

В последнюю поездку на Косьву мне удалось купить антропологическую находку, часть головы допотопного быка, рога совершенно целы и часть лба до глазных впадин, весит сия вещь 1 пуд***.

По окончании работ по Лологской даче мне бы хотелось представить их лично в Главное управление, а потому покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, разрешить, если возможно, этот выезд.

С глубочайшим уважением, имею честь быть
Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков

3 февраля 1887 г.
Добрянка.

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 19–20 об.

* Пометка другим почерком. Вероятно, Ф. А. Теплоухов указал дату получения.

** Выяснить личности пока не удалось.

*** 16 кг.

№ 6.

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

На письмо Ваше от 27-го сего мая имею честь уведомить, что раскопка Бородкинского кургана* по пробивке на три саж(ени) штольни остановлена, дальнейшие работы будут проводиться по лету; относительно же результатов работы по пробивке штольни мною было лично доложено Вам, Милостивый Государь, при проезде через Добрянку в начале мая.

Если состоится мой отпуск для лечения, то наблюдение за ходом работ в Бородкинском кургане я поручу Вильвинскому лесн(ому) см(отрителю) Алексею Дроздову, человеку толковому-расторопному, который не преминет дописать Вам через известные сроки о продолжении работ в кургане.

Я осмеливаюсь беспокоить Вас, Милостивый Государь, покорнейшей просьбой относительно шансов на мою поездку для лечения, так как мне не известно, дадут ли хотя (бы) отпуск, не рассчитывая уже на пособие, благоприятное время уже наступило и уходит, а об отпуске ничего не известно.

Читая последнюю книгу «Лесного журнала»**, я встретил пословицу г. Тюрмера*** «живи и жить другим давай», которую было бы полезно всегда помнить нашему Павлу Ивановичу, первую половину он выполняет в отношении себя, но второй не придерживается. Так случилось ныне – в известную (палочную) книгу внес замечание, что я позорю имя графа Строганова, побуждая работать древорубов бесплатно при расчистке просек, оговариваясь, впрочем, что замечание делается на основании слухов, я по привычке нисколько не возражал на это, но сослался на свой дневник, которым возводимое обвинение разъясняется; возвратившись вчерашнего дня из лесу, я нашел по поводу сего уже запрос Главного управления, относительно тех же якобы беспорядков в Голубятских курнях, вследствие сего я попросил черновое с донесения Главного управления, но получил отказ, на основании письменного распоряжения того же Павла Ивановича, что документы и переписку из канторы не давать тем лицам, до которых они касаются, а равно служащие разных отраслей хозяйства без разрешения канторы этого

* Указаний на памятник в публикациях не встречено. Возможно, связано с Бородкинским I селищем – памятником ломоватовской, родановской культур (кон. I тыс. н. э.). Расположен на левом берегу р. Вильва, левого притока р. Косьва, восточная часть д. Бородкино Добрянского района Пермского края и прилегающий к ней участок берега р. Вильва [26].

** Лесной журнал (1871–1918) – периодическое издание Петербургского лесного общества. Тематика журнала охватывала все отрасли лесного хозяйства. Журнал состоял из восьми отделов: статьи по всем отраслям лесного хозяйства; влияние законов и обычаев на успехи лесного хозяйства; лесоторговый отдел; лесохозяйственная библиография, разбор важнейших русских и иностранных сочинений по лесному хозяйству; лесная хроника и смесь; известия о деятельности Лесного общества; обзор вновь выходящих постановлений по Лесному управлению; объявления, касающиеся предметов лесного хозяйства. Журнал выходил 6 раз в год.

*** Карл Францевич Тюрмер (1824–1900) – лесовод-практик, создатель образцовых лесов. Более 38 лет проработал лесничим графа А. С. Уварова в имении «Поречье» Можайского уезда Московской губ. Свой огромный опыт в области лесного хозяйства К. Ф. Тюрмер обобщил в труде «Пятьдесят лет лесохозяйственной практики» (1891). За выдающиеся достижения в лесоразведении К. Ф. Тюрмер награжден Большой золотой медалью Ф. Х. Майера Императорского вольного экономического общества.

делать не могут, конечно, другие острят по поводу сего, но мне при запросе Главного управления не до острот; жаловаться ли на это официально, или же ждать вторичного запроса Главного управления и уже тогда разъяснить причины замедления, но все это опять таки вызовет неприятности и я в моем настоящем положении всеми силами должен избегать возбужденного состояния; покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, извинить меня, что утруждаю этими плаксивыми жалобами, но умолчать о них не могу перед Вами из чувства самосохранения.

Не знаю, получили Вы ивы с (*Лупелосенской*) горы собранные через лесн(*ого*) см(*отрителя*) Рычина, отсылка их совпала с моим отъездом до Перми и Рудановского* в Тагил.

С глубочайшим уважением имею честь быть Вашим,
Милостивый Государь, покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков

29 мая 1887 г.
Добрянка.

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 25–26 об.

№ 7.

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

Вследствие письма от 28 октября при сем имею честь препроводить уголь, по одному экземпляру из каждой кучи – выжженных за р. Костянкой. Выполнение поручения сего замедлилось за отсутствием моим из Добрянки в Косвинское лесничество. Возвратившись сего 2-го ноября, спешу загладить промедление высылкой требуемого.

Поручение Ваше, Милостивый Государь, относительно городищ по р. Тую, с жжением куч и другими делами по службе, остается почти не выполненным, от углежогов Подполазенской волости мне удалось однако узнать, что выше д. Сенкиной на р. Тую в ½ версте у деревни Меркушевой существует чудское городище**.

С установлением зимнего пути, при поездках в Усть-Гаревую и Висим, я соберу более сведений объехавши эти местности.

* Петр Васильевич Рудановский (1829–1888) – доктор медицины, хирург, окулист; в 1854 г. окончил курс Медицинского Факультета Казанского Университета; будучи стипендиатом Горного ведомства, он служил врачом на разных заводах Урала до 1858 г., когда был командирован Горным ведомством за границу с научною целью – для ознакомления с устройством госпиталей в горнозаводских округах и для усовершенствования по глазным болезням. В 1859 г., вернувшись на Урал, был назначен в Нижне-Тагильские заводы Демидова, где получил в заведование больницу в самом Нижнем Тагиле. Автор многочисленных исследований по строению нервной системы.

** Сенькино II (Меркушевское) городище – памятник Ломоватовской культуры, IV–VII вв. Находится в 500 м к югу от с. Сенькино, на р. Кухра (левого притока р. Большой Туй). Площадь городища – 1 га. С напольной стороны укреплено валом. Отражено в рукописи Ф. А. Теплоухова «Материалах для исследования городищ и других чудских поселений». Обследовалось в 1925 г. А. В. Шмидтом (не обнаружено находок), в 1951–1952 гг. разведочным отрядом Камской археологической экспедицией О. Н. Бадера [25. С. 46–47; 27. С. 117].

На Косьве*, кроме Останинского костыща**, Бородинского кургана, мне удалось узнать о существовании городища в д. Вяткиной и затем о нахождении древних вещей в береговых осыпях по р. Косьве в д. Тысяцковой – где, по рассказам жителей, находили железные и бронзовые вещи, но очень давно, лет 20–30 тому назад; более подробных сведений не имею, есть ли следы в Тысяцковой чудских жилищ, до личного осмотра сказать не могу, жители же Тысяцковой о существовании таковых когда-либо не помнят, да и рассказам их доверяться нельзя. Что вещи действительно в Тысяцковой находили, то это вполне достоверный факт.

Мне недавно выслали диплом на действ(ительного) члена Уральского общества любителей естествознания, не знаю чем я могу быть полезным обществу по естествознанию. За бронзовый жетон просят денег 1 р(убль) 50 коп(еек), медь очень поднялась в цене.

С глубочайшим уважением имею честь быть Вашим,
Милостивый Государь, покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков

2 ноября 1887 г.
Добрянка.

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 30–31 об.

№ 8.

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

Письмо Ваше от 26 февраля мной получено, за драгоценное содержание его приношу Вам мою глубочайшую благодарность.

Равным образом получено письмо с предуведомлением о поездке в Кувинский завод. Поездка эта для меня желательна, так как представится возможность пополнить пробелы в моем указателе*** и, быть может, собрать новые сведения.

Знакомясь по всем уездам губернии с историей, географией, этнографией, горнозаводской и кустарной промышленностью, геологией, археологией, состоянием сельского хозяйства, мне ничего не встречается о лесном хозяйстве, я уже поместил в соответ-

* Косьва – река, левый приток р. Камы.

** Останинское костыще – памятник Пьяноборской культуры. Останина – деревня Останинской волости Пермского уезда и губернии, расположена на правом берегу реки Косьвы. Близ деревни находится большая гора, которая огибается Косьвой с востока, юга и запада. На ее площадке находится костыще. Несколько десятков пудов костей было вывезено на фосфорный завод. А. Е. Теплоуховым была предпринята попытка произвести раскопки. Найдены главным образом костяные наконечники стрел (четырехгранные и иволистные), изредка бусы и бронзовые вещи. Опубликовано: Теплоухов А. Е. Археологический дневник 1869–1870 гг. // Архив Молотовского музея. Пермь, 1870. Иванов А. П. Материалы к антропологии Пермского края // «Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете». Т. 10. Вып. 1. Казань, 1881. Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, t. I–V. Helsingfors, 1877–1884. 1877. [27. С. 131].

*** Имеется в виду «Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии». Издан в 1897 г. в «Записках» Уральского общества любителей естествознания (Т. 17. Вып. 2).

ствующих местах труды Александра Ефимовича*, о Козминке** и устройстве лесов, да о <...> – как лесном технологе, а о современном состоянии лесного дела никаких сведений нет; для пополнения сего пробела я осмеливаюсь обратиться к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшей просьбой, не найдется ли возможности сообщить о состоянии лесных культур в Очерском и Билимбаевском округах, хотя (бы) краткие сведения о местоположении их по волостям или лесничествам, величине закультивированной площади, посадке и посеве лесу и сколько (средств) на закультивирование с обозначением стоимости работ на десятину.

Мне крайне совестно беспокоить Вас этим, но самолюбие лесного служащего делает меня нахальным, умолчать о том, что и на Урале (применяется) искусственное лесовозобновление, мне кажется большим грехом.

Я ныне получил доступ в библиотеку Пермской гимназии, благодаря Алекс(андру) Алек(сеевичу) Дмитриеву***, – материалов для меня новых бездна.

С глубочайшим уважением имею честь быть Вашим,
Милостивый Государь, покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков

Добрянка 4 марта
1888 г.

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 38–39 об.

* Вероятно, имеются в виду труды А. Е. Теплоухова: «Сборник лесохозяйственных постановлений и правил в Ильинском округе майоратного имения графини Строгановой» // Труды Вольного экономического общества. – 1859. Т. 3. Его же. «Краткое описание лесохозяйства в Пермском майорате графов Строгановых» // Пермский сборник. 1859. Кн. 1. Его же. «О рубке и возобновлении казенных лесов в Чердынском уезде» // Экономические записки. 1862. № 34, 36. Его же. «Исторический взгляд на лесохозяйство в Пермском нераздельном имении гр. Строгановых». Пермь, 1881 [С. 149–150].

** В 1848 году А. Е. Теплоуховым на окраине с. Ильинское в Кузьминском логу был заложен лесной питомник. Этот парк в его работах значится Козминкой, а сейчас называют Кузьминкой.

*** Александр Алексеевич Дмитриев (1854–1902) – уральский историк, краевед, автор восьмитомного научного труда «Пермская старина». Окончил Пермскую мужскую гимназию и историко-филологический факультет Казанского университета. С 1877 по 1890 г. он преподавал историю и географию в пермских гимназиях. Во время летних каникул собирал в местных архивах и у частных лиц старинные документы. С 1882 по 1902 г. А. А. Дмитриев опубликовал более 140 научных работ по истории Пермского края. В 1890–1902 гг. А. А. Дмитриев работал инспектором народных училищ Соликамского и Пермского уездов. В 1890 г. он был избран председателем Пермской ученой архивной комиссии. За свои достижения был удостоен почетного отзыва РАН (1895), избран действительным членом Финляндского общества археологии, Петербургского археологического института и других научных организаций.

№ 9.

Милостивый Государь,
Федор Александрович!

Сегодня я решил с подрядчиком Кетовым* относительно приготовления плиты, согласно последнего Вашего заказа, т. е. размерами: длиной 5 ½ ар(шина) и шир(иной) 2 ½ арш(ина), толщина же всего оказывается 4 ½ вершка, это уменьшение толщины плиты Кетов заявил сегодня, хотя ранее надеялся добыть 5–6 вершков. Но это последнее может измениться, так как Кетов взял подряд в Пермь доставку 4 /т. пудов плитняка и если при дальнейшей ломке встретятся плиты толщиной 5–6 вершков, то найденную он заменит 5–6 вершк(овой). Завтра или послезавтра Кетов просил меня принять заказанную плиту. Доставку ее он на себя не принимает, – но предлагает нанять Пирогова, нашего пароходовладельца, или же доставить ее через Ильинских судовладельцев, которые по весне приплавливают алебастр из гор Лу(...)ской и Усть-Гаревской. Гужевая доставка плиты до Ильинского обойдется очень дорого, потому что вес ее при 4 ½ вершк(ах) толщины будет до 80–85 пудов, а при 5–6 вершк(ах) толщины дойдет до 100–120 пудов.

Хранение плиты до загрузки ее на судно Кетов принимает на себя без всякой платы.

В виду всего вышесказанного покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, уведомить на какой толщине плиты нужно будет остановиться? Затем каким путем последует ее доставка, гужем или водой; гужевой доставка, по мнению Кетова, невыгодна и, кроме того, могут повредить при перевозке плиту; водой же доставка ее обойдется дешевле, но через кого доставить ее в Ильинск, примите ли приискать подрядчиков сами Вы или же озаботиться приисканием их мне? Почтительнейше прошу извинить меня, Милостивый Государь, Федор Александрович, что я в таком несложном деле утруждаю Вас перепиской, но иначе поступить не могу, чтобы удовлетворительно выполнить Ваше поручение, по пословице: «взявшись за гуж, не говори что не дюж».

Недавно вернувшись с Губахи**, куда ездил для отвода лесосеки г. Захаровскому, – купившему лесу на 2680 рублей, я опять замедлил ответом на Ваше последнее письмо.

Полагая ныне испытать свои работы, какое они произведут впечатление, я намерен выпустить в печать часть указателя к карте – при этом полагал бы воспользоваться содействием Уральского общества, – но не решаюсь сделать этого один, а потому возлагаю все надежды и упования на Вас, если только не последует отказа Вашего в этом деле.

Прежде всего, решаюсь покорнейше просить Вас взять на себя просмотр предполагаемой к печати тетради и удостоить своим мнением, будет труд заслуживать отпечатывания и можно ли будет просить г. Клера об отпечатании указателя отдельной брошюрой с картой и найдутся ли у них на это средства? (предполагаю выпустить один Верхотурский уезд и карту на него).

Относительно же содействия по составлению карты Пермской губернии с археологическим указателем, я весь готов к Вашим услугам – материалы, известные мне, как доисторического периода, так и исторического, могу представить во всевозможных формах для составления карты, это мне тем более легко сделать, что все известное мне по археологии края вошло в указатель к карте и распределено по уездам, волостям и селениям.

* Выяснить личность пока не удалось.

** Губаха – деревня при впадении р. Губашки в р. Косью. С нач. XIX в. велась добыча угля для металлургического завода в г. Чермозе Пермской губ.

С глубочайшим уважением имею честь быть Вашим,
Милостивый Государь, покорнейшим слугой
Ив. Кривошеков

7 октября 1888 г.
Добрянка.

Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 46–49.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бейлин И. Г., Парнес В. А. Александр Ефимович Теплоухов. М., 1969.
2. Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003.
3. Ванюшева К. В. Коммуникативные практики в истории отечественной археологии (XVIII – конец 80-х гг. XX в.) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Вып. 3. 2011. С. 93–98.
4. Ванюшева К. В. Роль межличностных коммуникаций в профессионализации провинциальной археологии в России (конец XIX – начало XX в.) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. Челябинск, 2011. С. 330–336.
5. Ванюшева К. В. Письма как источник изучения истории археологии в Приуралье // Российская археология. 2012. № 2. С. 108–112.
6. ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114.
7. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье [Электронный ресурс]. Иркутск, 1985. URL: <http://kronk.spb.ru/library/goldina-rd-1985-0.htm> (дата обращения: 17.08.2014).
8. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых: атлас рисунков с предисловием Спицына А. А. // Материалы по археологии России. СПб., 1902.
9. Игнатьева О. В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения. Пермь, 2009.
10. Игнатьева О. В. Портрет коллекционера отечественных древностей (на материале Пермской губернии) // Пятые Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2010. С. 77–85.
11. Измайлова С. Ю. Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки А. Ф. Лихачева) // Материалы Лихачевских чтений. Казань, 2007. С. 20–38.
12. И это все пройдет... Судьбы и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.) / Под ред. К. А. Руденко. Казань, 2012.
13. И. Я. Кривошеков: к 150-летию со дня рождения географа, историка-краеведа и общественного деятеля Пермского края, автора «Летописи Кудымкара» и карт Пермской губернии [Электронный ресурс]: документы и материалы. Пермь, 2004. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).
14. Китова Л. Ю. Штрихи к научной биографии С. А. Теплоухова: два письма А. М. Тальгрёну // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006. С. 152–159.
15. Кривошеков И. Я. К вопросу об исчезновении Камской чуди // Труды ПУАК. Вып. 7. Пермь, 1904. С. 49–56.
16. Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии, с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. Пермь, 1914. С. 536–537.

17. Кузьминых С. В. Письмо В. Н. Пигнатти к А. М. Тальгрену // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 4. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2007. С. 257–267.
18. Кузьминых С. В. Письма С. А. Локтюшева А. М. Тальгрену // Краеведческие записки. Вып. 4. Луганск, 2008. С. 59–65.
19. Кузьминых С. В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н. С. Гуляева А. М. Тальгрену // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул, 2009. С. 178–190.
20. Мельникова О. М. Из истории переписки О. Н. Бадера с учеными Москвы и Ленинграда (1946–1954 гг.) // Российская археология. 2004. № 4. С. 151–159.
21. Мельникова О. М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ижевск, 2007.
22. Мельникова О. М. Письма О. Н. Бадера в Центральном архиве Нижегородской области // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск, 2010. С. 29–40.
23. «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А. С. Лебедева А. М. Тальгрену / Публ. С. В. Кузьминых, О. М. Мельниковой, К. В. Ванюшевой // Вестник Удмуртского университета. Вып. 2. Серия «История и филология». 2008. С. 171–200.
24. Овчинникова Б. Б. У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 08. С. 54–62.
25. Памятники истории и культуры Пермской области. Т. 1. Пермь, 1996.
26. Перечень объектов культурного наследия Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <http://uraloved.ru/mesta/permskiy-krai/obyekti-kult-nasl-perm-kraja> (дата обращения: 14.08.2014)
27. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна реки Камы. М., 1952.
28. Теплоухов А. Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки УОЛЕ. Т. 6. Вып. 1. Екатеринбург, 1880. С. 1–31.
29. Теплоухов А. Е. Замечания о глиняных черепках, найденных на берегу Аятского озера и у д. Палкино на р. Исети // Записки УОЛЕ. Т. 7. Вып. 4. Екатеринбург, 1884. С. 184–188.
30. Теплоухов А. Е. Описание коллекции черепков глиняной посуды из Чудского селища близ села Кудымкорского в Соликамском уезде // Там же. С. 177–184.
31. Теплоухов Ф. А. Вещественные памятники каменного и бронзового веков в западной части Пермской губернии // Труды ПУАК. Вып. 1. Пермь, 1892. С. 27–63.
32. Теплоухов Ф. А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. С. 3–74.
33. Теплоухов Ф. А. Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 247–290.

Поступила в редакцию 30.10.2014

K. V. Vanyusheva

**‘Even I Am Starting to Get Involved in Archaeological Taste’:
Letters of I. Ya. Krivoshchekov to F. A. Teploukhov (1886–1888)**

Letters of the district forest warden I. Ya. Krivoshchekov to the chief forest warden of the Perm manor of Counts of Stroganov, the archaeologist, the collector of antiquities of the ‘chud’ to F. A. Teploukhov for 1886–1888 with comments are published. Formal questions, studying of archaeological monuments of the ancient population of Prikamye, drawn map of the Perm province by I. Ya. Krivoshchekov, contacts with the Ural Society of Nature Explorers are discussed in letters. In the introductory section there is biographical data of recipients. Cognitive capabilities of this historical source to expand the understanding of the formation and functioning of provincial archaeology in the end the 19th century, including knowledge about the ancient ancestors of the Perm people are analysed.

Keywords: I. Ya. Krivoshchekov, F. A. Teploukhov, correspondence, province, history of Russian archaeology, chudsky antiquities.

Ванюшева Ксения Викторовна,

кандидат исторических наук

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: vankusu@inbox.ru

Vanyusheva Kseniya Viktorovna,

Candidate of Sciences (History),

Udmurt Institute of History, Language and Literature

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: vankusu@inbox.ru

Н. С. Попов

**ВЯТСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ О РОЛИ
РОДНОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СРЕДИ МАРИ***

Статья посвящена роли вятских просветителей в просвещении народа мари в кон. XIX – нач. XX веков. Определяется участие священнослужителей в образовательном процессе.

Ключевые слова: просвещение, язык, миссионер, школа, культура.

Под словом просветитель понимается прогрессивный общественный деятель, активный участник распространения передовых идей и знаний. Идеи Просвещения значительно повлияли на развитие общественной мысли. Вместе с тем в XIX–XX вв. идеология Просвещения нередко подвергалась критике за идеализацию человеческой природы, оптимистическое толкование прогресса как неуклонного развития общества на основе совершенствования разума. В широком смысле просветителями называли выдающихся распространителей научных знаний.

В XIX в. большинству населения России культура оставалась недоступной. Но реформы 1960-х гг. открывали новые возможности для развертывания общественно-педагогического движения, осуществления перемен в образовательной и воспитательной деятельности, в просвещении народа. Культуру просветители рассматривали как духовное богатство общества и внутреннее достояние человека, основанное на его постоянном стремлении к истине, добру и красоте. Они считали, что через культуру человек преодолевает природную ограниченность и однократность своего существования, осознает свое единство с природой и обществом, с другими людьми, с прошлым и будущим. Просветительское понимание культуры было гуманистическим по содержанию. Путем повышения грамотности народных масс, распространения книг и доступных произведений искусства, приобщения широких слоев народа к культурным ценностям

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-14-12001.

просветители надеялись преобразовать общество, преодолеть мрачное наследие сословно-крепостного режима, укрепить в людях чувство собственного достоинства, улучшить материальное положение крестьян. Стало обращаться больше внимания и улучшению положения нерусских народов.

Основы передовой историко-культурной традиции сочувственного, доброжелательного отношения к марийскому народу и его культуре были заложены в XVIII в. Свидетельство тому – подготовленный в 1750–1769 гг. «Черемисский словарь» отца Доментия и Кукарского Покровского диакона Иоанна (рукопись хранится в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга), работа П. И. Любарского «Любопытные известия о Вятской епархии», «История вятчан» А. И. Вештомова и др. В нач. XIX в. был подготовлен проект открытия 200 приходских училищ в губернии, предусматривающий основание начальных школ в нерусских, в том числе марийских, поселениях [13]. Священник Нылгыжинской церкви Алексей Виноградов в 1829 г. подготовил проект открытия школ для черемисских детей [2. Л. 12–16]. В силу объективных причин они долгое время оставались нереализованными.

Продолжалась работа по изучению культуры и быта народа, в чем особая роль принадлежит А. И. Герцену, который в своей статье о вотяках и черемисах четко обозначил важность глубокого изучения культуры и быта этих народов, внимательного и бережного отношения к их традициям и обычаям.

Ценны сведения об историческом прошлом, своеобразных традициях народов, опубликованные А. И. Емичевым, И. М. Осокиным, врачами Иваном Васильевичем Георгиевским, Константином Ивановичем Доброхотовым и др., а также членами Вятского губернского статистического комитета (В. М. Шестаковым, Н. Н. Романовым, Н. А. Спасским), историками-краеоведами Н. Н. Блиновым, Я. Мултановским, преподавателем Вятской духовной семинарии А. Н. Филимоновым, ссылкой А. А. Андриевским и др. Большую известность получили этнографические труды Д. К. Зеленина, В. К. Магницкого, А. А. Спицина, историка П. Н. Луппова, просветителя С. А. Нурминского и др.

В трудах местных историков и краеведов раскрывались неизвестные страницы исторического прошлого края, утверждались идеи просветительства и гуманизма, вскрывалось бесправное положение «инородцев».

Вятская интеллигенция принимала самое активное участие в просвещении марийского и удмуртского народов. Свою деятельность в этом направлении она старалась увязывать с пропагандой демократических идей (обновлением существующего образа жизни крестьян).

Активными проводниками этих идей были члены кружка А. А. Красовского, выпустившие сборник «Вятские незабудки». Одним из членов этого кружка был выпускник Казанского университета, ученый-исследователь из чувашей Н. И. Золотницкий (1829–1880). В Вятке он некоторое время занимал должность столоначальника Вятской палаты Государственных имуществ, затем – редактора неофициальной части «Вятских губернских ведомостей», мирового посредника в слободе Кукарка.

Н. И. Золотницкий практически одновременно с Н. И. Ильминским понял важность использования родного языка в процессе приобщения народов к христи-

анству и проповеди Евангелия, привлечения к духовному служению представителей местного населения. Он стал одним из первых поборников передачи новокрещеным истины Божией в доступной для восприятия и понимания форме и утверждения в сознании и быту марийцев и чувашей «истинно-русского благочестия».

В своей статье «По поводу открытия частных школ в Вятской губернии» (1861) он рассматривает злободневные проблемы распространения народного образования среди местных крестьян, в том числе марийцев и удмуртов. Он отмечает, что вопреки принятым священнослужителями усилиям по просвещению народа, крестьянские дети (особенно девочки) упорно отказываются посещать вновь открытые школы, а родители отвергают значимость школьного обучения. Основную причину такого холодного отношения к школе Н. И. Золотницкий видел в практике механического заучивания учебного предмета, поэтому он резко критиковал существовавшую в те годы практику принудительного обучения нерусских детей. Крестьяне, по его мнению, относились к грамотности с предубеждением, не понимали ее пользы и не умели применять полученные знания на практике [6. С. 280–282].

Н. Золотницкий предлагал начинать развитие ребенка с воспитания, а затем давать ему образование. Он считал, что при отсутствии разумного воспитания детей в семьях, образование должно помочь пробудить в ребенке душевные силы, чтобы он мог противостоять грубости, одичалости, нравственной испорченности. Школа, по мнению автора, призвана помочь ученикам сознательно понимать изучаемый предмет, научить их мыслить. Он предлагал вырабатывать у учащихся привычку во всем доискиваться до смысла и значения, искать и находить в книгах ответы на актуальные вопросы, давать им навыки рационального использования полученных знаний в практической жизни. Автор выступал за разумное обучение, нацеливающее учеников находить в познаваемом смысл и значение.

В развитии ребенка немаловажное значение Н. И. Золотницкий придавал религиозно-нравственному воспитанию. Дети, по его мнению, должны научиться видеть во всем чудеса любви Божией и через душевные молитвы открывать путь к религиозным истинам. Он предлагал начинать знакомить детей с религиозными истинами уже при первых проблесках мысли. Чтобы в душе ребенка зажегся чистый и святой пламень любви к Богу, как существу милосердному и заботящемуся обо всех и каждом, необходимо, как считал Н. И. Золотницкий, показать ему чудеса Божьей любви «во всем его окружающем; в блеске солнца, в благотворности дождя, в заботливости о каждой былинке в поле, о каждой птичке на небе». Автор призывал научить ребенка бережно относиться к этой божьей любви, дети бессмысленно повторяли заученные слова молитвы, а обращались к Богу душой и сердцем. Такую же осмысленную любовь необходимо привить детям и в отношении к ближним.

При этом Н. И. Золотницкий призывал вырабатывать у детей критическое отношение к крестьянским традициям, противоречащим религиозному учению. В качестве примера он указывал на то, какими мотивами руководствовались крестьяне при выборе тех или иных поступков в повседневной жизни. По его мнению, в нравственном выборе крестьян превалирует не любовь, а страх осуждения и наказания [6. С. 383].

Основной причиной негативного отношения нерусских крестьян к школьному обучению. Н. Золотницкий видел в отличии их природного языка от языка школы: «...мы поступаем не совсем человечно, усаживая вотского или черемисского мальчика за русский букварь и потом заставляя его задалбливать на чуждом ему языке молитвы, катехизис, историю и проч» [6. С. 384]. По мысли автора, учение для нерусских детей только тогда будет полезным, когда они начнут и выучатся читать, писать, считать на своем природном языке. Н. И. Золотницкий считал, что русский язык для инородческих детей должен быть только разговорным. «Занимаясь этим дня по два в неделю», главное – научить нерусских детей читать на родном языке русскими буквами. Ребенок, ознакомившийся с русской речью, в последующем научится читать и русские книги. Но для этого он должен приучиться к чтению через книги, изданные на родном языке. Подготовкой таких книг, считал Золотницкий, должны заняться представители духовенства.

О необходимости обучения инородцев первоначальным предметам на родном языке автор писал и в другой статье, опубликованной в Вятских губернских ведомостях через два года [7. С. 197]. Ссылаясь на статью о чувашах в газете «Волга», Н. И. Золотницкий доказывает необходимость проведения богослужения на родном языке верующих. О стремлении чувашей к обучению на родном языке, по его словам, свидетельствовало то, что, приветствуя наследника государя, они вручили ему блюдо с надписью на чувашском языке, что Золотницкий расценил как робкую просьбу дать права гражданства их языку. Автор выразил надежду, что такое благодеяние со временем могут получить и другие нерусские народы Поволжья. Взгляды Н. И. Золотницкого близки к разрабатываемой в эти годы системе Н. И. Ильминского.

Золотницкий отмечал, что для объединения инородцев с русским народом необходимо усвоение ими не столько русского языка, сколько истин христианской религии, а также убежденности в роли русского народа в исторических судьбах нерусских народов России, для чего важно было повышение нравственного и умственного уровня чересполосно живущих с инородцами русских крестьян. Н. И. Золотницкий считал, что «единство убеждений религиозных как самых прочных из всех убеждений по свойству их задушевности, служит наилучшим средством не только к объединению подданных одного государства, но и к поддержанию постоянной симпатии между отдаленными друг от друга народами. Эти идеи давали толчок для творческого развития системы Ильминского.

Считая конечной целью обучения в школе формирование будущего человека, Золотницкий активно участвовал в подготовке «Положения о начальных народных училищах», Программы обучения нерусских крестьян (1869); опубликовал статьи, характеризующие общие и отличительные особенности традиционных верований марийцев и чувашей.

Его призыв к отказу от старой системы обучения нерусских детей, повсеместному внедрению в учебный процесс родного языка учащихся и подготовке учебников на марийском, удмуртском, татарском языках поддержал председатель уездного училищного совета, вятский протоиерей Иоанн Фармаковский. Скептически оценивая существовавшую практику обучения в школах,

он считал, что существующие школы «не выпускают инородцев просвещенными» [8. С. 7], а поэтому предлагал отказаться от старой системы обучения их русской грамоте. И. Фармаковский писал, что удмуртов, марийцев и татар следует «обучать на народном их языке по звуковой методе, объяснять алфавит русский сложением букв знакомыми инородцами словами их языка», и для этого подготовить достаточное количество книг, напечатанных на их языках. Протоиерей считал, что и православной вере следует учить на родном языке: «истины, которые будут сообщены инородцам на их родном языке, никогда не забудутся» [Там же].

Чтобы реализовать эти идеи, нужны были учителя, знающие местные языки учеников. И он призывал к решительным мерам, а именно: «не терпеть в инородческих школах учителей, не разумеющих языка своих учеников и не владеющих им» [9. С. 9]. Одним из главных предметов обучения инородцев, по мнению протоиерея И. Фармаковского, должно было стать пение церковных песен и молитв. Девочек он предлагал учить женским рукоделиям [8. С. 9].

И. Фармаковский писал: «Говорят, что обучением Закону Божию на языке инородцев, изданием на их языке книг можно сохранить, утвердить и развить такие народности, которые должны исчезнуть и которые сами собою исчезают и постепенно угасают по историческому ходу вещей, и во всяком случае вышеозначенной системой (имеется в виду на основе родного языка учеников. — Н. П.) обучения можно затруднить и отдалить слияние сих народностей с русской, а может быть возбудить и воспитать в инородцах даже сепаратистские тенденции» [10. С. 7]. В этом вопросе он призывал отличать финские народности (марийцев, удмуртов и чувашей) от татар. По его мнению, в отношении финских народностей вышеуказанные опасения не имеют практических оснований: эти народы могут упрочиться и приобрести самостоятельность только в том случае, если будут получать такую же поддержку, как славяне, если бы для них перевели Библию, богослужебные книги и т. д. Протоиерей ошибочно полагал, что о таком подвиге ради марийцев, удмуртов и подобных им инородцев никто и не думает. Успокаивая противников внедрения родного языка в учебный процесс, Фармаковский отмечал, что ревнители просвещения хотят лишь познакомить инородцев на их языке с общим содержанием Библии посредством краткой Священной истории, краткого Катехизиса и переводов Евангелия.

Протоиерей И. Фармаковский убеждал читателей, что ни в коем случае не следует игнорировать нынешнее трудное положение нерусских детей в учебных заведениях, ибо инициативу в их просвещении могут перехватить проповедники мусульманства. Он писал: «Продолжить дело образования черемис, вотяков и других на прежних основаниях, оставить училища их в положении страшилищ и месте пытки для бедных инородческих детей значило бы осудить инородцев еще на долговременное невежество в вере... передать на жертву исламу...».

И. Фармаковский допускал, что сторонники ассимиляции инородцев могут предположить, что обученные на родном языке образованные инородцы по примеру других народов захотят самостоятельно написать литературные труды,

перевести полностью Библию, другие богослужебные книги на родной язык, отказаться от богослужения на русском языке, заявить о праве на самостоятельность. Но он был уверен, что этого не произойдет: «...если бы и нашлись между инородцами такие продолжатели трудов г. Золотницкого и др., то первый же опыт доказал бы им, что они делают дело бесполезное, что бедные, малочисленные и оскудевшие племена их сородичей не в состоянии ни поддержать их предприятие ни вознаградить за их труды – просто на просто по своей бедности» [10. С. 7]. К тому же, как считал автор, инородческая школа не может дать настолько образованных людей, «чтобы они в состоянии были перевести Библию или даже управиться с менее важным и трудным произведением какого-нибудь русского таланта. Такие личности выходят не из первоначальных школ и не в них образуются». Наконец, по мнению Фармаковского, у этих народов не было ни материальных, ни духовных средств, чтобы осуществить такой культурный прорыв. Поэтому он считал, что марийцы обречены на слияние с русским народом.

Одним из идейных противников протоиерея И. Фармаковского в те годы был преосвященный Аполлос, епископ Вятский и Слободской, который управлял епархией в 1867–1885 гг. Он писал: «Образование инородцев в духе православной веры и русской народности, по моему убеждению, всего скорее могло бы быть достигнуто усилиями служителей церкви, а не одним увеличением или преобразованием школ» [11. С. 272]. Епископ считал, что среди инородцев школ сравнительно меньше, нежели среди русских сельчан. Поэтому школа не в состоянии дать всем инородцам понятие о христианской вере и жизни, о своих обязанностях. В таком случае единственная надежда остается только на служителей церкви.

В первые годы своей службы в Вятской епархии возражал он и против издания книг на инородческих языках: «Если не наставление только в христианской вере, но и обрусение инородцев, полное слитие их с массой русского народа должно составлять предмет заботливости церкви и правительства, то не вижу необходимости выдумывать особенные азбуки для инородцев, стараться переводить на их крайне скудные бесписьменные наречия книг Священного Писания» [11. С. 274].

Аполлос был согласен с общепринятым мнением, что задача духовенства – обрусение инородцев. Он считал, что главной целью просвещения инородцев должно быть усвоение ими русского языка, чтобы пользоваться им не только в процессе учебы, но и в обыденной жизни. Инородцы, по его мнению, перестанут быть таковыми лишь в том случае, когда русский язык станет у них языком природным. В качестве обрусевших народов он называл мешеряков, мордву, а также «многих черемис и вотяков» [11. С. 274].

Передовая часть вятской интеллигенции не была согласна с таким утверждением, однако против уважаемого епископа в то время никто не выступил. Сторонники просвещения народа стремились реализовать свои идеи практическими делами. Активным проводником идеи просвещения марийцев и внедрения родного языка в учебный процесс был директор Вятских народных училищ, просветитель С. А. Нурминский. Родом из с. Владимирского Козьмодемьян-

ского уезда, по происхождению он был мариец и не скрывал этого. Он написал историко-этнографические очерки о марийцах, о распространении православия в Марийском крае, о деятельности первых монастырей и о религиозной секте «Кугу Сорта» [См.: 12]. К своей работе инспектора народных училищ (с 1869 г.), а затем директора народных училищ (с 1874 г.) он приступил с осознанием своего долга перед соплеменниками и большое значение придавал открытию новых школ: министерских, церковно-приходских, школ грамоты, второклассных училищ и др. С. А. Нурминский постоянно заботился о подготовке и повышении квалификации педагогических кадров, проводил съезды учителей, читал курсы лекций, проводил практические занятия и др.

Как и другие представители вятской интеллигенции, С. А. Нурминский обращал внимание на обучение детей инородцев русскому языку. Он склонен был считать, что переход от обучения на родном языке к русскому должен быть постепенным, призывал учителей знакомить учеников с основными явлениями природы, с окружающим миром, давать учащимся некоторые естественнонаучные знания. Он придавал большое значение использованию актуальных для того времени методик обучения.

С. А. Нурминский стремился вовлечь марийских священно-церковнослужителей (выпускников Вятской духовной семинарии) в подготовку Букваря для начального обучения черемисских детей русской грамоте. Ему помогали Тит Никитьевич Игнатьев и Трофим Захарович Удюрминский, оба родом из Удюрминской волости Кувшинского прихода. Трофим Удюрминский родился в д. Чура, а Тит Игнатьев был из д. Нежнур. Тит Игнатьев перевел Жития преподобного Трифона Вятского чудотворца [1. Л. 108об.]; Трофим Удюрминский занимался переводом 49 поучений священника Родиона Путятина, Краткого Катехизиса, Евангелия от Матфея и др. Должной подготовки к переводческой деятельности они не имели, поэтому их опыт переложения христианских книг на марийский язык был не совсем удачным. Поэтому Н. И. Ильминский в своем обращении в Вятскую духовную консисторию от 25 мая 1885 г. предложил прекратить деятельность Вятской переводческой комиссии [5. Л. 3–16]. Для выяснения различий в лексике моркинских и яранско-санчурских марийцев Н. И. Ильминский хотел направить к вятским священникам Г. Я. Яковлева. Однако со стороны вятчан эта идея не получила поддержку.

Н. И. Ильминский считал, что к переводческой деятельности более способным оказался Трофим Удюрминский. В 1842 г. он был уволен из Вятской духовной семинарии с аттестатом второго разряда и 8 сентября того же года принял священнический сан, получив место священника в Марисоле. Здесь рьяно начал бороться с языческими традициями, посещал места языческих молебниц с крестным ходом. Во время известного праздника Ономорко агавайрем (Ономоркинский праздник пашни) в 1847 г. местные крестьяне решили наказать священника, явившегося туда с крестным ходом. Во время стычки была расколота икона. Началось следствие, в ходе которого крестьяне обвинили священника в незаконном сборе денежных средств якобы за сокрытие факта предстоящего моления перед вышестоящим начальством. За допущение непозволительных действий в отношении церковной святыни в 1851 г. его вызвали на месяц в Архиерейский дом

на усмотрение. Суд, состоявшийся 25 октября 1856 г., решил оставить мари́йца Стефана Антонова и 25 человек в сильном подозрении и освободить всех от преследований на основании Всеми́лостивейшего Манифеста от 26 августа 1856 г. За год до этого, 27 сентября, по распоряжению епископа Вятского и Слободского Елпидифора о. Трофим был переведен в Крестовоздвиженскую церковь с. Кукнур Уржумского уезда.

Здесь о. Трофим приступил к переводу на мари́йский язык краткого Катехизиса и религиозных поучений. Текст перевода не сохранился, но известно, что отзыв на этот перевод написал 7 мая 1858 г. наставник семинарии по классу мари́йского языка Александр Филимонов [3. Л. 444]. 20 мая 1858 г. Вятская духовная консистория одобрила переложенный им текст краткого Катехизиса и поучений.

28 ноября 1858 г. о. Трофим получил место второго священника в Казанско-Богородицкой церкви с. Старый Торъял. Здесь он продолжал читать проповеди на родном мари́йском языке [4. Л. 144]. В 1866 г. о. Трофим попал в Вятский Успенский монастырь за нетрезвость и бесчинные поступки, а затем его направили в русское село Лаж, где он прослужил причетником.

Несмотря на все перипетии своей службы, Удюрминский в 1870 г. перевел Евангелие от Матфея, текст исповеди с предварительным пастырским убеждением, тексты из Ветхого Завета. В 1871 г. Ильминский пригласил его на работу в переводческую комиссию. Но вскоре, 18 мая этого года, он скончался.

Значительную роль во внедрении мари́йского языка в образовательный процесс и миссионерскую деятельность в дальнейшем сыграли епархиальный миссионер П. П. Глезденев, окружной миссионер Сергей Громов, священники Федор Егоров, Тихон Ефремов, Иван Коведяев и мн. др. Многогранная деятельность в просвещении народа дала положительные результаты. Менялось отношение сельских священников к родному языку учащихся и прихожан. Мари́йские молитвы и песнопения стали звучать во время не только крестных ходов, но и храмовых богослужений. Получило развитие книгоиздательское дело. Стали проходить курсы обучения мари́йскому языку для священнослужителей. Значительно возросло число священников из числа мари́йцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1032. Л. 108об.
2. ГАКО. Ф. 237. Оп. 132. Д. 1303.
3. ГАКО. Ф. 237. Оп. 161. Д. 444.
4. ГАКО. Ф. 237. Оп. 162. Д. 959. Л. 144.
5. ГАКО. Ф. 237. Оп. 188. Д. 347. Л. 3–16.
6. *Золотницкий Н. И.* По поводу открытия частных школ в Вятской губернии // ВГВ. 1861. № 47.
7. *Золотницкий Н.* К вопросу о просвещении инородцев // Вятские губернские вести. 1863. № 24. С. 197.
8. По вопросу об устройстве начальных народных училищ в инородческих местностях // Вятские губернские вести. 1869. № 5.

9. По вопросу об устройстве начальных народных училищ в инородческих местностях // Вятские губернские вестн. 1869. № 6.
10. По вопросу об устройстве начальных народных училищ в инородческих местностях // Вятские губернские вестн. 1869. № 7.
11. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869.
12. *Степанов А. Ф.* Просветитель С. А. Нурминский. Йошкар-Ола, 1989.
13. Столетие Вятской губернии. Ч. II. Вятка, 1880.

Поступила в редакцию 25.09.2014

N. S. Popov

Vyatka Educators about the Role of Native Language in Educational and Missionary Activities among the Mari people

The article discusses the role of Vyatka educators in the education of the Mari people in the end of the XIX – early XX centuries. The participation of the clerics in the educational process is defined.

Keywords: education, language, missionary, school, culture.

Попов Никандр Семенович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева
424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
E-mail: popovnik50@mail.ru

Popov Nikandr Semenovich,

Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V. M. Vasiliev
424036, Russia, Yoshkar-Ola, Krasnoarmeyskaya St., 44
E-mail: popovnik50@mail.ru

В. А. Маратканов

ФИННЫ-ОРУЖЕЙНИКИ С ИЖА (1865–1884 гг.)

Освещается деятельность финских специалистов-оружейников в период арендно-коммерческого управления Ижевскими заводами (1865–1884 гг.). Подробно рассказывается о фактах биографии представителей известного финского дворянского рода Стандертшёльдов, сыгравшего значительную роль в развитии оружейной промышленности России. Впервые приводятся малоизвестные факты истории.

Ключевые слова: Ижевский оружейный завод, винтовки, Финляндский кадетский корпус, арендно-коммерческое управление, специалисты.

Иностранные специалисты сыграли в истории Российского государства важную роль. Вспомним хотя бы заслуги выдающихся европейских ученых, инженеров, архитекторов, живописцев, служивших при Петре I и Екатерине II. Их творения вошли в золотой фонд отечественной культуры. В Ижевске иностранные подданные тоже оставили заметный след. Можно сказать, что в первое десятилетие Ижевский оружейный завод напрямую зависел от иностранных мастеров, обучавших ижевцев выпускать огнестрельное и холодное оружие.

В организацию оружейного производства в России, в частности и в Ижевске, серьезный вклад внесли финские специалисты. Появление их на берегах Ижа было чистой случайностью, удачно сложившимися обстоятельствами. Деятельность финнов в Ижевске пришлась на 70–80-е гг. XIX в.

В 1874 г. на Ижевском оружейном заводе завершились все перестройки и приспособления к валовому выпуску малокалиберных винтовок. Тогда генерал-фельдцейхмейстер Великий князь Михаил Николаевич разрешил управляющему заводом капитану П. А. Бильдерлингу подать наградные документы на лиц, отличивших в этом деле. В их числе были подданные Великого княжества Финляндского: Франц Экман, Карл Туланен и Элис Александр Биллинг. Они работали на своих должностях по три года, отличались похвальным поведением, примерным трудом и внесли большой вклад в подготовку рабочих.

Помощник механика по станочному производству частей винтовки Франц Иванович Экман (1845<?> – ?) обладал полным знанием дела как в установке машин и станков, так и в обучении рабочих изготовлению различных приспособлений для станочного производства коробок и частей спусковых механизмов.

Мастер при станочном производстве частей винтовки Карл Туланен (1839<?> – ?) следил за исправным содержанием всех приспособлений для станочного изготовления всех частей винтовки и особый вклад внес в организацию выпуска затвора и трубки.

Мастер Элис Александр Биллинг (1846<?> – ?) отлично разбирался в изготовлении шарошек, резцов, сверл и других станочных инструментов для всего завода и в исправном их содержании.

Экмана, Туланена и Биллинга предлагалось наградить серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте. Но по воле государя императора Александра III наград удостоились совсем другие лица... [2].

С 15 мая 1872 г. по 18 мая 1877 г. на Ижевском оружейном заводе успешно служил помощником управляющего заводом финляндский подданный Альберт Самойлович Сундарен (финский еврей?) [3].

С октября 1872 г. по 26 июня 1879 г. там же главным мастером работал штамповой мастерской Иван Иванович (так здесь его величали на русский манер) Гуттонен (Johan Huttunen?). Он отличался примерным усердием и очень хорошим поведением. Досконально разбирался в штамповке разных ружейных частей и был для мастерской весьма полезен [4].

С 1 мая 1873 г. по 12 декабря 1875 г. на заводе служил чертежником финляндский уроженец Карл Август Оландер. Вел он себя при этом хорошо и дело свое знал [5].

С августа 1873 г. по 26 июня 1879 г. в Ижевске шорным мастером работал финляндский уроженец Иван Петрович Тумасон (Johan Thomasson?). Он качественно ремонтировал и изготовлял конскую упряжь и ременные передачи. Его ценили и уважали за примерное усердие и хорошее поведение [6].

В 1884 г. старшим классным мастером в штыковом цехе трудился финляндский уроженец Густав Гремблум, получавший в месяц 93 рубля 75 копеек [7]. Для сравнения: пуд свежей говядины стоил тогда 3 рубля 20 копеек, сотня яиц – 1 рубль 50 копеек [8].

Благодаря толковым и высоконравственным мастерам-иностранцам оружейное производство в Ижевске развилось в те годы до значительных размеров.

Самую значительную роль в развитии оружейной промышленности России, безусловно, сыграл финский дворянский род Стандертшэльдов. Первым из представителей этой династии был Август Стандертшэльд (Carl August Standertskjöld) (1814–1885 гг.), который в 1857 г. был помощником управляющего Ижевским оружейным заводом. В 1858 г. дело Августа продолжит его брат Мориц Стандертшэльд (Karl Arvid Mauritz Standertskjöld) (1826–1901 гг.) до тех пор, пока в 1872 г. он не сложил с себя эти обязанности по состоянию здоровья.

Подробнее о нем. Мориц Стандертшэльд родился 24 декабря 1826 г. в дворянской семье. Воспитывался в Финляндском кадетском корпусе. В 40-е гг.

занимал ряд должностей в артиллерии. Весной и летом 1855 г. занимался поиском за границей оружейных мастеров для наших полков. Затем работал в Комитете по улучшению штуцеров и ружей, был помощником командира Ижевского оружейного завода по искусственной части, штаб-офицером по искусственной части и помощником управляющего на Тульском оружейном заводе. За отличие по службе он удостоился орденов Св. Станислава 3-й и 2-й ст., Св. Анны 3-й ст. и бронзовой медали на Андреевской ленте «В память войны 1853–1856 гг.».

Мориц Стандертшёльд, полковник гвардейской пешей артиллерии, 26 января 1867 г. Высочайшим приказом был назначен помощником к управляющему Ижевским оружейным заводом полковнику гвардейской пешей артиллерии Д. С. Фролову. О дальнейшей его работе уже сказано.

Мориц был женат на Екатерине Эдуардовне Бодиско, дочери статского советника. У них родились дети: сыновья Артур Бернгард Гуго (умер, прожив чуть больше года), Август Эдуард, Роберт Уно, Мориц и дочь Мария Шарлотта Александрина. М. К. Стандертшёльд получал 1667 рублей 70 копеек в год жалования и обеспечивался казенной квартирой [9].

Двоюродный племянник Августа и Морица Стандертшёльдов – управляющий Ижевским оружейным заводом (1880–1884 гг.) капитан Гуго Стандертшёльд (Hugo Standertskjöld) – родился 24 сентября 1844 г. в семье финляндских дворян. Образование получил в Финляндском кадетском корпусе.

23 июля 1864 г. начал службу в чине подпоручика в 7-й стрелковом батальоне. 10 ноября следующего года он был переведен во 2-ю резервную артиллерийскую бригаду прапорщиком и зачислен в 3-ю батарею.

5 марта 1866 г. Гуго Стандертшёльда зачислили по полевой пешей артиллерии и прикомандировали к Императорскому Тульскому оружейному заводу (ИТОЗ).

В конце августа 1867 года по приказу начальства его произвели в подпоручики, а спустя два года – в поручики.

28 июля 1870 г. Стандертшёльда перевели в ИТОЗ, где назначили начальником мастерской.

В августе 1871 г. за отличие по службе он удостоился чина штабс-капитана.

Осенью следующего года Гуго Стандертшёльда перевели на Ижевский оружейный завод (ИОЗ).

В конце 1873 г. штабс-капитан Стандертшёльд находился в командировке в Санкт-Петербурге, где обсуждался вопрос о согласовании требований для приемки малокалиберных винтовок.

В 1874 г., как уже говорилось выше, наградили лиц, отличившихся при переустройстве завода для массового выпуска малокалиберных винтовок. В их числе был и заведующий ствольным цехом Стандертшёльд, который проявил особые заслуги. Одновременно с подготовкой вверенного ему цеха под массовый выпуск малокалиберных винтовок, он руководил также сборочной мастерской. Грамотным специалистом в оружейном деле показал себя штабс-капитан и при изготовлении первых экземпляров малокалиберной винтовки на основании одних лишь чертежей.

6 ноября 1874 г. за отличие по службе его перевели тем же чином в гвардейскую пешую артиллерию.

В конце 1876 г. Стандертшёльд был в составе комиссии, созданной для выяснения причин брака в ижевских стволах, командирован в ИТОЗ.

26 мая 1877 г. с согласия товарища (заместителя) генерал-фельдцейхмейстера штабс-капитан гвардейской пешей артиллерии Стандертшёльд был утвержден помощником управляющего ИОЗ капитана П. А. Бильдерлинга. С этой должности, можно сказать, и начался взлет карьеры Гуго. Так, во время 16-месячного вынужденного отсутствия в Ижевске предыдущего арендатора капитана Петра Бильдерлинга – своего непосредственного начальника, он успешно его замещал, исполняя обязанности управляющего Ижзаводами.

Весной следующего года за отличие по службе его пожаловали чином капитана.

В августе–декабре 1879 г. с Высочайшего разрешения Стандертшёльд находился в заграничной командировке (в странах Западной Европы), где на заводах ознакомился со сталествольным производством.

18 января 1880 г. Высочайшим приказом капитан Стандертшёльд был назначен управляющим ИОЗ. Последовавшее назначение Гуго Стандертшёльда на столь ответственную должность было вполне логичным решением со стороны Правительства [10].

Последний из арендаторов Ижзаводов – Гуго Стандертшёльд показал себя хорошим организатором, грамотным специалистом, ответственным руководителем и щедрым благотворителем.

Возглавляемые им Ижзаводы не только успешно справились с возложенными на них задачами по выпуску винтовок Бердана и стальных стволов, но даже превосходили запланированные объемы. Когда были сокращены производственные планы и потребовалось сократить значительное количество рабочих, Гуго Стандертшёльд, говоря современным языком, показал себя социально ответственным руководителем и не решился прибегнуть к такой радикальной мере. Он просто сократил количество рабочих часов в смене и тем самым не выставил за ворота предприятия посреди зимы полторы тысячи оружейников, дал им возможность прокормить себя и свои семьи.

Технология изготовления деталей винтовки Бердана при Гуго Стандертшёльде постоянно совершенствовалась. Все изменения сводились к достижению большей правильности и точности переходов в изготовлении этих деталей благодаря замене на операциях ручной обработки станочной, а также изменению прежде существовавшего на заводе порядка изготовления некоторых оружейных частей.

Когда на Ижевском заводе построили сварочно-прокатную мастерскую, появилась возможность изготавливать сталь всех возможных сортов, несколько не уступающую заграничной. Полным успехом увенчались опыты Стандертшёльда и в изготовлении инструментальной стали. По своим характеристикам она ни в чем не уступала самым лучшим сортам иностранной стали. Нельзя забывать и о вкладе Стандертшёльда в телефонизацию Ижевска.

Много внимания Гуго Стандертшёльд уделял обеспечению чистоты и порядка в мастерских и вокруг них, а также противопожарной безопасности Ижзаводов. Инспектирующие лица не раз с удовлетворением отмечали положительные результаты деятельности арендатора по этим направлениям.

Стандертшёльдуду удалось изменить ситуацию с непрекращающимся воровством на заводах. Он ввел новое правило: ежегодно в июле при проверке вещей составлялась ведомость всех пропавших вещей, а затем их стоимость взыскивалась с каждого рабочего поровну. Кроме того, рабочие, замеченные в краже, увольнялись из завода навсегда. Такие радикальные меры возымели положительное действие.

Стоит сказать и про определенные гарантии, которые Стандертшёльд давал рабочим на случаи производственных травм. Любой из них имел право во время лечения на выдачу половины получаемого им заработка. Кроме того, семьям рабочих, умерших в результате несчастного случая, оказывалась материальная помощь: единовременная или в течение нескольких лет, например, до поступления его старшего сына на завод. Для оказания медицинской помощи рабочим и членам их семей (всего около 9 тысяч человек) при коммерческом управлении Ижзаводами за год тратилось около 5 тысяч рублей. Можно сказать, что рабочее население даже привыкло к заботливому отношению к его здоровью со стороны арендаторов.

Добрую память среди современников Гуго Стандертшёльд оставил и своей благотворительной деятельностью. Из ярких примеров приведем устройство бесплатной столовой для рабочих, водопровода с чанами для снабжения жителей Заречной волости хорошей ключевой водою, лавки для продажи муки и соли по ценам ниже рыночных. Такова была щедрость арендатора [1].

2 июля 1884 г. Хозяйственный комитет Ижзаводов и полковник для особых поручений Петербургского патронного завода Ярошенко приступили к приемке Ижзаводов от коммерческого заготовителя капитана Стандертшёльда. 19 июля (!) приемка завершилась, и капитан Стандертшёльд получил законную квитанцию [11].

Хотелось бы, чтобы память об арендаторах Ижевских заводов, так много сделавших, была сохранена и отразилась в названиях улиц или в памятниках.

Родной брат Гуго Стандертшёльда – капитан полевой пешей артиллерии Аксель Оскар (Axel Oscar Achates Standertskjöld) – родился 31 декабря 1847 г. Воспитывался, как и Гуго, в Финляндском кадетском корпусе. 1 октября 1860 г. поступил на службу кадетом.

21 июля 1870 г. после экзамена был произведен в прапорщики и направлен в 5-й драгунский Каргопольский Его Императорского Высочества Великого князя Константина Николаевича полк.

26 февраля 1871 г. получил чин поручика. Осенью следующего года поручика Стандертшёльда назначили и. д. полкового квартирмейстера.

16 февраля 1875 г. Высочайшим приказом он был произведен в штабс-капитаны и спустя три дня приказом по артиллерии прикомандирован к ИТОЗ для испытания по службе. В ноябре того же года Стандертшёльда Высочайшим приказом перевели в ИТОЗ с зачислением по артиллерийской кавалерии и переименованием в штабс-ротмистры. Затем приказом по артиллерии его назначили для особых поручений на заводе.

20 марта 1876 г. Высочайшим приказом штабс-ротмистра Стандертшёльда перевели в конную артиллерию, зачислили поручиком и оставили на заводе.

Летом того же года приказом по артиллерии его назначили помощником заведующего мастерской.

13 января 1878 г. по приказанию товарища (заместителя) генерал-фельдцейхмейстера поручика Стандертшёльда отправили на ИОЗ. Через две недели Высочайшим приказом его перевели в ИОЗ с оставлением по полевой конной артиллерии.

С августа по октябрь 1879 г. он находился в заграничной командировке в странах Западной Европы для заказа на заводах машин, станков и турбин. В том же году Стандертшёльд стал штабс-капитаном.

С середины весны до середины лета 1880 г. он снова был в заграничной командировке, где заказывал турбины.

13 февраля 1883 г. Высочайшим приказом его зачислили по полевой пешей артиллерии.

18 июля 1884 г. Высочайшим приказом штабс-капитан Аксель Стандертшёльд по домашним обстоятельствам был уволен от службы капитаном с мундиром [12].

Двоюродный брат Гуго и Акселя Стандертшёльдов подполковник полевой пешей артиллерии Мауриц Рейнгальдович Экестуббе (Mauritz Ekestubbe) родился 12/24 марта 1848 г. Воспитывался, как и его двоюродные братья, в Финляндском кадетском корпусе.

8 августа 1866 г. он поступил в службу прапорщиком в лейб-гвардии Финский стрелковый батальон.

15 июля 1868 г. приказом по войскам гвардии и Петербургского военного округа Экестуббе был прикомандирован к 1-й гренадерской артиллерийской бригаде для испытания по службе.

В конце февраля следующего года его отчислили от бригады и прикомандировали к Ижевской местной артиллерийской команде.

24 января 1871 г. Высочайшим приказом Экестуббе был переведен во 2-ю батарею 2-й артиллерийской бригады с прикомандированием к Ижевской местной артиллерийской команде.

В конце октября того же года Высочайшим приказом его произвели в подпоручики, зачислили по полевой пешей артиллерии и прикомандировали к ИОЗ. С ноября 1872 г. он уже был в чине поручика.

Как выше уже говорилось, в 1874 г. на ИОЗ завершились работы по подготовке производства к массовому выпуску малокалиберных винтовок. Самое деятельное участие в них принял заведующий штыковым и шомпольным цехом поручик Экестуббе. За заслуги по организации станочного производства четырехгранных штыков в ноябре того же года его произвели в штабс-капитаны, а в конце 1877 г. и в капитаны.

21 января 1875 г. поручик Экестуббе получил разрешение на брак с дочерью коллежского асессора Юлией Васильевной Кондратович. Спустя восемь месяцев, на ранее поданную к императору просьбу крестить своих детей по лютеранскому обычаю он получил отказ.

22 января 1880 г. приказом по артиллерии капитана Экестуббе назначили помощником управляющего ИОЗ капитана Гуго Стандертшёльда. Родственные связи во время арендно-коммерческого управления Ижзаводами играли далеко не последнюю роль.

С конца апреля по август того же года он находился в командировке в странах Западной Европы для заказа паровых машин, штампов и станков.

С июня по конец августа 1881 г. с разрешения Военного министра Экестуббе был снова командирован за границу по делам, касающимся ИОЗ.

18 июля 1884 г. Высочайшим приказом капитан Экестуббе по домашним обстоятельствам был уволен от службы полковником с мундиром [13].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Маратканов В. А.* Этот многоликий Гуго Стандертшёльд // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Вып. 4. С. 63–76.

2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2210. Л. 34.

3. Там же. Д. 2280. Л. 252.

4. Там же. Д. 2409. Л. 307.

5. Там же. Д. 2280. Л. 120.

6. Там же. Д. 2409. Л. 306.

7. Там же. Д. 2603. Л. 27.

8. Там же. Д. 2594. Л. 2.

9. Там же. Оп. 4. Д. 76. Л. 7.

10. Там же. Оп. 1. Д. 2465. Л. 170.

11. Там же. Д. 2574. Л. 10.

12. Там же. Д. 2465. Л. 183.

13. Там же. Л. 174.

Поступила в редакцию 29.08.2014

V. A. Maratkanov

Finns-Armourers from the Izh (1865–1884)

The paper covers the activities of Finnish specialist-armourers in the period of lease-commercial management of the Izhevsk plants (1865–1884). There is a detailed narrative about the biographical facts of the representatives of famous Finnish noble family of Standertskjöld that played a significant role in the development of the arms industry in Russia. Recondite facts of history are produced for the first time.

Keywords: the Izhevsk arms factory, rifles, the Finnish military school, lease-commercial management, specialists.

Маратканов Владимир Александрович,

соискатель,

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: riabinnik@inbox.ru

Maratkanov Vladimir Aleksandrovich,

Candidate for a degree,

Udmurt Institute of History, Language and Literature

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: riabinnik@inbox.ru

Н. О. Шудегова

**ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ Р. А. ЧУРАКОВОЙ
ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКАЛЬНОГО
УДМУРТОВЕДЕНИЯ**

Рассматривается значение научных идей собирателя и исследователя Р. А. Чураковой в контексте теоретических проблем современного музыкального удмуртоведения. Предпринимается опыт сравнения сформулированных Р. А. Чураковой стилевых черт песенного стиха южноудмуртской традиции с другими локальными стилями (песни северных удмуртов), на основе анализа структуры поющего песенного стиха.

Ключевые слова: системный подход к анализу народной песни, силлабическая природа поющего стиха, особенности песенной лексики.

Исследовательская деятельность ученого-фольклориста Риммы Аркадьевны Чураковой – значимый вклад в современное музыкальное удмуртоведение. На материале, собранном ею в полевых экспедициях, Р. А. Чуракова, как известно, изданы два песенных сборника [5; 7]. Многие полевые записи публикуются в ее статьях.

С конца 1960 г. Р. А. Чуракова входит в круг ученых-этномузыковедов института им. Гнесиных, которые группируются вокруг Е. В. Гиппиуса. Они создают Проблемную научно-исследовательскую лабораторию традиционной музыки (ПНИЛ), где разрабатываются и утверждаются современные подходы к изучению традиционного искусства.

В это же время в Эстонии этномузыковеды школы Герберта Тампере во главе с Ингрид Рютел объединили представителей современных школ финно-угроведения из Финляндии, республик Коми, Карелии, Удмуртии, Мордовии, Марий-Эл и др. Члены их делегаций были докладчиками на международных финно-угорских конгрессах и участниками знаменитых на всю страну песенных фестивалей.

Римма Аркадьевна стала постоянным уважаемым участником этих форумов как представитель школы Е. В. Гиппиуса. Она включается в деятельность центров этномузыкологии для освоения системного подхода к изучению песенных традиций удмуртов. В русле этого подхода народная песня рассматри-

вается как единая система, объединяющая два разных вида искусства (поэзию и музыку), каждое из которых вносит в песню свои средства выразительности и законы структурирования. Требования Е. В. Гиппиуса предполагают изучение взаимодействия этих видов искусства как оппозиции, в которой каждое из них играет самостоятельную роль. Мы напоминаем об этой хорошо известной мысли ученого, так как именно ее разработке Р. А. Чуракова посвятила свою исследовательскую деятельность и на этом пути сделала свои самые значительные открытия.

Научные статьи Риммы Аркадьевны публикуются в течение 30 лет в значительных изданиях Эстонской ССР, в частности «Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами» (1980) и «Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров» (1986).

Будучи студентами Ижевского музыкального училища (колледжа), мы знали Римму Аркадьевну как педагога и собирателя. Но только много лет спустя, обучаясь уже в консерватории и обратившись к исследованию удмуртского фольклора, я стала читать ее статьи и поняла, как много сделала она для дальнейшего развития финно-угорского этномузыкознания.

Подчеркнем два момента. Известно, что в среде филологов ведутся дискуссии о природе стиха удмуртской песни: есть сторонники трактовки тонического стиха и стиха силлабического. Нам известно, что именно этномузыковеды поставили точку в решении этого вопроса. Так, Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд еще в статье 1941 г. писали: «...напев разделен цезурами на короткие музыкально-ритмические группы... в основе ритмической организации лежат временные музыкально-ритмические пропорции» [2. С. 76]. Стихи удмуртских песен складываются из кратких слоговых групп, которые закреплены в напеве в определенных слоговых музыкально-ритмических формах, описанных античной теорией стиха.

Р. А. Чуракова первой из этномузыковедов приняла мысль Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд, развив ее в своих исследовательских работах. В статье «Традиционные формы напевов и поэтических текстов в южноудмуртских календарных и семейных обрядовых песнях» (1986) она приводит примеры, на которых показывает соотнесение слоговых групп поющего стиха с музыкально-ритмической формой.

Мы позволили себе в рабочем порядке отредактировать один из таких примеров, чтобы сделать понятнее суть координации песенного стиха и напева.

Покажем это в таблице [6. С. 253].

<p>I-ый стих</p> <p>Всего 13 слогов</p>	<p>Первое полустишие</p> <p>ε ε ε ε > θ ε ε ∴</p> <p>(проклепсмастик) (дактиль)</p> <p>Пы-ри-мы но > пук-си-мы</p> <p>4 слога + 3 слога</p> <p>7 слогов</p>	<p>Второе полустишие</p> <p>θ η θ θ > ε ε ∴</p> <p>(пеон второй) (добрахий)</p> <p>∴ төр шо-ра-ды > ук но,</p> <p>4 слога + 2 слога</p> <p>6 слогов</p>
--	---	---

II-ой стих	Первое полустишие θ θ ε ε > θ θ ε ε ∴ (ионик нисходящий) (ионик нисходящий) Пы-ри-мы но, > пук-си-мы но 4 слога + 4 слога 8 слогов	Второе полустишие ε ε θθκ θΕ ∴ (ионик восходящий) ∴ тор шо-ра-ды. 4 слога
Всего 12 слогов		

Запись Р. А. Чураковой показывает, что морой ритмической формы напева является восьмая (ε). Также встречаются четверти (θ), единожды встречаются четверть с точкой (θκ) и половина (η). Последовательности этих длительностей не произвольны, а образуют (по Е. В. Гиппиусу) ритмические формы, описанные античной теорией стиха. Это единожды встречающийся прокелевсматик, дактиль, пеон второй, дибрахий, пеон третий, ионик восходящий и дважды – ионик нисходящий.

Рассматривая стихи, мы видим, что они состоят из полустиший. Первое полустишие первого стиха имеет 7 слогов, второе полустишие – 6 слогов. Первое полустишие второго стиха имеет 8 слогов, второе полустишие – 4 слога. Общее количество слогов в первом стихе – 13 слогов, а во втором стихе – 12 слогов.

Отмечая колебания числа слогов в стихах (как видим, весьма незначительные – 13 и 12 слогов), Р. А. Чуракова писала: «Стих в традиционных обрядовых южноудмуртских песнях имеет все признаки слогочислительной, или силлабической, системы стихосложения. Многослоговый стих разграничен благодаря постоянной цезуре на два неравных полустишия (первое обычно имеет большее количество слогов, чем второе); структура стиха тесно связана с определенными слогочислительными нормами...» [6. С. 248].

Музыкальное изложение этого примера (также в нашей редакции – соответственно изложенному выше) выглядит следующим образом [6. С. 255].

I - ый стих

Пы-ри мы но пук - си - мы тор шо ра - ды ук но, 20 (музыкальное время)

II - ой стих

Пы - ри - мы но пук - си - мы но тор шо - ра - ды. 18 (музыкальное время)

Такая редакция делает понятней читателю-музыканту сходство и различие мелодических оборотов, из которых складывается напев. Мы видим, что стихи имеют примерно равную музыкальную протяженность. Первый стих длится 20 музыкальных времен, второй – 18 музыкальных времен. «В поэтических текстах южноудмуртских традиционных песен очень редко на протяжении всей

песни принятая слоговая структура соблюдается точно, без отступлений. Число слогов внутри любой слоговой группы может колебаться либо в сторону уменьшения (реже), либо в сторону увеличения (очень часто). Однако “равносложие” продолжает ощущаться на слух благодаря стабильному музыкальному ритму, который остается неизменным от строфы к строфе» [6. С. 250].

Из сказанного можно сделать два вывода. Во-первых, анализировать необходимо поющий стих. Во-вторых, именно в пении выявляется его силлабическая природа.

Далее. В приводимых Р. А. Чураковой музыкальных образцах южноудмуртской песни аналитическая графика выявляет еще одну важную черту, касающуюся вербальных текстов. Для них характерны слова, состоящие из 2-х, 3-х и 4-х слогов, а также односложные. Это хорошо видно в продемонстрированных примерах.

Сказанное позволило нам наметить пути к осознанию единых черт, свойственных вербальным текстам удмуртской песенности в целом.

В частности, для нашего исследования (а мы занимаемся изучением северноудмуртской песенной традиции) это было принципиально важно, так как снимало флер «экзотичности» с песенности северных удмуртов. В их вербальных текстах, как известно, и лексемы, и возгласы, и семантические, и асемантические слова также укладываются в эти временные рамки.

Приведем пример одной строки поэтического текста свадебного креза [записанного автором статьи в 2012 г. в Глазовском р-не УР от своей бабушки Г. Ф. Шудеговой], соблюдая уже предложенную нами графику. Курсивом показан перевод креза на русский язык [9]:

1-ый стих	Жингыр, пе, жингыр, пе, + вера (й)э гинэ но	
	<i>Жингыр мол жингыр мол</i> + <i>говорю (й)э только да</i>	
	6 + 6 = 12 слогов	
	3+3 3+3	
2-ой стих	Ай-до(й) э шуи ук	
	<i>Ай-до(й) э сказал ведь</i>	
	6 = 6 слогов	
	3+3	
3-ий стих	(Й)э, пе, шуыса + вералом	
	<i>(Й)э, мол, говоря скажем</i>	
	5 + 3 = 8 слогов	
	2+3	
4-ый стих	Жингыр гинэ но + тод вал ук	
	<i>Жингыр только да было да</i>	
	5 + 3 = 8 слогов	
	2+3	

Показанные в поэтическом тексте цезуры, обозначаемые нами знаком «+», между стихами и внутри них мы проверяли в процессе чтения на слух, на распев. Такой прием подсказан нам знанием североудмуртского диалекта, впечатлением от бесед с носителями этой культуры, а главное – слуховыми впечатлениями от живого звучания североудмуртских креей.

Стихи не равны между собой, но пределы, в которых варьируется их протяженность, показывают закономерность как структуры стихов в целом, так и их составных частей. Слова малосложны, имеют 1, 2 и 3 слога, встречаются также четырехслоговые слова, куда входят возгласы, местоимения, междометия, частицы и др. Если такие совпадения в структуре поющего стиха у северных и южных удмуртов столь заметны, то следующим важным шагом в изучении удмуртской песенности должно стать сравнение структуры стиха других ее локальных и региональных стилей и форм их координации со строением напева.

Выводы результатов такого исследования и должны показать, объясняются ли названные совпадения структурой самого удмуртского языка или же структура языка породила в свое время единую по своим стиливым чертам песенную культуру этноса.

Сегодня мы с благодарностью чествуем память Риммы Аркадьевны, значение творческой жизни которой обозначается с течением времени все с большей весомостью в масштабах всей удмуртской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современной фольклористики: Сб. статей и материалов. Л., 1980. С. 23–36.

2. Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки УдНИИ: Вопросы языка, литературы и фольклора. Ижевск, 1941. Вып. 10. С. 61–88.

3. Краснопольская Т. В., Шудегова Н. О. Североудмуртский крезь: современные подходы к анализу структуры музыкально-поэтического текста // PAX SONORIS: история и современность (Памяти М. А. Этингера): Научный журнал. Вып. II (IV). 2009. С. 17–27.

4. Чуракова Р. А. Традиционные обрядовые песни южных удмуртов // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / Сост. И. Рюйтел. Таллин, 1980. С. 214–228.

5. Чуракова Р. А. Удмуртские свадебные песни. Устинов: Удмуртия, 1986. 147 с.

6. Чуракова Р. А. Традиционные формы напевов и поэтических текстов в южноудмуртских календарных и семейных обрядовых песнях // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986. С. 244–255.

7. Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1999. Вып. 2. 160 с. (Удмуртский фольклор).

8. Шудегова Н. О. Североудмуртский крезь как хранитель реликтовых черт традиционного мышления этноса // Искусство глазами молодых / Материалы I Междунар. (V Всеросс.) науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 5–9 февраля, 2009. С. 379.

9. Шудегова Н. О. Личный архив полевых записей.

Поступила в редакцию 28.05.2014

N. O. Shudegova

**The Value of Scientific Ideas of R. A. Churakova for Further Study
of Theoretical Problems of Modern Musical Udmurt Studies**

The importance of the scientific ideas of the collector and researcher R. A. Churakova in the context of the theoretical problems of modern musical Udmurt Studies is discussed. Formulated by R. A. Churakova stylistic traits of song verse of southern Udmurt traditions with other local styles (songs of northern Udmurts) are compared.

Keywords: system approach to the analysis of folk songs; syllabic nature of verse; features of song vocabulary.

Шудегова Надежда Олеговна

аспирантка,

ФГБОУ ВПО «Петрозаводская государственная
консерватория (академия) им. А. К. Глазунова»

185031, Россия, г. Петрозаводск, ул. Ленинградская, 16

E-mail: nadiksho@mail.ru

Shudegova Nadezhda Olegovna,

Postgraduate,

Petrozavodsk State Conservatory (Academy)
named after A. K. Glazunov

185031, Russia, Petrozavodsk, Leningradskaya St., 16

E-mail: nadiksho@mail.ru

М. С. Федина

**ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В КОМИ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена вопросам терминологии в современном коми языке, а именно – первому опыту создания компьютерной терминологии. На основе анализа «Словаря базовой терминологии для коми локализации компьютерных программ» определены специфика компьютерных терминов и способы их образования в коми языке. Отмечены также первые шаги в практическом применении созданных компьютерных терминов.

Ключевые слова: терминология, компьютерные термины, коми язык, локализация компьютерных программ.

Терминология – важнейшая составная часть любого литературного языка. Ее уровнем определяется уровень развития не только данного языка, но и общества, говорящего на нем. «Создание терминологии является органическим элементом обновления общества. Наличие терминологии поднимает статус и престиж родного языка, способствует укреплению экономической и политической автономии этноса» [5. С. 115]. Это особенно актуально для сохранения и развития языков малочисленных народов. «Возможности финно-угорских народов сохранить свои языки в качестве языков высшего образования (а в будущем языки вообще) не очень велики. Ясно одно: каждая пропущенная минута, в течение которой мы ничего не предпринимаем для увеличения этих возможностей или хотя бы создания предпосылок для их увеличения, работает против нас. Первыми шагами, без которых невозможны последующие, как я полагаю, должны стать повышение престижа родного языка у молодежи и создание терминологии для максимального количества отраслей науки и других сфер жизни» [1. С. 109]. Развитие национальной терминологии создает основу для расширения сфер его функционирования, ибо «надежда на сохранение языка имеется в том случае, если язык используется во всех сферах... в том числе в делопроизводстве, в экономике и политике, а также науке» [13. С. 213–214]. Об этой задаче говорилось на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов: «Конгресс считает необходимым активизировать работу по развитию терминологии на языках финно-угорских и самодийских народов» [8].

В современном коми языке к стратегическим направлениям терминообразования можно отнести развитие официально-деловой терминологии, создание (или воссоздание) школьной терминологии по предметам школьного курса, а также создание компьютерной терминологии.

Стремительное развитие компьютерных технологий, внедрение интернета во все сферы жизнедеятельности общества диктуют необходимость отображения в языке новых реалий. Проблема выживания малых национальных языков встает острейшим образом не только в сфере их традиционного использования, но и с точки зрения наличия их электронной письменности. «Тот язык, который не будет иметь своего “электронного представления” – набора технических средств, позволяющих обеспечивать функционирование данного языка в мире этих новых информационных технологий – не имеет шансов сохраниться как полноценное средство общения, и будет вымыт из обихода. Произойдет “лингвистическая оккупация” народов и культур, лишенных естественных для XXI века средств письменности – назовем их новыми бесписьменными народами» [4. С. 6]. Для полноценного функционирования финно-угорских языков России в компьютерных технологиях необходимо обеспечение условий в трех плоскостях: 1) обеспечение правового статуса финно-угорских языков применительно к проблеме обеспечения доступа граждан к современным информационным технологиям; 2) обеспечение необходимых технических средств для полноценного функционирования финно-угорских языков в электронном информационном пространстве; 3) обеспечение необходимой терминологии для обслуживания этой сферы деятельности на национальных языках.

Развитие комиязычного цифрового контента, количественный рост сайтов (<http://rkomi.ru/km/>, <http://www.syktyvdin.ru/km/>, <http://www.pechoraonline.ru/kmi/>, <http://km.krags.ru/>, <http://fu-lab.ru/>, <http://komikyv.ru/>, http://kv.wikipedia.org/wiki/Медшӧр_лист_бок и др.) и блогов (<http://vk.com/club78645075>, <http://комиблог.рф> и др.) на коми языке преследует важнейшие цели, одна из которых – расширение доступа к информации и знаниям, сохранение и развитие, изучение и популяризация культуры и языка коми народа. Вместе с тем встает проблема единообразной локализации и кодификации компьютерной терминологии – проблема, с которой сталкиваются все национальные языки. «Локализация требует качественного перевода интерфейса и сопровождающих ПО справочников (преимущественно с английского) на национальный язык, полную поддержку региональных стандартов. Например, формат даты, принятый в английском языке, имеет вид ММ/ДД/ГГ, в русском – ДД.ММ.ГГ, а в чувашском – ГГ.ММ.ДД. Аналогичные отличия есть в представлении времени, в формате чисел и др. Значение локализации ПО и веб-сервисов на национальные языки объясняется тем, что при работе с компьютерными программами на родном языке слова и фразы воспринимаются интуитивно. Человек сосредотачивается на поставленной задаче. Это тем более важно, если речь идет о быстром и качественном выполнении работы» [9].

Первым этапом локализации компьютерных программ и веб-сервисов является создание компьютерной терминологии. Компьютерная терминология в настоящее время активно развивается во многих языках [10], коми язык не является исключением. Сотрудниками Межрегиональной лаборатории информационной поддержки

функционирования финно-угорских языков Коми республиканской академии государственной службы и управления А. В. Чемышевым, В. А. Степановым и М. С. Фединой создан словарь «Базовая терминология для коми локализации компьютерных программ» [12]. Словник включает наиболее употребляемые термины и команды, реально используемые в повседневной работе с компьютером и сайтами.

Общеизвестно, что подавляющая масса компьютерных терминов английского происхождения. «Но в связи с незнанием или недостаточным знанием английского языка многими специалистами в области компьютерных технологий, не только в разговоре, но и в обучении начинающих пользователей, в литературе и периодической печати часто используют не адекватный перевод термина, а обыкновенную транскрипцию слова, причем часто неправильную. В результате термин входит в русский язык, в подчас непонятном для простого пользователя звучании и значении» [11]. В связи с этим многократно возрастает ответственность терминоведов, составляющих компьютерные термины на национальных языках, которая заключается в правильной передаче значения термина. При этом принципиально важно решение следующих проблем: 1) надо ли полностью заменять все имеющиеся русские и английские термины национальными эквивалентами? 2) как создать удачный компьютерный термин, чтобы любой пользователь без специального словаря мог понять его значение, несмотря на специфичность компьютерного термина даже в отличие от терминов в других отраслях? 3) как протестировать эти термины в режиме реального времени? Все эти моменты в достаточной степени были учтены при создании компьютерной терминологии на коми языке.

Во-первых, при подборе коми эквивалентов выдерживался принцип равновесия между интернациональной и национальной терминологиями: сохранена часть общепринятых интернационализмов (*логин, протокол, вебкамера, блог, винчестер, дистрибутив, хакер, хостинг, интерфейс, e-mail, браузер, вирус, аккаунт, факс, утилита, колонититул* и др.).

Но основную часть словаря составляют исконные коми термины и терминовыражения. Так, включены термины, часть которых уже использовалась в социальных сетях и комиязычной Википедии (<http://kv.wikipedia.org>): *пырны* – войти, *пыранін* – вход, *вежны* – изменить, редактировать, *веськӧдны* – править, *веськӧдӧм* – правка, *гижӧд* – запись, *сёрнитанін* – обсуждение (*букв.* место для разговора, обмена мнениями) и т. д. Часть терминов была создана искусственно: либо семантически – путем расширения значения обиходных коми слов, либо деривации и словосложения – на базе коми лексики и по законам коми словообразования. При этом за основу брался английский (исходный) вариант термина с учетом имеющегося опыта перевода данного термина на другие языки и конкретного функционала явления, подлежащего терминологизации, потому что в наименовании в первую очередь должна раскрываться практическая функция именуемого явления. «У компьютерного термина (КТ), в отличие от общеупотребительного слова, сохраняется ряд специфических признаков, не являющихся составной частью национального языка <...> КТ в отличие от обычного слова, сохраняющего важнейший принцип своей структуры, а именно принцип стабильности, формируется на основе принципа произвольности и имеет в своей основе глубокий прагматический аспект» [3].

Путем расширения семантики обиходных коми слов была образована значительная часть компьютерных терминов, например: *лӧсас* — абзац (от *лӧсас* — зарубка, затёс), *куд* — папка (от *куд* — короб, шкатулка, ящик), *радз* — таблица (от *радз* — плетёный из прутьев или дранок мат, решётка), *ладмӧдысь* — адаптер (от *ладмӧдысь* — установщик, человек, который все устраивает, улаживает), *веськӧдлӧм* — администрирование (от *веськӧдлӧм* — управление), *дӧмас* — врезка (от *дӧмас* — заплатка), *ӧшинь* — окно (от *ӧшинь* — окно), *вем* — устройство управления (от *вем* — мозг), *бала* — шаблон (от *бала* — колодка, форма, проект), *эжӧд* — фон (от *эжӧд* — верх одежды, чехол, обивка, облицовка), *йӧртӧд* — ячейка (от *йӧртӧд* — заком; отгороженное место (для овощей, картошки), *топӧдӧм* — архив (от *топӧдӧм* — зажим, зажатый; сжатие, сжатый) и др.

Деривация — один из самых продуктивных способов словообразования в коми языке в целом, поэтому вполне закономерным явилось создание компьютерных терминов таким образом: *сувтсӧг* — столбец (от *сувтсӧн* — стоя), *визьӧг* — строка (от *визь* — линия, черта: *веськыд визь* — прямая линия, *сувтса визь* — вертикальная линия), *петкӧдлантор* — презентация (от *петкӧдлыны* — показывать), *сысьӧг* — фильтр (от *сысьявыны* — процеживать, фильтровать), *пасйӧд* — заметка (от *пасйыны* — пометить, отметить, обозначить, записать), *вӧйӧд* — баннер (от *вӧйыны* — предлагать, предложить), *пыртӧд* — закладка (от *пыртны* — занести, ввести, внести), *ыстӧг* — ссылка (от *ыстыны* — послать, посылать), *инас* — система (от *ин* — место) и др. При этом надо отметить группу терминов, образованную от иноязычных слов с помощью коми аффиксов: *слайдавыны* — показывать слайды, *компануйтӧм* — компиляция, *конвертуйтны* — конвертировать, *принтуйтны* — печатать и др.

Большое число терминов было создано благодаря еще одному традиционному коми словопроизводству — словосложению: *инданпӧв* — панель (от *индан* — указательный, *пӧв* — доска), *гусьякыв* — пароль (от *гуся* — тайный, *кыв* — слово), *нюмпас* — смайл (от *нюм* — улыбка, *пас* — знак), *нимпас* — ярлык (от *ним* — имя, *пас* — знак), *уджтасулов* — программное обеспечение (от *уджтас* — программа, *улов* — множество, объединение), *шырпинь* — курсор (от *шыр* — мышь, *пинь* — зуб), *листбан* — страница (от *лист* — лист, *бан* — сторона), *ӧтуввез* — интернет (от *ӧтув* — общий, *вез* — сеть) и др. В данном случае мы старались соблюсти важнейший принцип терминотворчества — пропорцию: «1 явление — 1 термин = 1 слово». «Терминологи считают, что языковая экономия в терминотворчестве играет большую роль. В этом смысле чем ближе величина слово/термин к единице, тем удачнее термин» [6. С. 40].

Особенностью словаря являются отдельные формы, нехарактерные для коми структуры слова (но характерные в целом для компьютерной терминологии). К ним можно отнести (помимо вышеуказанных интернационализмов):

— сокращенные названия месяцев и дней: *тӧвишӧр тӧлысь* — январь, сокр.: *янв* — *твт*; *урастьӧм тӧлысь* — февраль, сокр.: *фев* — *урт*; *рака тӧлысь* — март, сокр.: *мар* — *ркт*; *косму тӧлысь* — апрель, сокр.: *апр* — *кст*; *ода-кора тӧлысь* — май, сокр.: *май* — *одт*; *лӧддза-номъя тӧлысь* — июнь, сокр.: *июн* — *лнт*;

— большое количество аббревиатур: АЦП (аналогово-цифровой преобразователь) — *АЛП* (аналог *лыдпасӧ пӧртысь*), ВЗУ (внешнее запоминающее устройство) — *ОЮВ* (*ортсы юӧрвидзанін*), СУБД (система управления базами данных) — *МБВИ* (*мычкӧд базаясӧн веськӧдлан инас*) и др.;

– комбинация английской и коми графики и орфографии: *flash-чӧжӧг* – flash-накопитель, *IP-инним* – IP-адрес, *Web-листбан* (*веблистбан*) – Web-страница, *ZIP-куд* – ZIP-папка и др.;

– интернациональные гибридные сочетания терминов: *видеосёрни* – видеозвонок, *видеоворсанін* – видеопроигрыватель, *гиперыстӧг* – гиперссылка, *медиа-ворсан* – медиаплеер, *автосысйӧг* – автофильтр и др.;

– терминовыражения, состоящие из нескольких слов и применяемые во всех операционных системах: *ловъя серпас* – анимированное изображение, *вирус тыв* – антивирусная программа, *инмӧдчытӧг везйӧдӧмъяс* – беспроводные сетевые соединения, *юасян-висьтасян ӧшинь* – диалоговое окно, *вежны пасйысян гижӧд* – изменить учетную запись, *лӧсьӧдны пошта куд* – завести почтовый ящик и др.

Удачность или неудачность предложенных терминов покажет время, однако они являются результатом большой работы и коллективного отбора путем проведения опросов «вживую» и через социальные сети. Материал Словаря был рассмотрен и утвержден Республиканской термино-орфографической комиссией при Главе Республики Коми.

На основе Словаря ведется сегодня локализация на коми язык портала «Государственные услуги Республики Коми» [7], а также сайтов ряда муниципальных образований и частных лиц.

Словарь не является финальным вариантом коми компьютерной терминологии. Обсуждения и предложения новых терминов продолжаются на сайте Лаборатории [2] и в социальных сетях, что свидетельствует о востребованности данной терминологии особенно у молодежи. А пробуждение ее интереса к своему языку дает надежду на отсрочку гибели языка в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валге Ю. (*Juri Valge*). Высшее образование на родном языке как важное условие сохранения языка // Финно-угорский мир. 2009. № 3. С. 102–109.

2. Коми кыв [Электронный ресурс]. URL: <http://komikyv.ru>, <http://wiki.komikyv.ru>

3. Комлева И. Л. Принципы формирования русской компьютерной терминологии [Электронный ресурс]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/printsipy-formirovaniya-russkoy-kompyuternoy-terminologii#ixzz3G1DLQyZo>

4. О проблеме создания технических средств функционирования национальных языков Российской Федерации в современном информационном пространстве / Загидуллин Ф. Г., Дмитриев Д. В., Садов О. Л., Сомс Л. Н. // Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы. Йошкар-Ола, 2011. С. 6–11.

5. Пустай Я. Основные задачи развития финно-угорских языков малочисленных народов // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. Сомбатхей, 2003. С. 111–119.

6. Пустай Я. Рассуждения о положении мордовских языков на основе анализа словариков школьной терминологии // Финно-угорский мир. 2014. № 1. С. 39–47.

7. Портал государственных услуг Республики Коми [Электронный ресурс]. URL: <http://test.rpgu.rkomi.ru/>

8. Резолюция V Всемирного конгресса финно-угорских народов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fucongress.org/congress/V-kongress/rezolyuciya-V-vsemirnogo-kongressa-finno-ugorskix-narodov/>

9. Самоучитель чувашского языка [Электронный ресурс]: компьютерная терминология. URL: http://ru.wikibooks.org/wiki/Самоучитель_чувашского_языка/Компьютерная_терминология

10. Словарь компьютерных терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tigr.com/computerdic.htm>; Толковый словарь компьютерных терминов [Электронный ресурс]. URL: http://www.tckt.ru/all_words.html; Марийский словарь компьютерных терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.marlamuter.ru/index.php/list/Марийский+словарь+компьютерных+терминов/1.xhtml>; Самоучитель чувашского языка: компьютерная терминология [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikibooks.org/wiki/Самоучитель_чувашского_языка/Компьютерная_терминология_и_т.д.

11. Тыщенко О. Б. Компьютерная терминология (сленг) [Электронный ресурс] // Информационные технологии. 2001. № 1. С. 52–55. URL: <http://256.ru/publish/sleng1.php>

12. Чемышев А. В., Степанов В. А., Федина М. С. Базовая терминология для коми локализации компьютерных программ / ГАОУ ВПО КРАГСиУ. Сыктывкар, 2013. 46 с.

13. Pusztay J. Ungari keele olukord ja tulevik ELis. Emakeelne Eesti, emakeelne Euroopa. Tallinn, 2008. Lk 213–214.

Поступила в редакцию 11.11.2014

M. S. Fedina

Experience in Establishment and Practical Application of Computer Terminology in the Komi Language

The article is dedicated to the topic of terminology in the modern Komi language - namely, the first experience of creation of computer terminology. Based on the analysis of the 'Dictionary of the basic terminology for the Komi localization of the computer software', specificity of the computer terms and methods of their creation in the Komi language are defined. The article also describes the first steps of practical application of the created computer terms.

Keywords: terminology, computer terms, the Komi language, software localization.

Федина Марина Серафимовна,

кандидат филологических наук, доцент,

Коми республиканская академия государственной службы и управления,

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 11

E-mail: m-fedina@mail.ru

Fedina Marina Serafimovna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

The Komi Republic Academy of State Service and Administration

167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 11

E-mail: m-fedina@mail.ru

УДК 39(=511.131)

И. М. Вельм

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
В АГРАРНО-ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

В статье рассматривается роль народной педагогики как составной части культуры народа, на основе которой развиваются современная педагогика и коллективное творчество как проявление педагогической культуры народа, его идеалов, воззрений, представлений о человеке и о воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: традиционное общество, национальное воспитание, роль обрядов и обычаев в семье, проблема опекунов и сиротства, нравственные критерии.

В любой этнической среде поведение людей формируется в сильной мере под влиянием семейной среды. В условиях традиционного общества весь строй удмуртской семьи и вся организация воспитания детей строились так, что она готовила их для жизни в патриархальной общине под авторитетом главы семейства. Подрастающее поколение приучалось к полному подчинению и зависимости от общины или рода, чтобы во взрослой своей жизни полагаться не на себя, а на общину или семью. Здесь индивидуальность подавлялась, личной инициативе не было никакого простора, жизнь индивидов регламентировалась заранее, до деталей. Молодые поколения приучались жить так, «как жили деды и прадеды», «по старинке».

Нравственная система как один из основных способов нормативной регуляции действий и поступков человека в конкретной социальной общности включает традиционные взгляды на проблемы эндогамии (брачные связи внутри общности), половые (половые табу и предписания) и семейные отношения (вступление в брак, отношения между супругами, разводы, контроль над рождаемостью, положение женщин в семье и др.), воспитания детей (приемы ухода за младенцами, забота о девочках и мальчиках), инициации (смена социального статуса).

Каковы же особенности национального воспитания и социализации ребенка в удмуртской семье. Дети для удмуртов – предмет особой заботы, не зря в народе говорят: «Дом без детей мертв». Традиционна высокая привязанность и сердечная

любовь к детям. Здесь проявляется и суровая хозяйственная обусловленность: без постоянного притока свежих сил, новых рабочих рук крестьянское хозяйство умирает. Мысль о детях как гарантии спокойной, обеспеченной старости сквозит в одном из пасхальных заклинаний-молитв: «...*Нылпи но милемлы Инмар мед сётоз, корка вёзы корка пуксьымон мед луозы; вордскем нылпи милемыз утись медло... Ёеч муртэн тодматскыса мед уломы, сиыса-юыса мед пересьмомы. Шуныт коркамы, валес выламы выдыса мед куломы*» (...Пусть даст же нам Инмар детей в таком количестве, чтобы возле дома дом можно было ставить, рожденные нами дети пусть нас призреют... В знакомстве с хорошими людьми да пусть будем жить, в сытости-довольстве состаримся. В теплой избе, в своих постелях пусть закончим свою жизнь) [10. С. 12].

Отношение к детям как к величайшей ценности широко отражено в удмуртских пословицах, поговорках и песнях. «*Нылпитэк кышно-картъёс – сиротаос*» (Бездетные супруги – сироты), «*Корка нылпиен шулдыр*» (Дом детьми весел), «*Азбар пудоен чебер, корка – нылпиен*» (Двор скотиной красен, дом – детьми) – вот лишь немногие изречения из сокровищницы народной мудрости [См.: 2. С. 83 и др.]. Эти мысли составляют содержание песен, например:

*Зарниен но азвесен
Маро бен карод?
Со интые мед луоз
Вордскем нылпиед.*

Злата-серебра не надо,
Если не взрастить детей.

Один из первых удмуртских ученых Кузебай Герд отмечает: «и к девочкам, и к мальчикам отношение было почти одинаковое, особенно если в семье уже есть дети: и мальчики и девочки. Но там, где нет детей, из чисто хозяйственно-экономических соображений ждут мальчика, как помощника, наследника... Но если рождаются одни мальчики, с нетерпением ждут девочку – “*черсны юрттйсь луоз*” (будет помощница в прядении)» [4. С. 57].

Считалось, чем больше детей, тем больше эту семью любят боги. В народе твердо знали: один ребенок – еще не ребенок, два ребенка – только полребенка, три ребенка – это уже ребенок. Не редкостью для удмуртской семьи было более десяти детей. И пусть сложновато было жить, но каждому ребенку хватало доброго участия и слова. Обычно детей называли *зарни бугоре* (мой золотой клубочек), *дыдыке, гыдыке* (мой голубочек), *пичие, мусое, нуные* (мой маленький, милый), *нылы, пие* (доченька, сынок). В благополучной семье часто слышались эти слова [1. С. 4].

Появление ребенка было важным и радостным событием в жизни молодой семьи. Его с нетерпением ждали, к нему готовились. Большинство женщин продолжало работать до самых родов и никакого особого рациона питания для них не составлялось. Заботы о будущем ребенке находились в области магических предписаний. Чтобы не оказать отрицательного воздействия на плод, женщине в период беременности не разрешалось убивать какую-либо живность.

Об отношении удмуртов к детям как к большому дару, о высокой ценности детской жизни можно судить не только по положительным примерам (забота, охрана, опека и др.), об этом свидетельствуют и примеры противоположной,

негативной, эмоциональной окраски, особенно проклятия – *юриськоны*. К примеру, если женщину хотели сильно обидеть, оскорбить, недобрые слова и проклятия посылали в ее адрес и в адрес ее детей и даже еще неродившихся: «*Нуны интые арлан вордод*» (Пусть родишь вместо ребенка хомяка), «*Нуньед пушкад мед бурмоз*» (Пусть ребенок прирастет к твоим внутренностям), «*Му мед ньылоз пиналдэ*» (Пусть земля проглотит твоего ребенка) [5. С. 26].

Только что родившемуся устраивали *нуны сюан* – свадьбу младенца: новорожденный, по выражению В. Е. Владыкина, «как бы обручался со всем белым светом». Родственники и соседи спешили в счастливый дом, где появился ребенок. Приходили не с пустыми руками, а с вкусным угощением и сердечной песней: поздравляли-славили родителей и напутствовали нового человека: «*Коньдон кадь югыт-сайкыт мед луоз!*» (Да будет ребенок светел-ясен, как серебряная монета!). Мальчику желали быть защитником-оградой для государства – «*Кунлы кенер медло!*» (Пусть будет оградой для государства!), девочке – доброй женщиной и матерью – «*Калык вылэ потмон медло!*» (Да будет суждено ей выйти замуж!). Каждому ребенку желали долголетия, большого счастья – «*Кузь арлыдо, паськыт шудо медло!*» (Пусть будет долголетним, с огромным счастьем!) [1. С. 4].

Первый человек, с которым общается ребенок, – его мать. Разговаривая с ребенком, удмуртка называла его не по имени, а разными ласковыми словами: *нылы* (доченька, моя девочка), *ние* (сын, мой мальчик), *нунйе*, *гыдыке* (мой малыш, голубчик/голубушка) и др. Если в семье было несколько детей, то к этим словам она добавляла имя того, к которому обращалась. В семейном общении удмурты, как правило, обходились в прошлом без имен, пользуясь стереотипными безымянными формами общения: *агай*, *нюню* (старший брат), *кен* (сноха), *кенак* (старшая по возрасту женщина), *апай* (старшая сестра), *эке/ате* (младший брат), *дыды* (младшая сестра), *чечей* (брат деда) и пр. [16. С. 31].

Отсутствие своих детей часто компенсировали усыновлением чужих (*вордос пи/ныл*, *пыртэм пи/ныл*). Согласие на усыновление давал сельский сход общины при условии, что у желавшего усыновить нет своих детей мужского пола, что он является домохозяином или получил разрешение на усыновление от родителей. Усыновитель должен быть высоконравственным семьянином и на хорошем счету у общины.

Один из важных вопросов, связанных с детьми и часто обсуждавшихся на сельском сходе, – проблема опекунства. Опека над осиротевшими детьми была традиционной, и нормы обычного права здесь выступали с особой наглядностью. На полное свое обеспечение община сирот не брала, но обязанности по их воспитанию возлагала на близких родственников, внимательно контролируя действия опекунов. От негласного правила родственной помощи опекуны не могли отказаться, какой бы тяжелой и даже нежелательной она для них ни была. Опекуны назначались на сельском сходе. Опекуны отличались хорошим поведением и пользовались уважением общинников. Им вменялось в обязанность следить за имуществом, чтобы оно не было расхищено или неправильно использовано. Иногда часть имущества опекаемых шла в продажу, а вырученные деньги хранились в банке.

Важным институтом, участвующим в социализации этнофора в общество, была семья. Она выполняла важную функцию производства и воспроизводства

членов общины, была низшей хозяйственной единицей общины. Великий педагог В. А. Сухомлинский отмечал: «В семье начинается общественное воспитание. В семье, образно говоря, закладываются корни, из которых вырастают и ветви, и цветы, и плоды» [13. С. 275].

Создание новой семьи, появление нового крестьянского двора считалось общественным делом и требовало признания брака со стороны общества. В заключении браков община участвовала своей материальной и нравственной поддержкой, а также непосредственным присутствием во время свадебных гуляний. Община ревниво следила за исполнением ритуалов свадебной обрядности; мнение родственников, ближайших соседей и селения в целом были регулятором поведения. В соответствии с традиционными установками, народная мудрость рекомендовала искать себе пару таким образом, чтобы дым из печных труб молодых не смешивался (*муръёысьтызы чынзы медаз сураськы*), что означало стремление избежать кровосмешения, пагубно влиявшего на потомство. Для создания прочной семьи было напутствие родственников и друзей: «*Юмишаны эш эн утча*» (Не ищи друга на гулянке [ищи на работе]), «*Чебер шоры эн учкы, учкы ужамез шоры*» (Смотри не на красоту, а на работу). Об ответственности выбора супругов говорили и пословицы: «*Урод кидыслэсь жеч емышэ эн виты*» (От плохого семени не жди доброго плода), «*Куакалэсь учы уз вордйськы*» (От вороны соловей не родится) и др. От молодой супружеской пары общество вправе было ожидать особо ценимых общечеловеческих качеств: добропорядочности, прагматичности, умения ценить всякий полезный труд. Общество надеялось, что молодая супружеская пара привьет своим детям высокие нравственные качества.

Создание семьи удмурты считали естественным состоянием человека и даже обязательным его долгом. Одиночество, бобыльство всегда осуждали, неудачников жалели: *пал тури* (одинокый журавль), *пал кут* (лапоть без пары) и др. Одинокому трудно было выжить, а если он выживал, то это была весьма трудная жизнь. Каждый стремился обзавестись семьей. На семью, на совместную жизнь мужчины и женщины, на обзаведение домом и хозяйством настраивали и народные поговорки и пословицы: «*Кут но партэм уг луы*» (И лапоть без пары не бывает). К замужеству и женитьбе подходили по-крестьянски неспешно и основательно. «*Кышно басьтон – кур кесян өвёл*» (Жениться – не лыко драть), – говорили в народе. «Между вотяками не бывает браков по увлечению и страсти, – писал В. Кошурников, – а только по экономическим расчетам и соображениям. Вотyak берет в жены прежде всего работницу и притом такую, которая была бы способна к рождению детей» [9. С. 25]. Прежде чем сосватать девушку, наводили исчерпывающую справку о ней, о ее родителях, ее родных, узнавали о репутации семьи: «*Кычеесь пересьёссы, сычеесь выжыюссы*» (Каковы предки, таковы и потомки).

Вплоть до конца 30-х гг. удмурты имели большие семьи: из 10 и более человек. Большие неразделенные семьи, как правило, были и многодетными. Под одной крышей проживали 3–4 поколения. Во главе семьи стоял кузё – глава семейства или один из его сыновей. Кузё становился тот, кто был наиболее сметливым, прагматичным, работоспособным и отвечал нравственным критериям общества. Многодетные семьи были более ценны для общества и с точки зрения

простого воспроизводства рабочей силы. Дети из больших семей оказывались лучше приспособленными к социализации. Функцию социализации в больших семьях выполняли не только мать с отцом, но и бабушки-дедушки, братья и сестры. Мать и отец для ребенка были надежны и крепки, а от бабушек и дедушек все вокруг становилось более домашним и уютным. Отец мог приласкать, но и наказать, коли виновен, мать – понежить и пожалеть, но систематическая трудовая деятельность часто отрывала их от детей. Справедливой и доброй наставницей всегда выступала бабушка.

Особенность воспитания в многодетной семье заключалась и в том, что работа родителей распределялась на всех детей равномерно. Дети, в свою очередь, с малых лет приобретали опыт взаимной заботы, взаимопомощи, дружбы между собой и уважения к старшим.

Естественное для человека состояние – это человеческое общество; человек рождается в обществе, воспитывается в обществе, просыпающиеся влечения юности тоже влекут человека к обществу, а самые сладкие для людей имена – отец, дитя, брат, сестра, любимый, друг, кормилец – это узы естественного права, и этими узами связано всякое первоначальное, первобытное человеческое общежитие. Вместе с ними заложены и основы первых форм правления среди людей – это порядок семьи; вне семьи человеческий род не может существовать... [7. С. 245].

О духовно-нравственной атмосфере в многопоколенной семье свидетельствуют современные материалы. По данным Г. И. Трониной, атмосферу духовной близости с матерью отмечали 80 % старшеклассников Глазовской школы № 2; с бабушкой – 5 %; с отцом – 3 % (по опросу 1986 г.). Из студентов IV курса факультета начального обучения Глазовского пединститута (1990) свою духовную близость с матерью отмечали 53 %, с отцом – 16 %, с бабушкой – 11 %, с сестрой, братом или мужем (женой) – 10 %. Обратим внимание на то, что в вопросах общественно-политического характера более авторитетен был отец, в моральных и житейских вопросах – мать, в религиозных – бабушка [14. С. 30].

В формировании духовной атмосферы и в сохранении домашнего очага важная роль отводилась женщине, о чем в удмуртском фольклоре существует много пословиц и поговорок: «*Вань юртэз кышномурт уте*» (Все хозяйство на женщине/жене держится), «*Умой кышномурт – жьыны юрт*» (Хорошая женщина/жена – полдома). Всеми домашними делами распоряжалась женщина, особенно жена главы семьи – *кузё кышно*. Она ведала продуктами, следила за порядком в доме, распределяла работы между женщинами, обучала младших невесток кухонной работе. В решении всех важных хозяйственных вопросов глава семьи непременно советовался с женой.

Удмуртская женщина всегда была относительно самостоятельна, не знала затворничества, могла в отсутствие мужа принимать гостей любого общественного положения. Она участвовала в общественных мероприятиях и празднествах. Ее искренность и тактичность в выражении чувств, проницательность, умение разбираться в душевном состоянии человека, лирическая мягкость и сдержанность запечатлены в удмуртском фольклоре, в художественной, этнографической и исторической литературе.

В. Е. Владыкин отмечает, что семейные отношения удмуртов отличались большой сдержанностью, что чужих порой это ставило в тупик. Сдержанно-ласковым было отношение к детям: возвратившегося из дальних краев после долгой разлуки сына мать обычно приветствовала фразой «*бертїд-а, пие*» (ты вернулся, мой сын) и могла позволить себе лишь мягко похлопать его по плечу. Тем более «внутри», на полутонах, «держались» отношения мужа и жены. Никаких объятий, поцелуев. Даже разговаривали в семье обычно негромко, вполголоса. Не принято было принародно говорить о своих чувствах, любви, а уж вовсе негоже их «публиковать» [1. С. 5–6].

Хорошие дети – заслуга родителей, результат их воспитания. «*Анай-атаед сётымтэ бере, Инмар уз сёты*» (Если отец и мать не дали, Инмар не даст), – говорили в народе. Внимательное отношение к родителям, умение платить добром за их ласку, забота в старости – считались одним из ценнейших качеств человека. Мысль о почитании родителей – сквозная в устном творчестве народа: «*Анай-атайзэ санлась мурт шугез адъйтэк даурзэ ортчытоз*» (Человек, почитающий своих отца и мать, весь век проживет без трудностей), «*Туж умой ке но улїськод, мумыдэ-айыдэ эн вунэты*» (Хоть и очень хорошо живешь, мать с отцом не забывай). Уважение к старшим, почитание родителей – характерное явление в удмуртской семье.

Таким образом, в воспитании подрастающего поколения определяющую роль общество отводило семье. Воспитание детей в народных традициях, подготовка их к самостоятельной жизни считались первейшим долгом родителей. Социализация ребенка в семье осуществлялась через все каналы: язык, взаимоотношения, труд, будни и праздники, ценностные ориентации и др.

Следующий важный аспект национальных ценностей – это обычай гостеприимства. Такой социальный обычай в той или иной степени свойствен всем народам и всегда воспринимался как одна из величайших добродетелей. Он соблюдался неукоснительно, с особой тщательностью.

Фольклорно-этнографические материалы позволяют реконструировать гостевой этикет как одну из сторон общения этноса внутри его и вовне. Значительная часть пословиц, преданий, песен, стихов, афоризмов прямо ориентирована на организацию общения. В песнях удмуртского этноса четко прослеживаются все этапы гостевания, где пища телесная удачно сочетается с пищей духовной.

«*Сюресчи муртлы ву но сектад ке, азьлань улонэд котьку жеч луоз*» (Если странника и водой угостишь, то жизнь твоя впереди всегда будет доброй); «*Калыклы шырыд луд ке, ваньбуред ноку но уз кулэсмы*» (Если будешь щедрым к народу, то твой достаток не иссякнет) – гласила народная мудрость [15. С. 19].

Путешественники, впервые оказавшиеся среди удмуртов, зафиксировали обычаи гостеприимства. Так, капитан Н. Рычков отмечал в своем дневнике: «Странствующих приемлют они (удмурты) с отменной благосклонностью и стараются оказать все знаки ласкового приветствия, и мед, и хлеб поставляют на стол, лишь только войдешь в гостиницу» [12. С. 165].

Приготовление к празднику, в том числе к приему гостей, сопровождалось преображением всей будничной обстановки, а также привычного внешнего облика людей. В первую очередь убирали и мыли в избе. Домотканые ковры

и полотенца создавали праздничную обстановку в доме. К приходу гостей и для гостевания надевали самую лучшую одежду, готовили праздничные повозки. Заранее готовили праздничные кушанья, слабые и сильные спиртные напитки. Поэтому праздничное время называлось – *юон дыр*, то есть время пиров.

Характер празднеств и количество участников в них зависели от масштаба праздника – от глобального (христианского) до сугубо домашнего, семейного. Общественный праздник требовал обязательного участия всех взрослых сельчан, кроме больных и стариков. В дни больших праздников соблюдалось возрастное обособление. Молодежь организовывала самостоятельную группу, парни и девушки днем гуляли порознь, а к вечеру собирались вместе. В свадьбе принимала участие почти вся деревня, если не в застольи, то хотя бы в качестве зрителей.

Готовились в гости так же обстоятельно, как и при ожидании гостей. Отправляющимся в гости уважаемые старики напоминали о том, как следует вести себя «на людях» (*калык пёлын*). Удмуртский фольклор зафиксировал немало этикетных правил на этот счет. В гостях рекомендовалось вести себя достойно: *Тодмоед дорын эн кузёяськы* (У знакомого не хозяйничай); *Куное лыктыса уг ченгешо* (В гостях не ссорятся). Заботились о гостинце (*салам*), который должен быть не слишком велик, но и не мал: *Бадъым сйлы уг луы* (Большой – ценным не бывает). Наиболее подходящей для подарка считалась замороженная тушка гуся *жазег бекче* (презент в виде гуся) [15. С. 22].

Процесс гостевания был многоэтапным: от встречи гостей (*куно пумитан*) до хождения из дома в дом к родственникам и соседям хозяина (*куно сектан*) и заключительного этапа – проводов гостей.Guests встречали такой песней – «*куно пумитан гур*»:

Кызъы меда лыктйды, жечесь-а вуиды?
Чупчи йылысен-а, выжсысен-а?
Гажаса-а, гажатэк-а лыктйды?
Монэ аджем потыса-а вуиды?

Как доехали вы к нам? По долинам иль горам?
От верховьев Чепцы или с низовья?
Чтоб уважать нас, приехали вы к нам?
Или просто мимоходом по делам? [11. С. 15].

Длительность гостевания варьировалась от одного-двух дней до недели в зависимости от значимости праздника. Последний этап гостевания – *куно келян* – также сопровождался специальным напевом – *куно келян гур*. Покидая гостеприимный дом, гость обязательно благодарил хозяина за угощение: *Тау карыса кылыд уз посьты* (От благодарности язык не изнашивается). Хозяин, прощаясь, желал гостям счастливого пути: *Сюресты вйй кадь мед луоз* (Пусть ваша дорога масляной будет).

Следующий социальный институт, формирующий национальные ценности, – община (о социальных функциях общины см. выше). Сейчас рассмотрим один из каналов крестьянской взаимопомощи – *веме*. Его основу составлял совместный неоплачиваемый труд крестьян для аккордного завершения срочного этапа работ

у отдельных хозяев. В прошлом благодаря *веме* выполнялись самые различные виды работ: возведение хозяйственных построек, обмолот зерна, битье глиняных печей, вывозка навоза, рытье колодцев. В одних случаях общинники кооперировались в небольшие артели из 5–6 хозяйств и поочередно выполняли друг у друга какую-нибудь работу, например, обмолот зерна. В других – большая часть односельчан помогала одному хозяину по его просьбе завершить определенный этап работы, к примеру, битье глиняной печи. В-третьих – общинники сами принимали решение оказать помощь кому-нибудь из общины: вдове, солдатке с малыми детьми, немощным старикам или домохозяину, который тяжело заболел, потерял лошадь или погорел. Если в первых двух случаях общинники за свой труд получали угощение и даже ждали его, то в последнем – помощь чаще была совершенно безвозмездной.

Вокруг участия в *веме* сложился целый комплекс этических представлений и норм. Любой общинник был вправе отказать в своей помощи, но редко кто поступал так. Обязательность помочей глубоко осознавалась крестьянами и в хозяйственном, и в нравственном плане, особенно если они организовывались миром помочь члену общества, попавшему в крайне тяжелую ситуацию. Общественное мнение решительно осуждало отказавшегося принять участие в подобного рода помочи. Дети тоже привлекались к этому труду, им давали посильное задание. Здесь они впитывали в себя радость совместного труда, здесь они усваивали шутки, прибаутки, которыми сопровождалась трудовые операции, развивали наблюдательность. Дети видели, что, как и в каком порядке делается. Они стремились понять, почему именно так делается, а не иначе. Словом, *веме* – был праздником труда, а труд этот – как бы коллективным молением. Совместный труд как моление пронизывал души людей весельем, обогащал их память радостью общения. И поскольку своя письменность у удмуртов была утеряна, помочи у того или иного дома служили точкой отсчета в народном календаре.

Один из показателей национальных ценностей – система трудового воспитания. Вся история удмуртского этноса показывает, что он был достойным и мудрым воспитателем детей. Умение удмуртов трудиться на земле и сегодня всем известно в республике. В свое время знаменитый путешественник Н. П. Рычков заметил, что если трудолюбие в земледелии может быть сочтено за честь, то удмурты поистине могут быть достойными этой чести, ибо «нет в Российском государстве ни одного народа, могущего с ними сравниться в трудолюбии» [12. С. 163].

Труд считался главным учителем жизни, он оберегал от трудностей, лени, всяких пороков. Ленивого человека удмурты презрительно называли *азьтэм* (лентяй, лодырь). В хорошем человеке в первую очередь отмечали *ужась*, *ужез яратись* (работающий, любящий работу) [1. С. 5].

Подчеркнем, что к приучению детей к труду удмуртский народ подходил природосообразно, по принципу: «всякой работе – свой возраст». Ребенок, будь то мальчик или девочка, начинал с освоения домашних работ, затем – деятельность его разворачивалась в пределах усадьбы, огорода и, наконец, – в поле, в лесу, на лугу. Так, по мере взросления расширялось поле деятельности, соответственно, усложнялся труд.

В процессе трудового воспитания взрослые включали детей в практическую деятельность не только из экономических соображений. Народ осознал воспитательную роль труда (особенно в формировании волевых качеств и характера), в процессе трудового воспитания одновременно решалась проблема занятости. Самым эффективным воздействием, лучшим наглядным уроком в воспитании трудолюбия был личный пример родителей, без чего убеждение, наставления лишились бы своего смысла.

С благодарностью вспоминает о своих родных С. И. Ворончихин – заслуженный деятель науки УАССР, заслуженный врач УАССР и РСФСР, доктор медицинских наук, профессор: «Каждый член нашей семьи стремился учить меня работать, передавая свои навыки. Помню, бабушка учила продевать пряжу через многочисленные зубья-берда, напоминающие закрытую расческу в ткацком станке... С семилетнего возраста работал в поле. Дед сеял, мерно шагая по узенькой полосе вспаханной земли. А я следом ехал верхом на лошади с бороной, заделывая рассеянные дедом семена... Нелегко научиться косить, молотить цепями и жать. Мне давали маленький серп, и я, гордый, шагал рядом с отцом на жниву, стараясь идти с ним в ногу. В двенадцать лет, преисполненный еще большей гордостью от того, что становлюсь уже в один ряд с мужчинами, я вставал за соху...» [3. С. 8–9].

Не отрицая значения физической красоты, народ всегда связывал ее с трудолюбием человека, его духовным миром, нравственностью и умом. *Эн учкы чебер шоры, учкы солэн ужамез шоры* (Не смотри на красоту, смотри на работу), – учит народная мудрость. Труд всегда воспринимался как общее, коллективное дело. Детям с малолетства внушались преимущества дружной работы. *Одйг муш уно чечы уз люка* (Одна пчела много меда не принесет), – гласила пословица.

Главная заповедь в народной педагогике – воспитывать такие качества, которые делают человеком, принимающим все тяготы на себя, стать *Дунне Адыми* – Человеком Вселенной. Родители часто повторяли своим детям: «*Лу Дунне Адыми*» (Стань Вселенским Человеком). В это понятие входит требование брать на себя ответственность за все, что творится во Вселенной. В это понятие входит также умение делать позитивно и в материальном, и в духовном плане. Трудовое воспитание не ограничивалось периодом детства-юношества – оно продолжалось всю жизнь.

Перед народной системой воспитания стояла важная задача — обеспечить подрастающему поколению многостороннюю трудовую подготовку. В условиях традиционного общества каждый представитель этноса старался по мере возможности научиться всему, что понадобится для ведения хозяйства: владение токарными и кузнечными ремеслами, умение вести плотницкие работы. Идеалом крестьянина-мужчины являлся тот, кто обладал необходимыми познаниями и умением в ремеслах, домашних промыслах. Достоинство женщины состояло в рациональном ведении домашнего хозяйства (искусный кулинар, швея-мастерица, умение ухаживать за скотом, искусная огородница) – эти показатели давали характеристику женщине-хозяйке.

От родителей зависели и подготовленность детей к многостороннему труду (для себя и своего хозяйства), и специальное обучение, и овладение высоким

уровнем мастерства в каком-нибудь виде ремесла или промысла. Этим объяснялось наличие потомственных портных, бондарей, скорняков, печников, кузнецов и др. специализаций. Но если в юные годы первенствующая роль в воспитании трудолюбия отводилась семье, то с переходом человека в разряд взрослых, самостоятельных работников – регулятивную функцию над его деятельностью брала на себя община. Она строго следила за соблюдением нравственных устоев и хозяйственной деятельностью своих членов, а в случае необходимости принимала меры общественного воздействия к тем, кто проявлял леность и небрежность в обработке своих земельных наделов, в исправлении полевых изгородей, выполнении различных общинных работ.

Приход модернизационного общества во многом изменил характер труда. Ушли в историческое прошлое многие виды традиционных ремесел и промыслов. Современная система подготовки кадров (ПТУ) готовит водителей, механизаторов, сварщиков, станочников, специальности, которые обеспечивали жизнедеятельность деревни, забываются.

Трудовое воспитание как традиционный институт социализации этнофора одновременно – одна из национальных ценностей.

Наряду с трудовым воспитанием за многовековую историю своего существования удмуртский народ выработал кодекс неписаных морально-этических норм, требовавших глубокого уважения к старшим, заботливого отношения к слабым и сиротам, доброты и отзывчивости, честности, скромности и других позитивных качеств.

Богатейший материал устного народного творчества удмуртов позволяет говорить о том, что предметом особой заботы народной педагогики было воспитание в детях доброты, честности, любви к родным местам и своему народу. Об этом свидетельствуют народные поговорки: *Ас палзэ вунэтэм адыми – йыромем адыми* (Человек, забывший свою родину, – заблудившийся человек), *Вордскем кылдэ ке вунэтйд, вордэм нэнэдэ но вунэтод* (Забудешь родной язык – забудешь и родную мать).

Знакомясь с космогоническими представлениями народа, мифологией, историческими преданиями, легендами, молодое поколение приобщалось к народной философии. Эпическая форма преданий доводила до подрастающего поколения сведения о давно минувших событиях, формировала патриотическое сознание и чувства. Напомним строки М. Г. Худякова из эпоса «Песнь об удмуртских батырах»:

И рассказывают старцы
Эти песни юным детям,
И под звуки звонких гусель
Эти славные примеры
Входят в душу молодежи,
Зажигают в ней отвагу,
Светлый пламень жажды славы,
Возбуждают подражанье
Древним доблестным героям [17. С. 97].

Удмуртский народ никогда не культивировал в подрастающем поколении чувства неуважения, тем более вражды или ненависти к соседним народам.

Элементы русской, татарской и марийской культур прочно привились в культуру удмуртов, став нераздельной ее частью. О марийцах удмурты говорили: «*Порэн удмуртэн – одйг выжыысь потэм писпу*» (Мариец и удмурт – одного корня дерева).

Удмурты – народ миролюбивый, о чем свидетельствует отсутствие в его лексиконе завоевательных терминов. В системе воспитания большое внимание уделялось привитию в детях уважения к старшим, к скромности, вежливости, послушания и долготерпения. О молодых людях со скромным характером всегда можно было услышать похвальные отзывы, и наоборот, вмешательство в дела взрослых, возражения старшим вызывали отрицательную реакцию общинников. «*Калыктэсь эн пöртэмъяськы, калык валлин ул*» (Не выделяйся среди других, будь как все, живи, как люди живут), – наставляли удмурты своих детей. Эта установка соответствовала условиям традиционного общества. В модернизационном обществе наиболее востребованы инициатива, творческое начало, умение бороться в условиях конкуренции.

Будучи народом трудолюбивым, удмурты беспощадно боролись с воровством. Уличенным в воровских деяниях принимали меры, вплоть до физического наказания. Среди удмуртов существовала культура застолья, народ едко высмеивал тех, кто в дни праздников терял человеческое достоинство. О пьяницах говорили коротко и презрительно – *тордос* (пропойца). В назидание молодым говорили: «*Вина чылкыт ке но, улонэз пожа*» (Вино хотя и чистое, а жизнь мутит). При выборах на общественные должности одним из условий был трезвый образ жизни.

Существенный вклад в систему формирования этнических ценностей вносила организация обучения молодого поколения. Народ прекрасно осознавал, что умственное воспитание необходимо с раннего детства, недаром говорили: «*Пичи муртлэн визьмыз лэчыт*» (У ребенка ум острый). Учебный процесс был тесно связан с производственной деятельностью.

Таким образом, социальные институты выполняли важную роль в формировании ценностно-нормативных механизмов в аграрно-традиционалистском обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Владыкин В. Е. Религиозные верования // Удмурты. Историко-этнические очерки. Науч. ред. В. В. Пименов / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1993. 392 с.
2. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблема жанровой эволюции и систематики / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1997. 356 с.
3. Ворончихин С. И. Полвека за операционным столом. Ижевск: Удмуртия, 1981. 168 с.
4. Герд К. Времена года: Рассказы, сказки. Ижевск: Удмуртия, 1993. 132 с.
5. Герд К. Пословицы и поговорки удмуртов // «О ней я песнь пою...» / Сост. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 114–126.
6. Герд К. Удмурт в своих песнях // «О ней я песнь пою...» / Сост. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 126–163.
7. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.

8. Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории. Ижевск: Удмуртия, 1990. 168 с.
9. Кошурников В. С. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 880. 44 с.
10. Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.
11. Перевозчикова Т. Г. Введение // Пословицы, афоризмы, поговорки / Сост. пер., коммент. Т. Г. Перевозчиковой. Устинов: Удмуртия, 1987. С. 142.
12. Рычков Н. П. Журнал или дневные заметки путешествия капитана Рычкова по родным провинциям Российского государства в 1769 и 1790 гг. СПб., 1770. 180 с.
13. Сухомлинский В. А. О воспитании / Сост. и автор вступит. очерков С. Соловейчик. 5-е изд. М.: Политиздат, 1985. 270 с.
14. Тронина Г. И. Семья и народная педагогика // Народная педагогика и современные проблемы воспитания. Чебоксары, 1991. Ч. IV. С. 80–86.
15. Трофимова Е. Я. Гостевой этикет удмуртов // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 18–27.
16. Христолюбова Л. С. Стереотипы общения и социализации личности // Традиционное поведение и общение удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1992. С. 31–42.
17. Худяков М. Г. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания) // Проблемы этнической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 97–135.

Поступила в редакцию 25.09.2014

I. M. Velm

The Functioning of Social Institutions in the Agricultural-Traditionalist Society

The article discusses the role of folk pedagogy as an integral part of people's culture, on the basis of which modern pedagogy and collective creativity are developed as a manifestation of the pedagogical culture of the nation, its ideals, beliefs, views about man and about the education of the younger generation.

Keywords: traditional society, national education, the role of rituals and customs in the family, the issue of guardianship and abandonment, moral criteria.

Вельм Иван Матвеевич,

доктор культурологии, профессор,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E mail:Velm i.m@mail.ru

Velm Ivan Matveevich,

Doctor of Culturology, Professor,
The Udmurt state University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E mail:Velm i.m@mail.ru

УДК 37.02

В. П. Овечкин

**ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ
ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Свойства современной среды жизнедеятельности и ее доминирующее влияние на образовательную систему. Запаздывание и неадекватность содержания и процесса обучения в изменяющемся мире. Востребованность иной образовательной парадигмы и ее методологические основания. Учащийся как субъект устойчивого культурно-технологического развития.

Ключевые слова: современная среда жизнедеятельности, субъект культурно-технологического развития, креативно-деятельностная образовательная парадигма.

Для современной России, переживающей существенные культурные, социальные и экономические перемены, отличающиеся высокой степенью неопределенности, введение молодежи в систему общественных отношений и деятельности представляет собой трудную и ответственную задачу. Поиск ее решений осложнен тем, что она осуществляется внутри сложившейся образовательной системы усилиями педагогов с опытом практической и научной работы, приобретенным в условиях устоявшейся образовательной системы, и потому специалисты образования, реформируя систему, должны «на ходу» изменять самих себя: свое традиционное отношение к методам, средствам, формам, содержанию и целям образования.

Тем не менее уже сегодня существует немало идей и новых (иных) подходов к совершенствованию обучения и воспитания учащихся. Выстраивается новая, еще не вполне отчетливая концептуальная основа введения учащихся в меняющееся поликультурное пространство. Такие атрибуты жизнедеятельности человека и общества, как экономика, предпринимательство, творчество, экология, информационные технологии и другие – включаются в содержание образования. В других исследованиях в основу построения образовательных технологий принимаются некоторые элементы, присущие именно взаимодействию учителя и учащегося: организационные формы, средства обучения, образовательная среда, взаимоотношения педагогов и родителей, материально-техническое обеспечение

и др., то есть внутренние, организационно-методические аспекты образовательного продвижения учащегося.

Совокупность различных подходов, идей и оснований для совершенствования образования отражает сложившийся в обществе и культуре полифонический взгляд на пути и направления его развития. Различные подходы либо дополняют и развивают друг друга, либо находятся в оппозиции, либо представляют собой не всегда сбалансированную совокупность. В то же время методологически, в соответствии с одним из правил системного анализа, раскрытие сущности рассматриваемого процесса и определение его наиболее общих особенностей и закономерностей возможно при переходе на более высокий уровень системности. Это позволяет увидеть явление с разных точек зрения и составить некоторый прогноз его развития внутри надсистемы. Философско-культурологический уровень рассмотрения системы образования как некоторой структурной целостности внутри объективного мира поможет освободить ее от частных явлений, событий и особенностей, чтобы выявить сущностные основы и ценностно-смысловые атрибуты образования как объекта.

Рассмотрение образовательной системы внутри непрерывно изменяющегося объективного мира позволяет определить основные ее цели, представленные в том числе в форме модели (мыслительного образа) выпускника школы и вуза, в наибольшей степени соответствующей современному человеку, уровню культуры личности, образу (стилю) жизни, деятельности и т. п. «Портрет» современного человека может быть получен путем изучения особенностей, закономерностей, тенденций цивилизационной среды его жизнедеятельности. При этом личностные качества человека в определенном социокультурном пространстве с необходимостью должны быть ориентированы на общественные и личностные смыслы, способствующие выработке наиболее разумных способов и стратегий преодоления личных проблем и проблем общества, природы, культуры. Полученная таким образом мыслительная модель выпускника школы и вуза может рассматриваться в качестве методологической основы для совершенствования образования (его содержания, принципов, подходов, норм), что может стать базой для выстраивания технологий педагогического взаимодействия, формирования организационно-методической структуры, информационного, технического, кадрового обеспечения и др.

С учетом объективных набирающих скорость и силу тенденций современного мира целесообразно принять в качестве надсистемы глобальное (планетное) пространство в целом, всю биосферу и в частности ее современный этап развития – ноосферу. В ноосферном пространстве тесно пересечены природа, техногенная среда, общество и его социальные подсистемы, сформированные исторически на конфессиональных, этнических, территориальных, идеологических и иных основаниях. Решая задачу совершенствования образования, необходимо рассматривать человека, как разумное, рассудочное, эмоционально-чувственное существо, погруженное в планетный, в том числе человеческий мир, преобразующее его и деятельно реализующее себя в этом глобальном мире.

В течение длительного эволюционного развития человечество оснастило себя мощным инструментально-орудийным арсеналом, способствовавшим эффективно и быстро преобразовывать природные объекты в потребительские

продукты – одежду, пищу, жилище, транспорт, связь и т. д., что позволило каждому отдельному человеку быть независимым от неблагоприятных природных явлений и обеспечило ему относительно устроенную и долговременную жизнь. Однако в XX в., особенно во второй его половине, стало очевидным, что произошла качественная перемена: средства и способы преобразования в совокупности с предметами потребления и методами их применения превратились из инструментально-орудийного арсенала в среду жизнедеятельности. Множество инструментально-орудийных средств и результатов преобразовательной деятельности, в том числе средств и способов межличностных взаимоотношений, социальной жизни, проявлений и представлений культуры, обеспечило появление сверхсуммарного свойства, не сводящегося к свойствам частей (кооперативный эффект), в виде среды существования человека и общества.

Человек непреднамеренно оказался погруженным в массу сотворенных им вещей, средств, способов и систем, образующих вторую природу. При этом человечество не имело намерений (целей) ни «покорять» природу, ни сотворять «вторую» природу. Все произошло как бы само собой, и естественное жизненное пространство биологического существования человека было замещено искусственным. Люди экспроприировали в свою пользу часть планетного пространства и устроили в нем жизнь по собственным правилам. И хотя сами люди и создаваемые ими предметы состоят из того же самого вещества, а при создании предметов применяются известные виды энергии, но устроены эти предметы и все человеческое пространство иначе, чем в природных условиях. Эволюционное «перемещение» человека в техногенную среду привело к эволюционным изменениям его тела, образа жизни, личностных качеств и особенностей отношений в обществе.

Искусственный мир, построенный человеком внутри Природы, обеспечил ему собственное развитие, в том числе в процессе преобразования природной среды, и благоприятное существование (увеличение продолжительности жизни, комфорт, развитие наук, искусств и еще большее возрастание возможностей совершенствования среды своего существования). Абсолютно достоверное свидетельство «благоприятности» второй природы – рост численности населения земли. За последние полтора столетия число жителей земли увеличилось в 10 раз и составило уже более 7 млрд чел. Популяция вида *Homo sapiens* выдержала испытание в межвидовой конкуренции, размножившись и расселившись на всем земном шаре. Однако усиливающаяся внутривидовая конкуренция вносит существенную неопределенность в перспективы человеческой цивилизации.

Сотворенная людьми техногенная среда отличается от самоорганизующейся природной среды составом, структурными связями, свойствами и параметрами. В упрощенном виде техногенная среда может быть обозначена как глобальное искусственное сооружение, оберегающее людей от неблагоприятных природных воздействий, а ее элементы выполняют функцию посредника между субъектом и объектом, на который воздействует субъект с некоторой целью. Субъектами преобразования являются человек и общество, способные к построению целей деятельности, созданию и применению соответствующих способов и средств, а в качестве объектов преобразования могут быть приняты вещество, энергия, информация, объекты природы и техногенной (искусственной) среды, а также

общество и человек. Человек, таким образом, может выступать в различных ситуациях и объектом, и субъектом воздействия. Кроме того, он может быть и средством (исполнителем), поскольку инструментально-орудийный арсенал не может пока полностью заменить человека в преобразовательной системе, а выполняет свои функции только совместно с человеком-оператором, расходующим свою энергию в ходе реализации приобретенных мыслительных и двигательных навыков. Соотношение в человеке субъектного, объектного и исполнительского определяет в значительной степени структуру личности, ее особенности, черты характера, отношение человека к себе, людям и миру. Интерпретация этой мысленной (идеализированной) модели позволяет выделить определенные ее признаки, возникающие связи (отношения) между элементами и результаты (следствия). В то же время, поскольку в техногенную среду погружены человек и общество, она может рассматриваться (как и природа) побудительным (детерминирующим) фактором возвышения потребностей и усложнения целей воздействия субъекта на объект.

Рост численности населения земли, вызванный благоприятными условиями, развивающими человека и общество, сопровождается также проблемами локального и глобального характера. Общеизвестно, что естественная среда не успевает «перерабатывать» отходы, использованные предметы и энергию. Изымая ресурсы планеты, люди преобразовывают их и возвращают в естественную среду в существенно измененном («неестественном») виде. При этом эффективно используется только малая часть материальных и энергетических ресурсов, а значительная их масса составляет «цивилизационные отвалы». В совокупности своей они являются причиной дисбаланса экосистем, трансформации климата, и что особенно тревожно, – биологических, психических и умственных изменений самого человека, а также общества и среды.

Техногенная среда все более высокими темпами расширяется количественно и обновляется качественно. Фактическое состояние и тенденции происходящих изменений таковы, что природа вовлекается (уже включена) человеком в свой хозяйственный оборот и превращается в одну из структурных подсистем общества. По существу, человек определил функции природы как составной части глобальной преобразовательной системы – ресурсообеспечивающую, санитарную и рекреационную. Возможно при этом, что включение природы в структуру преобразовательной системы окажется способом ее сохранения, поскольку то, что принадлежит человеку и как собственность, и как средство производства, всячески им оберегается, становясь предметом его заботы и развития.

Темпы перемен становятся настолько высокими, что отдельный человек, развивающийся эволюционно, не в состоянии адаптироваться к ним. Он все менее способен увидеть мир в целом, то есть результаты, последствия и тенденции происходящих изменений. Совокупный результат деятельности людей (кооперативный эффект) скрыт от них. Из-за неспособности увидеть целое человек и общество вынужденно ограничивают область своей жизни и деятельности локальной средой и узкоспециализированной рациональной деятельностью, воспринимая другие среды и деятельности как непонятные и недоступные. Эффект локализации жизненного пространства человека в глобальном мире порождается

увеличивающимся количеством все более сложных технологий и их результатов. Этот эффект еще более усиливается развитием информационных технологий, лавинообразным возрастанием объемов информации, усложнением ее потоков как важнейшим атрибутом информационного (постиндустриального) общества, замещающего собой индустриальное общество. Расширение и усложнение глобального ноосферного пространства и локализация среды жизнедеятельности каждого конкретного человека увеличивает степень неопределенности его существования и делает развитие цивилизации непредсказуемым.

Один из весьма существенных факторов социального неблагополучия – увеличение числа детей, рождающихся с физическими, психическими или интеллектуальными отклонениями от нормы. Несмотря на относительно «небольшой» прирост (доли процента), в соответствии с законом геометрической прогрессии (если принять, что в данном случае он может быть применен для составления прогноза) к концу XXI в. каждый человек либо получит по наследству, либо «приобретет» прижизненно по меньшей мере одно нарушение в собственном генетическом материале (хромосомах и генах), так или иначе связанное с экстенсивной, организованной на принципах технократизма, преобразовательной деятельностью.

К существенным свержсуммарным результатам расширения техногенной (культурно-технологической, социально-технологической) среды могут быть отнесены и другие объективные особенности и тенденции. Так, увеличение массы и качества знаний, информации, технологий, а также стремление потребителей удовлетворить свои объективные и субъективные потребности, с одной стороны, и стремление производителей увеличить прибыль и определить конкурентов – с другой, создали условия интенсификации товарных обменов как внутри государств, так и между ними. При этом любой товар и услуга в ходе конкурентной борьбы удовлетворяют потребности на все более высоком качественном уровне. А поскольку конкуренция производителей происходит на межгосударственном уровне, товары достигают предельного совершенства (закон «естественного отбора» техносистем) и становятся унифицированными. Однако товары и услуги не только обладают способностью удовлетворять потребности (утилитарная функция), но и являются носителями определенной культуры, а обмен унифицированными товарами создает условия для унификации культур, которую часто определяют как культурную интеграцию, как процесс формирования единой общечеловеческой культуры и системы ценностей. В то же время товары и услуги, несущие в себе «национальные» черты, рассматриваются потребителем как «сувенирные», что свидетельствует об уменьшении культурного многообразия и утрате самобытности некоторых (а возможно, и большинства) народов. Уменьшение же культурного многообразия, унификация ценностей, принципов, норм жизни и деятельности может стать причиной деградации человечества в целом. Не исключено также, что в унифицированной культуре возникнут социальные миры, построенные на других основаниях, а национальные, конфессиональные и территориальные миры превратятся в исторические артефакты. С учетом сказанного можно предполагать, что цивилизация в своем развитии приближается к точке бифуркации.

Таким образом, преобразовательная деятельность общества, складывающаяся из действий каждого отдельного человека и соответствующего отношения его к себе и своим действиям, привела к противоречивому результату. С одной стороны, созданы условия для развития человека и общества, для укрепления их жизненных позиций в биосфере земли, а с другой – возникли предпосылки утраты возможностей существования человека. В настоящее время это противоречие не только не устраняется, но и усиливается. Для сохранения вида *Homo sapiens* это противоречие должно быть снято, но не в направлении отказа от культурно-исторических традиций, достигнутого благополучия и утраты перспектив развития. Учитывая, что проблемы человека порождены им самим через удовлетворение своих потребностей с помощью преобразовательной деятельности, то разрешение противоречия возможно путем трансформации характера этой деятельности, а значит – путем изменения отношения человека к ней.

Каждый человек, находясь в определенных социальных отношениях внутри того или иного культурно-технологического пространства, так или иначе является одновременно участником преобразовательной деятельности. Он либо непосредственно связан с получением, изменением состояния материальных, энергетических, биологических, информационных ресурсов, либо потребляет продукты преобразования и высказывает свое суждение о качестве удовлетворения потребностей, либо формирует в общественном сознании определенное нравственное отношение к преобразовательной системе и тем самым задает тактические и концептуальные подходы к ней, либо способствует подготовке людей к участию в преобразовательной деятельности и т. п.

Погруженность человека в глобальный информационно технологический мир с необходимостью предопределяет наличие таких свойств, способностей и культурных основ, которые отсутствовали у людей прошлых эпох и отсутствуют у многих нынешних членов общества. В современном быстро меняющемся мире человек должен обладать качествами, позволяющими ему успешно действовать не только для удовлетворения своих все возрастающих потребностей в контексте культурных традиций, но и для сохранения и создания благоприятной, устойчивой среды жизнедеятельности инновационными способами и средствами, в том числе на основе подходов и принципов, заимствованных из других культурных конструктов. Деятельность человека и общества должна быть направлена на достижение ими собственного устойчивого существования, но при условии, что сама деятельность, ее результаты и последствия не приведут к ухудшению состояния естественной природы, общества и его самого. Это условие может рассматриваться как категорический императив, непреложный принцип и культурная норма человека и общества. Для осуществления такой деятельности человек должен не только владеть рассудочно-рациональным знанием и навыками, но и прежде всего обладать качествами разумного, нравственного существа. Человек должен быть в значительно большей мере субъектом, чем объектом (предметом) и средством (исполнителем).

Возвышение человека как субъекта собственной жизни и как субъекта культурно-исторического развития в условиях расширяющейся и усложняющейся технологической действительности невозможно без некоторого множества ка-

честв, присущих человеку разумному. Представляется, что наиболее значимыми компонентами человека как субъекта устойчивого культурно-технологического развития являются следующие:

- целостное представление о реальном, объективно существующем многовариантном и непрерывно развивающемся культурно-технологическом мире (его панорамное видение), в который погружен человек и который одновременно и удовлетворяет потребности человека и общества, и оказывает негативное влияние на жизнь человека, общества, создавая дисбаланс экосистемы планеты;

- представление о взаимозависимости исторического и культурного развития разных этносов, социальных слоев, государственно-территориальных общностей, о доминирующем влиянии технологической среды на все сферы деятельности – экономику, культуру, науку, образование, здравоохранение, политику, производство, быт, досуг и др.;

- понимание объективной тенденции к интеграции культур, к формированию единой системы общечеловеческих ценностей, возвышению значимости нравственных основ личности в условиях нарастания неопределенности развития цивилизации и появления новых, не бывших ранее, проблем и противоречий глобального характера;

- понимание необходимости и обладание для этого способностями выстраивания некоторой будущей, пока еще не ставшей, реальности (предметов, способов, средств, отношений, свойств, результатов, последствий, целей), которая снимает возникшие противоречия, проблемы и снижает степень неопределенности существования;

- способность объективно оценивать реальную социально-технологическую ситуацию и добиваться лучшего результата в практической деятельности в условиях свободы и неопределенности выбора при наличии соперничества, конкуренции.

Формирование человека как субъекта развития происходит в значительной степени синергетически под влиянием (воздействием) множества факторов. Значительный вклад в образовывание (обучение, воспитание, развитие) человека вносит система общего и профессионального образования, которую можно рассматривать как единственный специально созданный инструмент общества по «возделыванию» (введению в культуру и в деятельность) личности, отличающийся от других, стохастических каналов влияния на человека, своей системностью.

В то же время системе образования присущи существенные недостатки, на устранение которых все в большей степени направляются усилия педагогики и педагогов-практиков. По мнению У. Глассера, «Многие дети приходят к осознанию себя полноценными личностями, однако происходит это скорее вопреки, а не благодаря процессу образования». Снижение степени влияния образования на формирование личности по сравнению с другими каналами воздействия на человека связано с его запаздыванием относительно темпов развития среды жизнедеятельности человека и общества. Ускорение темпов изменений среды и движение образования вслед за этими изменениями реальной действительности («следование за ...») способствуют возникновению неопределенности педагогических технологий и целей, что делает высказывание У. Глассера еще более актуальным.

Уменьшение «вклада» образования в подготовку субъекта развития проявляется также в том, что приобретение учащимися естественнонаучных, гуманитарных, социальных и технологических знаний (зачастую не приведенных в целостную систему) рассматривается как одна из основных целей и как критерий эффективности (результативности) образования. Ведущим видом деятельности является учебно-познавательная деятельность, которая может быть обозначена как когнитивно-репродуктивная. Сами по себе знания, безусловно, необходимы для жизни в реальной среде, но одних только знаний недостаточно для осуществления эффективной экосистемной деятельности и преодоления возникающих проблем и противоречий, в том числе личностных, национальных, конфессиональных. Для достижения успеха и комфорта в реальной среде человек должен обладать способностью к этой деятельности. Однако атрибуты деятельности не включаются в цели и содержание образования. Структура деятельности, ее исходные основания и возникающие результаты и последствия, методы и методология деятельности, ее нормативно-нравственные регулятивы познаются и осваиваются учащимися за пределами образовательной системы и не всегда соответствуют ее концептуальному конструкту. Кроме того, в учебные программы и планы включается, как правило, только точное, проверенное временем и практикой знание и принятая система ценностей, то есть прошлое знание. Между тем точного, установленного раз и навсегда знания в мире попросту не существует, оно всегда подвергнуто изменению, уточнению и расширению. Это касается не только естественнонаучного знания, но в еще большей степени знания социального, гуманитарного и технологического.

Все в мире меняется. Непостоянны не только наши знания и представления об окружающем мире, но и отношение к этому миру, включая отношения между людьми (систему нравственных норм и ценностей, характер и стиль деятельности и мышления, целевые ориентиры и установки). В реальной действительности люди все в большей степени имеют дело с неточным, приблизительным знанием или даже с «незнанием», то есть с проблемами и противоречиями. В связи с этим отставание образовательной системы от реальности еще более усиливается из-за чрезвычайно высоких (революционных) темпов трансформации среды и относительно медленных эволюционных изменений образования.

Выпускник образовательного учреждения сталкивается в реальной действительности с такими явлениями и знаниями, которым его «не учили» и которые порождают в нем состояния неопределенности и растерянности, преодолению которых его также «не научили». При этом состояние неопределенности не всегда им осознается (рефлексируется), а существует в форме какого-либо дискомфорта и ведет к стрессам, конфликтам, деструктивному поведению.

В связи с этим в условиях неопределенности среды значительное место в образовании должна занимать методология формирования человека саморазвивающегося, способного и готового к познанию и преобразованию самого себя. В общем виде это можно обозначить как формирование в человеке рефлексивно-аналитического и технологического мышления. Жизнь и деятельность человека все в большей мере связана с преодолением непрерывно возникающих задач, проблем, противоречий, для которых не существует стереотипных решений.

Но образование как инструмент введения учащихся в деятельность не вооружает их методологией и технологией поиска решения проблем. Причем поиска таких решений, которые будут востребованы ими как в текущей, так и в будущей реальности.

Многие проблемы образования, не позволяющие в полной мере сформировать человека, способного к преодолению жизненных противоречий, связаны с тем, что образовательная система в соответствии со сложившимися правилами и традициями сама строит модель собственной структуры и сама определяет те конечные результаты (модель выпускника), которые должны быть достигнуты. Часто и структура образовательной системы, и содержание образования, и конечные результаты расходятся с потребностями человека и общества, с тенденциями развития среды, не направлены на решение возникающих противоречий и проблем. Базис, основа, на которых осуществляется образовательный процесс формирования личности, все более отстает от реальных условий и параметров культурно-технологической среды. Запоздывание системы образования связано с тем, что принятая модель обучения и воспитания основана на представлении о стационарности среды, общества и содержания деятельности, а это существенно отличается от «нестационарного» реального мира. И чем больше величина этих различий, тем сложнее процесс адаптации выпускника школы и вуза к жизни и деятельности в реальной среде, тем выше вероятность возникновения личностных и социально-личностных конфликтов.

С учетом характера и особенностей современной социально-культурной среды и условий существования и развития человека в этой среде можно определить основные концептуальные подходы (принципы, системообразующие положения) к отбору и структурированию содержания, построению технологии обучения, организации учебно-воспитательного процесса, повышающих вероятность достижения выпускником успеха и комфорта (физиологического, психического, интеллектуального и духовного) собственной жизни при одновременном улучшении (не ухудшении) среды его жизнедеятельности. К ним относятся:

- активизация учебно-преобразовательной деятельности учащихся, направленной на решение проблем, возникающих в реальной среде (креативно-деятельностный подход);

- укрупнение знаний, включаемых в содержание, представление их в виде единой системы и их непрерывное обновление, отражающее неопределенность и вероятностность знания («незнание» и «неопределенность» знания как объект познания, как элемент содержания);

- включение в содержание образования разделов, связанных с изучением и освоением реальной, а не только познавательной деятельности (изучение и освоение структуры, методологии, методов, средств, технологий деятельности), главным образом, инновационной, причем в эту деятельность необходимо включать этап построения образа будущей реальности, который может рассматриваться как одна из целей субъекта.

Учебно-преобразовательная деятельность учащихся должна увеличиваться по объему к моменту окончания обучения и становиться ведущим видом учебной деятельности. Знания (и познание) должны выполнять функцию необходимого

условия (инструментария) осуществления учебно-преобразовательной деятельности, а сам процесс познания при этом необходимо перевести на уровень самопознания (самостоятельного познания) через овладение учащимися методами и средствами преобразования информации. Усиление учебно-преобразовательной деятельности может быть достигнуто путем введения в учебный процесс не решенных в настоящем прагматических задач, противоречий и проблем, имеющих реальное (практическое) значение.

Поскольку почти любое знание, система ценностей, представлений о реальной среде жизнедеятельности и сама эта среда являются в действительности приближенными, носят вероятностный характер, непостоянны и переменчивы, то процесс обучения и воспитания предпочтительно вести на основе рассмотрения, главным образом, концепций существования, развития, познания и преобразования природы, общества, человека и техногенной среды, что позволит сформировать у учащихся представления о некоторых тенденциях («векторах») происходивших, происходящих и будущих изменений (концептуальное образование). Основанием к построению системы концептуального образования служит также и то обстоятельство, что сегодня и в будущем объем конкретного знания и незнания (область непознанного) непрерывно возрастает, а человеческие возможности по освоению всей массы известной и вновь появляющейся информации и время для ее освоения существенно ограничены. В концептуальном образовании частные знания (эффекты, явления, события, правила, законы) могут выполнять функцию обоснования (подтверждения или опровержения) рассматриваемых концепций, а также служить основой для репродуктивной практической деятельности, которая занимает и будет занимать значительное место в жизни человека.

Основой креативно-деятельностного образования является формирование и развитие у обучающихся способностей и умений к нестереотипному, оригинальному, нетрадиционному переводу «незнания» в «знание», «непознанного» в «известное», «не бывшего» в «ставшее», «нерешенного» в «решенное», то есть способности к преодолению непрерывно возникающих в реальной среде проблем и противоречий, их предупреждению и предотвращению. В совокупность знаний и умений, подлежащих усвоению в процессе образования, необходимо включать совокупность известных в настоящее время эвристических технологий (методов, приемов, алгоритмов, способов, процедур, операций) поиска и решения задач, проблем и противоречий, основанных на методах анализа, прогнозирования и синтеза. Процесс освоения этих технологий и методов способствует формированию определенного стиля мышления, который в отличие от репродуктивной деятельности позволяет добиваться новых результатов в деятельности и преодолевать возникающие препятствия.

В то же время процесс преодоления возникающих препятствий инновационными методами с необходимостью должен иметь некоторую нравственно-целевую установку. В качестве нравственно-целевой установки должно быть сформировано представление о сбалансированном (экосистемном) развитии человека в системе «человек-среда», не наносящей ущерба ни человеку, ни обществу, ни природе. В качестве объекта воздействия (преобразования) могут рассматриваться как сам человек (психологическая, интеллектуальная и духовная

адаптация человека под условия среды жизнедеятельности), так и компоненты среды (адаптация среды под цели субъекта), то есть представление о возможности и допустимости изменения не только себя, своих отношений к среде, но и среды для более эффективного достижения своих целей деятельности, поскольку существующая реальность всегда противоречива и имеет недостатки. Тем более что желания и потребности людей непрерывно растут и изменяются. Не только собственно возможность и допустимость, но и желательность (необходимость и неизбежность) изменений реальной среды, ее адаптации под изменяющиеся цели, ценности с учетом возникших и потенциальных проблем. Способность выбора сбалансированной стратегии инновационной деятельности позволит человеку преодолевать часто возникающие в его жизни противоречия, находить оптимальные решения острых проблем, влияющих на устойчивость жизни человека и общества.

При совершенствовании образовательной системы необходимо опираться на некоторую перспективную модель (образ) среды жизнедеятельности, которая может быть построена на основе анализа существующего состояния (противоречий, последствий, проблем) и прогнозирования желаемого. Модель будущей среды, прогноз ее желаемого состояния должны строиться, по крайней мере, для того времени, когда выпускники школы или вуза приступят в полной мере к самостоятельной деятельности, приобретут статус субъекта развития (упреждающее образование). Построение перспективной (желаемой) модели реальной среды и ориентация образования на эту модель должны обеспечить повышение степени управляемости (предсказуемости) социально-технического развития и ускорение адаптации выпускников к реальной среде.

Острота проблемы соответствия образовательной системы и реальной среды жизнедеятельности с ее противоречиями, проблемами и конфликтами объективно требует совершенствования общей (общекультурной) и профессиональной подготовки молодежи. Целью образовательной системы любой формы и уровня должно стать образование (обучение, воспитание, развитие) человека как субъекта культурно-технологического развития, воспитание привычки действовать творчески, не разрушая достигнутого. Исторически и социально-значимым результатом формирования субъекта культурно-технологического развития должно стать построение в общественном сознании (с учетом естественной ротации общества) потребности в экосистемном (паритетном) сбалансированном развитии человека и природно-социально-техногенной среды его жизни и деятельности, которое принципиально отличается от ее современного экстенсивного технократического функционирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Глассер У. Школы без неудачников. М.: Прогресс, 1991.
2. Данилов-Данильян В. И. Экологический взрыв и устойчивость развития / Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе // Парадоксы наследия, векторы развития. М.: Эгвес, 2000.

4. Овечкин В. П. Содержание технологического образования: основания, принципы, условия проектирования: монография. Москва–Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.

5. Овечкин В. П. Социальная технология и устойчивость общества // Социальный мир человека: материалы 3 Всерос. науч.-практ. конф. «Человек и мир: социальные миры изменяющейся России», 24–25 июня 2010 г. / Под ред. Н. И. Леонова. Ижевск, 2010. Вып. 3. Ч. 1. С. 39–42.

6. Овечкин В. П. Технологическая среда и образование как источник конфликтов // Конфликтология: междисциплинарные исследования / Отв. ред. Н. И. Леонов, С. Ф. Сироткин. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2000. С. 29–37.

7. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. Москва–Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.

8. Причинин А. Е. Основная детерминанта технологического образования в постиндустриальном обществе / Причинин А. Е., Овечкин В. П. // Технология. Творчество. Личность: Материалы IX Междунар. науч. практ. конф. (Курск, 10–12 ноября 2003 г.) Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. С. 35–38.

9. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

10. Ovechkin V. P. Axiological foundation of modern education // Social Work in Multicultural Society. International Symposium on Education and Interethnic Relations. 30–31 May, 2011 / ГОУВПО «Удмуртский государственный университет». Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. С. 106–107.

Поступила в редакцию 12.11.2014

V. P. Ovechkin

The foundation of the methodology of education in the modern changing world

Properties of the modern living environment and its dominant influence on the educational system. The phenomenon of delay and inadequacy of the content and process of learning in a changing world. Demand for other educational paradigm and its methodological foundations. Student as the subject of sustainable cultural and technological development.

Keywords: modern living environment. The subject of cultural and technological development. Creative-activity educational paradigm.

Овечкин Владимир Петрович,
доктор педагогических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

Ovechkin Vladimir Petrovich,
Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: tmtpo@yandex.ru

Т. А. Наумова, Н. И. Вытовтова

**ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ЛИЦ С ОСОБЫМИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ
В УДМУРТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ***

В статье показаны результаты подготовительного этапа создания педагогической технологии – психолого-педагогического исследования экспериментальной группы студентов. Доказывается необходимость учитывать особенности студентов, в том числе физические, при разработке курсов и организации обучения. Также обосновываются принятые нами организационно-методические и учебно-методические требования и рекомендации к дистанционным курсам, разрабатываемым на специальности «Юриспруденция».

Ключевые слова: дистанционное обучение, студенты с особыми педагогическими потребностями, инклюзивное образование, электронные образовательные ресурсы.

Общеизвестно, что знания – необходимый инструмент решения человеком задач и в профессиональной, и в личной сферах.

Потребности в получении высшего образования возникают у представителей различных групп населения, что повышает требования к организации учебного процесса и обеспечению условий для самообразования.

Удовлетворение образовательных потребностей предполагает учет как специфики изучаемой дисциплины, так и индивидуальных особенностей обучающегося. Студенты проявляют интерес к разным сферам профессиональной деятельности, имея различный уровень базовой подготовки и индивидуальные особенности организации познавательной сферы личности. Каждый из них по-своему представляет свою будущую профессию и возможности применения полученных знаний. В одной учебной группе могут заниматься как лица, имеющие высокий уровень базовой подготовки, так и те, кто удовлетворяет минимальному объему предъявляемых требований. Это особенно характерно для лиц с ограниченными возможностями здоровья, которым сложно получить образование высокого уровня.

* Исследование выполнено при поддержке Российского Государственного Научного Фонда. Проект № 14-16-18004.

Один из способов решения данной проблемы – разработка учебных курсов, подготовка учебников и учебных пособий в виде электронных образовательных ресурсов (ЭОР) с учетом принципа индивидуализации обучения.

Свободный доступ всего населения России к информационным образовательным ресурсам, включая лиц с особыми педагогическими потребностями, диктовал необходимость смены образовательной парадигмы самого информационного общества. Развитие информационно-коммуникационных технологий создало принципиально новые условия для развития системы образования.

Однако множество проблем связано с организацией учебного процесса студентов-инвалидов, и прежде всего это психологические, физические, системные барьеры. Физические нарушения не позволяют студентам регулярно посещать занятия в вузе. Общепринятые формы и методы обучения в вузах часто неприемлемы для студентов, требующих к себе особого педагогического подхода. Особенности заболевания также препятствуют полной их интеграции в учебный процесс обычной студенческой группы. Но современные информационные технологии открывают возможности для получения образования в учебных заведениях (не только высших) дистанционно.

Необходимость внедрения дистанционного обучения (или хотя бы дистанционных курсов) осознана во всех вузах России и за рубежом. Существуют различные технологии такого обучения и воспитания студентов. К сожалению, отсутствие единой парадигмы дистанционного обучения не позволят создать единое образовательное виртуальное пространство с возможностью обмена дистанционными курсами и созданием единой глобальной аудитории для совместной работы над практическими заданиями, проектами, для совместного лекториума.

Исходя из принципов индивидуализации обучения, мы поставили задачу – исследовать психолого-педагогические особенности группы студентов с особыми педагогическими потребностями.

В эксперименте принимали участие давшие на это согласие студенты направления подготовки «Юриспруденция», обучающиеся дистанционно. Все эти студенты относятся к группе лиц с особыми педагогическими потребностями [1]. Особенность состояла в том, что по характеру заболевания группа смешанная: инвалиды по опорно-двигательному аппарату, слуху, зрению, общему заболеванию. При разработке дидактических методов дистанционного обучения нам необходимо было учитывать особенности каждого студента, подбирая индивидуально соответствующие методы и способы обучения. Гипотеза о существовании различий в подходах к обучению среди студентов удмуртской и других, составляющих экспериментальную группу, национальностей не подтвердилась. В экспериментальной группе учатся студенты со всей Удмуртии, в том числе и из отдаленных районов. Самая отдаленная точка с. Дизьмино Ярского р-на. Отсюда порой проблемы со связью из-за недостаточно качественного соединения в сельской местности. Но трудолюбие и терпеливость населения Удмуртской Республики помогали преодолевать трудности.

Для исследования мотивации использовались разные подходы к обучению в вузе: методика Т. И. Ильиной, методика изучения учебной деятельности по II варианту, модифицированная А. А. Реан и В. А. Якуниным. Устойчивость внимания и динамики изменения работоспособности определялись при помощи

теста «Таблицы Шульте». Инструментом исследования логического мышления был тест Равена, причем оно тоже проводилось дистанционно, что для исследователей было вновь [3].

Результаты эмпирического исследования. Мотивация обучения. Студенты осознанно выбрали обучение в вузе. По методике Ильиной, основной стимул – приобретение знаний, стремление к этому, отчасти – любознательность (максимальный показатель в группе – 12,6, минимальный – 7,2 при допустимом максимуме 12,6). По шкале овладения профессией, показывающей уровень стремления к профессиональным знаниям и формированию профессионально важных качеств, показатели тоже выше среднего (минимальное значение – 4, максимальное – 10 при допустимом максимуме 10). Шкала получение диплома (стремление получить диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов) в среднем тоже имеет среднюю выраженность (минимальное значение – 4, максимальное – 10 при допустимом максимуме 10). При исследовании мотивов учебной деятельности (методика Реана-Якунина) наименее значимы из списка мотивов учебной деятельности следующие: «Получение стипендии» (4,7 при максимальном значении 7), «Быть примером сокурсникам» (5 при максимальном значении 7), «Добиться одобрения родителей и окружающих» (5 при максимальном значении 7). Максимально выражен мотив «Получить глубокие и прочные знания» (6,9 при максимальном значении 7). Другие мотивы тоже имеют значения выше среднего. Для студентов, обучающихся только по дистанционной форме, такое вполне объяснимо: они не встречаются в реальности, не видят достижений друг друга, поэтому нет чувства соперничества. Мнение родителей и друзей для них значения не имеет, так как средний возраст студентов группы – 25 лет, то есть люди, вполне сформировавшиеся. Многие из них, несмотря на инвалидность, трудятся, и получение образования для них – это возможность не только социализации в обществе, но и возможного карьерного роста.

Немаловажный фактор, учитываемый при выборе методики и дидактики обучения, – устойчивость внимания и динамики работоспособности, а также эффективность работы и степень вработываемости внимания. Испытуемым поочередно предлагаются 5 разных таблиц, на которых в произвольном порядке расположены числа от 1 до 25. Студент отыскивает, показывает и называет числа в порядке их возрастания. Проба повторяется с разными таблицами. Основной показатель – время выполнения, а также количество ошибок отдельно по каждой таблице.

Динамика работоспособности имеет линейный характер с незначительным повышением времени, затраченного на выполнение каждого задания до последнего. Количество ошибок имеет тенденцию к увеличению к пятой (последней) таблице. Эффективность работы (ЭР – среднее время, затраченное на выполнение 5 заданий) по группе имеет разброс от минимального значения (22 сек) до максимального (103 сек). Оценка, учитывающая возраст испытуемого, соответствует 4–5 баллам, что соответствует высокой степени эффективности, за исключением одного испытуемого (1 балл). Степень вработываемости (ВР) как отношение времени, затраченного на одного испытуемого к эффективности работ больше 1, свидетельствует о том, что испытуемым необходимо больше времени подготовки к основной работе.

Психическая устойчивость (выносливость), выражаемая в отношении времени, затраченного на последнюю таблицу, к эффективности работы, имеет разброс значений от 0,88 до 0,97, что соответствует хорошей психической устойчивости к выполнению задания (чем выше данный показатель, тем хуже психическая устойчивость испытуемого к выполнению задания).

Тест Равенна – это психологический тест, который ориентирован на дифференцирование людей по уровню развития интеллекта. Показатели данной возрастной группы: процентная шкала развития интеллекта варьирует от 37 (4 ступень), что соответствует среднему интеллекту, до 79 % (2 ступень), что соответствует незаурядному интеллекту. По показателям IQ нормальный, выше среднего и только в одном случае показан средний уровень развития интеллекта.

По результатам исследования можно составить «психологический портрет» студента группы, обучаемой дистанционно по специальности «Юриспруденция». Молодой человек 22–25 лет, интеллектуально развит соответственно своей возрастной категории, имеет высокую мотивацию обучения. Психически устойчив, внимателен. Четко представляет сложность учебного процесса по выбранному направлению подготовки, но готов идти вперед, невзирая на проблемы со здоровьем. Цель – интеграция в мир «здоровых людей» на равных, без скидок на инвалидность. Понимает, что только крепкие знания помогут ему конкурировать со здоровыми людьми.

Однако при подборе методов обучения нам следует учитывать, что студентам требуется щадящий режим обучения: необходимы время для подготовки к основной работе и дополнительные релаксационные пятиминутки во время учебного процесса, а также более длительные перерывы на отдых и чередование традиционных и активных методов обучения.

При разработке экспериментальных дистанционно обучающих курсов мы руководствовались результатами проведенного исследования. Апробация их позволила нам сформировать следующие рекомендации.

При создании дистанционных курсов, предусматривающих возможность индивидуального характера обучения, целесообразно учитывать следующие требования:

1) желательно разделить материал на обязательный для изучения всеми студентами и изучаемый по выбору углубленно, сопроводив комментариями о сферах его применения;

2) выстраивание иерархической системы модулей, которая определит возможность перехода от одной части учебного материала к другой; это позволит выстроить индивидуальную траекторию обучения, не пересматривая каждый раз структуру курса;

3) в содержании учебного курса должны быть предусмотрены разные формы подачи материала с учетом ведущего канала восприятия; это позволит учитывать особенности познавательных потребностей различных категорий лиц, в первую очередь – с ограниченными возможностями здоровья;

4) содержание учебного курса должно предусмотреть разную степень сложности подачи материала с учетом уровня базовой подготовки;

5) содержание учебного курса должно включать формы контроля и самоконтроля в освоении учебного материала.

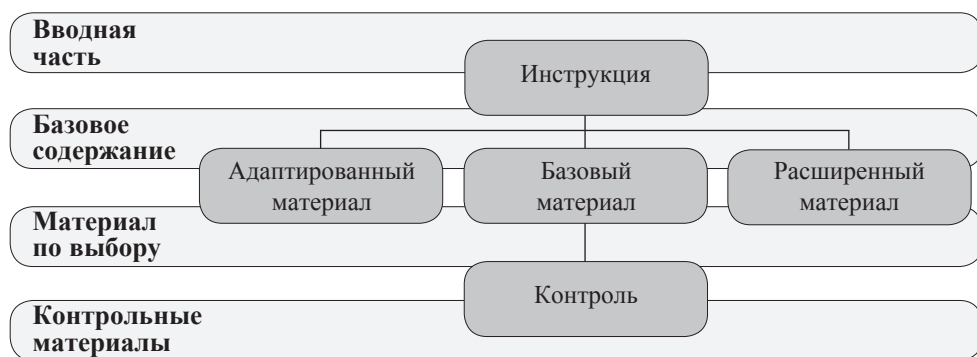

Можно выделить четыре вида учебно-методического обеспечения. Во-первых, студента необходимо сориентировать в направленности учебного курса в целом и отдельных его тем. Помочь выстроить индивидуальную траекторию обучения, дать рекомендации для выполнения предлагаемых видов работ и освоения особенностей отдельных тем курса.

Во-вторых, студентам предлагается материал, обязательный для изучения. При этом определяются форма и уровень сложности подачи материала.

В-третьих, после освоения обязательного материала или параллельно с ним студент изучает материал, индивидуально определенный. Организация представления содержания данной части курса строится по тем же принципам, что и в предыдущей.

В-четвертых, разрабатываются средства контроля, которые позволят независимо от выбранного уровня сложности изучения материала определить уровень овладения студентом компетенциями, предусмотренными данным курсом.

Кроме того, для коррекции существующих в обучении проблем рекомендуется применять активные методы, стимулирующие познавательную деятельность обучающихся, они строятся в основном на диалоге, предполагающем свободный обмен мнениями о путях разрешения той или иной проблемы, характеризуются высоким уровнем активности учащихся. Именно такое обучение сейчас общепринято считать «наилучшей практикой обучения». Исследования показывают, что именно на активных занятиях – если они ориентированы на достижение конкретных целей и хорошо организованы – учащиеся часто усваивают материал наиболее полно и с пользой для себя [2].

Эксперименты по применению активных методов обучения в учебном процессе студентов с особыми педагогическими потребностями только начались, и их результаты будут представлены в следующем сборнике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Вытовтова Н. И.* Преподавание дисциплины «Естественнонаучные основы технико-информационного обеспечения юридической деятельности» с применением дистанционных образовательных технологий // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода / Гл. ред. М. К. Каминский;

редкол.: Г. М. Камашев, А. В. Любовицкий. М-во образования и науки РФ. ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Ин-т права, соц. упр. и безопасности. Ижевск: Justest, 2013. Вып. 13. С. 21–25.

2. Грудзинская Е. Ю. Активные методы обучения в высшей школе / Грудзинская Е. Ю., Мариго В. В. Нижний Новгород, 2007. 182 с.

3. Baranov A. A. Features of the development of distance learning courses for students with specific pedagogical needs [Электронный ресурс] / Baranov A. A., Naimova T. A., Vytovtova N. J. // International scientific-practical conference “Innovations in science, technology and the intergration of knowledge”: 27–28 February 2014, London. London, 2014. P. 129–136.

Поступила в редакцию 28.11.2014

T. A. Naumova, N. I. Vytovtova

Education of People with Special Education Needs in the Udmurt State University

The article presents the results of the first phase of research on the project ‘Creation of educational technology distance education of persons with disabilities’, that is funded by the RFH. The necessity to take into account peculiarities of students, including physical abilities in development courses and training is proved. The article shows the results of the preparatory phase of the creation of the educational technology – psychological and pedagogical research in the experimental group of students. Also the article reflects organizational-methodological and pedagogical requirements for distance courses for the specialty ‘Jurisprudence’.

Keywords: distance education, students with special needs, inclusive education, e-learning resources.

Наумова Татьяна Альбертовна,

кандидат психологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: nta64@yandex.ru

Вытовтова Надежда Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: nadivit@rambler.ru

Naumova Tatyana Albertovna,

Candidate of Sciences (Psychology), Assistant Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: nta64@yandex.ru

Vytovtova Nadezhda Igorevna,

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: nadivit@rambler.ru

Л. Е. Кириллова

**ВКЛАД Л. И. КАЛИНИНОЙ В УГОРСКОЕ
И ФИННО-ПЕРМСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
(к 80-летию со дня рождения)**

Людмила Иосифовна Калинина родилась 14 марта 1933 г. в д. Наговицыно (удм. Койпи) Балезинского р-на УАССР в крестьянской семье. Семья была большая – 7 человек: родители и пятеро детей (четыре девочки и один брат). Люся была самым маленьким ребенком в семье. Родители Иосиф Григорьевич и Мария Михайловна всю жизнь проработали в колхозе. Перед войной отец работал бригадиром, затем – председателем колхоза. С первых дней войны отец ушел на фронт, чуть позже – и брат Евгений. Люсе тогда было 8 лет. Как и многим семьям, война принесла много горя и в дом Калининых. В 19 лет пропал без вести единственный брат. В 1943 г. пришло его последнее письмо из Москвы. За месяц до окончания войны

в апреле 1945 г. в боях у д. Грюндорф на реке Одер в Германии погиб отец.

В 1950 г. после окончания Балезинской средней школы Л. И. Калинина поступила на факультет иностранных языков Удмуртского педагогического института, в 1954 г. его закончила. Уже в студенческие годы в ней пробудился интерес к научно-исследовательской работе. Когда она написала курсовую работу на тему «Сравнение причастий удмуртского и немецкого языков», ее научный руководитель С. А. Сандлер попросил ее выступить на одном из заседаний научного студенческого кружка. Очень хорошо оценили ее работу и преподаватели, и студенты. А при окончании пединститута ее рекомендовали в аспирантуру.

Людмила Иосифовна поставила перед собой четкую цель: во что бы то ни стало поступить в аспирантуру. Была возможность испытать свои знания в Москве, но там не давали общежитие, а снимать квартиру ввиду материальных трудностей она не могла. В Ленинграде в тот год не было приема в аспирантуру

по специальности «немецкий язык». Преподаватели Удмуртского пединститута посоветовали ей поехать в Томск. Так Людмила Иосифовна оказалась в далеком сибирском городе. Она сдала все экзамены, но не прошла по конкурсу. Вернувшись в Ижевск, устроилась в Удмуртский пединститут, на кафедру немецкого языка, где работала ассистентом весь учебный год.

На следующий год Л. И. Калинина снова решила испытать свое счастье и успешно поступила в аспирантуру при кафедре немецкого языка и общего языкознания Томского педагогического института. В аспирантуре она хотела продолжить тему по причастиям удмуртского и немецкого языков, которой занималась в студенческие годы. Но ее научный руководитель, доктор филологических наук профессор Андрей Петрович Дульзон, лингвист, археолог, этнограф, известный специалист по языку поволжских немцев, немецкой диалектологии, индоевропеистике, позже по языкам, культуре и истории коренных народов Сибири (кетскому, селькупскому, тюркским) и топонимике Сибири, дал ей другую тему для исследования. Дело в том, что в Томске по инициативе и под руководством А. П. Дульзона была разработана перспективная и уникальная исследовательская программа по изучению проблем происхождения сибирских народов и их языков. «Это была первая программа, планирующая охватить систематическим комплексным (археологическим, этнографическим, антропологическим, лингвистическим) обследованием все малые народы Томской области» [3. С. 6]. Ученый хорошо понимал, что почти повсеместная русификация аборигенного населения способствует ассимиляции и исчезновению самобытной культуры и языка малых народов Сибири. Заслугой профессора А. П. Дульзона является и создание в Томске самого крупного топонимического центра страны в 1950–1970-е гг. [3. С. 7]. Выдвинутая проблема изучения происхождения коренных народов Сибири и их языков открывала широкие возможности для комплексных научных изысканий. Распределение научных тем исследований по топонимике и языкам сибирских народов проходило в соответствии с единой программой томской школы А. П. Дульзона [2. С. 16]. Аспиранты под его руководством с середины 1950-х гг. стали целенаправленно заниматься лингвистико-этнографическим исследованием данной проблемы [1. С. 12–13]. И то что Л. И. Калинина под руководством профессора А. П. Дульзона начала исследовать хантыйскую топонимию, было не случайным, что подтверждает в своей работе и Т. В. Галкина: «Топонимические работы Л. И. Калининой, Э. Г. Беккер... и других служили составной частью единой программы по изучению топонимики Западной Сибири» [2. С. 16]. Научный руководитель, возможно, уже тогда увидел в своей аспирантке способного и перспективного исследователя. Он порекомендовал ей на выбор две темы: термины родства и топонимия хантов. Обе неизученные и совершенно новые не только для аспирантки, но и вообще в угорском языкознании. Чтобы легче было определить для себя тему, аспирантка поехала в экспедицию по Оби и Васюгану. В течение почти двух месяцев полевой работы она собирала материал и по терминам родства, и по топонимии. Но больший интерес проявила к географическим названиям, хотя А. П. Дульзон предпочел бы занять ее терминами родства. Без знания хантыйского языка непросто ей было собирать материал, тем более что некоторые информанты не знали русского языка. Однако ее настойчивость

и целеустремленность перебороли все. Чтоб изучить язык и собрать полноценный материал для диссертации, она несколько раз выезжала в экспедиции в хантыйские деревни. Один раз поехала к хантам на всю зиму до лета. Не легко было ездить по деревням в условиях суровой сибирской зимы. Но одержимая идеей собрать как можно больше материала по хантыйской топонимии, она не отступала. Более того, в зимнее время ездила и на рыбный промысел вместе с местными жителями, и мерзла на санях по дороге в дальнюю деревню. Экспедиции еще больше закалили характер молодого исследователя, способствовали выработке настойчивости, упорства в достижении поставленной цели, что характерно для истинного ученого.

На основе многочисленных полевых исследований, а также изучения большого количества печатных и рукописных карт разного времени Л. И. Калинина опубликовала ряд статей по хантыйской топонимии, в которых сделала попытку проследить по географическим названиям границы обитания дорусского населения (ханты и селькупы) на территории левобережья Средней Оби (бассейн реки Васюган), подробно рассматривая их с семантической и структурной точки зрения, раскрывая их специфику [6. С. 112–124; 7. С. 28–29; 10. С. 127–143], выявляя ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири [8. С. 211–215], анализируя устные и письменные формы хантыйских топонимов [9. С. 190–210].

В 1962 г. Л. И. Калинина успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Хантыйские топонимы Западной Сибири» [11; 12]. Диссертацию составляют 3 толстых тома. Первый – текст собственно диссертации объемом 189 страниц + карты с указанием топоформантов. Во второй том под названием «Материалы по топонимике и языку васюганских хантов» включены словарь диалектных слов (132 с.) и список топонимов (32 с.). Третий том («Топонимы Томской области») содержит все выявленные и зафиксированные автором топонимы, получившие объяснение с точки зрения их этимологии.

Диссертация основана на материале письменных источников, многочисленных изданных и рукописных карт, полевых данных, собранных автором в 1956–1958 гг. в бассейнах рек Васюган и Юган. Хантыйские топонимы, зафиксированные в живом употреблении, рассматриваются в структурном и семантическом аспектах, а также в плане сопоставления их устных и письменных форм; устанавливаются основные типы хантыйских топонимов и ареалы их распространения в Западной Сибири, предпринимается попытка выяснить границы прежнего обитания ханты по данным топонимии; особое внимание уделено выявлению закономерностей русской адаптации хантыйских топонимов.

Л. И. Калинина составила весьма подробную карту хантыйских топонимов Западной Сибири, на которой обозначены реки и озера огромного региона и выявлены основные гидронимические ареалы, в частности распространения хантыйских названий рек на *-јаха*, *-јоуан*, *-јауун*, *-јыуэй* и озер на *-эмтор*, *-лор*, *-тох*, *-тор*. Кроме того, зафиксировано несколько гидронимов бассейна Казым. Как отмечает Т. Н. Дмитриева, «это первое обобщающее исследование по топонимии ханты» [4. С. 39–40].

В работах Л. И. Калининой представлены также диалектные тексты в виде хантыйских сказок, записанных транскрипцией, с переводом на русский язык и отражающих особенности разговорной речи ханты [13. С. 88–95; 14. С. 46–60]. Особенно ценны они тем, что прежде еще не было публикаций хантыйских диа-

лектных текстов. Позднее сказки, записанные Л. И. Калининой в хантыйских селениях Томской обл., опубликованы в Висбадене с переводом на немецкий язык Й. Эрдеди (*J. Erdődi*) и И. Кечкемети (*I. Kecskeméti*) [44. С. 156–162] в Будапеште – с переводом Ласло Хонти (*L. Honti*) на венгерский язык [45. С. 126–164].

В сибирский период своего творчества Людмила Иосифовна активно участвует в работе ряда конференций по топонимике: в Киеве (1965), Ленинграде (1965), Риге (1966), – устанавливая новые контакты с ведущими топонимистами других регионов. В различных сборниках публикуются ее тезисы и статьи, в которых рассматриваются вопросы передвижения и расселения угорских народов по данным гидронимии [15. С. 215–217; 19. С. 152–155] и адаптации русским языком хантыйских топонимов [16. С. 210–212; 18. С. 175–182], кроме того, описываются словообразовательные типы в гидронимии различных языков [17. С. 34–36].

Материалы научных изысканий Л. И. Калининой, в частности четыре ее статьи по хантыйской топонимии [8. С. 211–215; 9. С. 190–210; 10. С. 127–143; 16. С. 210–212], были использованы при составлении «Словаря географических терминов и других слов, встречающихся в мансийских, хантыйских и селькупских топонимах» [43].

Небольшая по объему статья Л. И. Калининой «О географическом термине тор и его вариантах» [20. С. 109–113] востребована не только удмуртскими, но и коми, марийскими и др. топонимистами. Рассматривая ареалы распространения топонимов Западной Сибири и Западного Приуралья с нарицательными терминами *тур, тор, лор, сор, шор* и *шур*, она анализирует также географические названия Удмуртии на *шур*, отмечая, что *шур* часто встречается в названиях населенных пунктов. Так, по ее подсчетам, количество таких ойконимов (данные административно-территориального деления Удмуртской АССР на 1965 г.) составляло 243 названия, например: *Андрейшур, Такашур, Шур, Ярошур, Чебершур* и мн. др., это примерно 6,7 % от общего числа ойконимов [20. С. 109].

По окончании аспирантуры Людмила Иосифовна 9 лет проработала на кафедре немецкого языка и общего языкознания Томского пединститута, сначала ассистентом, затем – старшим преподавателем; вела практические занятия по немецкому языку, читала лекции по лексикологии и истории немецкого языка. В 1965 г. ей присвоили ученое звание доцента.

Людмила Иосифовна хорошо вписалась в коллектив Томского пединститута, снискала заслуженное уважение коллег за добросовестное отношение к работе, хорошую научную, учебную и общественную работу. Ее студенты занимали призовые места за интересные научные работы.

Однако душа удмуртской женщины тосковала по родине, она жила мыслями о возвращении в родной Ижевск, ведь в далеком сибирском городе она не слышала родного удмуртского языка. В 1967 г. Л. И. Калинина возвращается в Ижевск и начинает работать в Удмуртском научно-исследовательском институте, вначале старшим научным сотрудником, затем заведующей сектором (1969–1972) языка. Она предполагала и дальше продолжить научные исследования по топонимике, но теперь уже – удмуртской. Для этого у нее уже была прекрасная научная база – опыт научного исследования топонимии, хорошая практика экспедиционной работы. Между тем заведующий тогда сектором языка В. И. Алатырев предложил ей

занияться разработкой неизученных вопросов грамматики, полагая занятие топонимикой несерьезным делом, поскольку в то время острым был вопрос о создании стабильных учебников удмуртского языка. А для этого требовалось разработать теоретические проблемы фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии, терминологии и перевода. Возможно, институт и удмуртское языкознание в лице Л. И. Калининой потеряли прекрасного специалиста по удмуртской топонимике.

Между тем Л. И. Калинина активно включилась в коллективную разработку сектором научной грамматики удмуртского языка. О синтаксисе простого предложения ею совместно с В. И. Алатыревым был подготовлен раздел «Виды грамматических связей между словами» [21. С. 8–13]. В книге по синтаксису сложного предложения написанного ею раздела нет, но она участвовала в подготовке книги к изданию совместно с В. М. Вахрушевым и В. Н. Захаровым [5].

Важное место в ее научном творчестве занимают работы о сложноподчиненных предложениях, в частности с определительным придаточным и с изъяснительным [26. С. 46–50; 34. С. 100–102; 36. С. 32–36]. Она подробно описала причастия на *-(и)сь*, *-(е)м*, *-мон*, *-мын*, *-о(н)*, *-о(но)* [22. С. 32–35; 23. С. 122; 25. С. 111–122; 27. С. 58–64; 28. С. 544–546; 31. С. 59–66; 32. С. 42–49; 33. С. 84–199], субъектные причастные и отглагольно-именные конструкции [24. С. 92–93; 29. С. 81–86], рассмотрела абстрактную терминологию в современном удмуртском языке [30. С. 67].

В составе лексикографической группы Л. И. Калинина разрабатывала и подготовила к изданию некоторые разделы «Удмуртско-русского словаря» (буквы С, Ч, Ш, Ы – совместно с В. М. Вахрушевым, С. В. Соколовым, А. Н. Кузнецовым) [37].

Таким образом, за пять лет работы в институте она участвовала в составлении «Удмуртско-русского словаря», занималась исследованием вопросов грамматики удмуртского языка, выпуском тематических сборников, в которых публиковались и ее статьи.

Большое впечатление произвели на нее встречи с ведущими финно-угроведами, среди которых у нее было много друзей; к сожалению, не все уже живы. В 1972 г. ей посчастливилось присутствовать в Будапеште на праздновании 100-летия финно-угорской кафедры Университета Э. Лоранда. Заведующим тогда был Д. Лако. В юбилейном торжестве участвовали ведущие финно-угроведы. Людмила Иосифовна поздравила венгерских коллег от имени УдНИИ и УдГУ на венгерском и удмуртском языках. Дьёрдь Лако прослезился. Когда у него спросили, чем вызваны его слезы, он ответил, что впервые здесь прозвучала речь на удмуртском языке.

В 1972 г. Л. И. Калинина перешла в УдГУ на кафедру немецкой филологии, где с перерывом (1976–1978 гг. – в Ижевском сельхозинституте) работала в должности доцента вплоть до ухода на пенсию в январе 1990 г. Она читала теоретические курсы по лексикологии, теоретической грамматике, истории немецкого языка, введение в германскую филологию. Повышала квалификацию на двух- и пятимесячных курсах немецкого языка в Эрфурте и Лейпциге, в МГПИ им. В. И. Ленина (1980), на летних курсах венгерского языка в Дебрецене. Хотя большую часть времени в УдГУ она преподавала немецкий язык, но не оставляла в стороне и удмуртский. Вела спецкурс по сопоставительной грамматике немецкого и удмуртского языков, руководила курсовыми и дипломными работа-

ми, посвященными сопоставительному изучению языковых явлений, прививала студентам интерес к родному языку. Яркий пример тому – Е. В. Назарова, бывшая дипломница Людмилы Иосифовны, подготовившая и издавшая учебник «Удмурт кыл» в Москве. Уже опубликовано и 2-е издание этой книги [42].

В 1991–92 гг. в должности старшего научного сотрудника Л. И. Калинина работала в Лаборатории истории и культуры финно-угорских народов Приуралья УдГУ (зав. А. А. Разин), с 1992-го по 2009-й – в Лаборатории лингвистики (ныне Лаборатория лингвистического картографирования и исторической лексикологии УдГУ (зав. Р. Ш. Насибуллин), была в числе составителей словаря русских заимствований в удмуртском языке послеоктябрьского периода; занималась сбором материала из разных источников.

Итог ее многолетних исследований причастий удмуртского языка – монография «Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке», вышедшая в 2001 г. [38], где освещается наиболее сложный и прежде не разработанный вопрос. Дается общее понятие о причастии, причем, впервые в удмуртском языкознании в наибольшей полноте описываются вопросы происхождения и развития причастий, представлена морфологическая и синтаксическая характеристика причастий и причастных конструкций, подробно описываются отличие и принципы разграничения их от других частей речи, а также основные признаки причастий.

Представленная ею на таблицах квантитативно-статистическая характеристика причастий наглядно показывает частотность употребления причастий как в произведениях различного характера (художественная литература, публицистика и пресса), так и у разных писателей. Сравнивая употребляемость причастий в удмуртском и коми языках, автор отмечает, что в них наблюдается примерно одинаковая картина, тоже доказывающая генетическое родство языков. Исследование включает в себя богатейший иллюстративный материал из словарей удмуртского языка, произведений художественной литературы, фольклорных текстов, газет и журналов.

Монографией, учебными пособиями и научными статьями научная деятельность Людмилы Иосифовны далеко не исчерпывается. Ею написаны рецензии на книгу Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» [39], совместно с В. К. Кельмаковым – на «Уральский этимологический словарь», подготовленный сотрудниками сектора финно-угорских (уральских) языков Института языкознания Венгерской академии наук под руководством Кароя Редэи [40].

Одно из направлений в творчестве юбиляра – переводческая деятельность. Это непростая и порой невидимая работа, требующая много времени и сил. Отметим сборник докладов удмуртских ученых к международному конгрессу финно-угроведов 1970 г. [41], включающий в себя статьи В. И. Алатырева, Ф. К. Ермакова, П. К. Поздеева, В. Е. Владыкина, Г. Т. Живаевой (Кондратьевой). Переводы публикации выполнены Г. П. Штерновой и Л. И. Калининой. Людмила Иосифовна неоднократно переводила тезисы докладов научных сотрудников и преподавателей к финно-угорским конгрессам.

Она участница многих всесоюзных конференций по ономастике, финно-угроведению; международных конгрессов финно-угроведов в Таллине (1970) и Сыктывкаре (1985).

Л. И. Калинина внесла заметный вклад не только в пермское, но и в угорское языкознание. Ее творчество четко подразделяется на два периода: сибирский

и удмуртский. В далеком сибирском городе Томске началось ее становление как ученого, дальнейшие научные исследования связаны с Ижевском.

Еще одна страница жизни нашего юбиляра – это увлечение спортом. Начинала она с коротких пробежек по утрам, затем стала заниматься в группе здоровья. И кто бы мог подумать, что в этой скромной удмуртской женщине столько сил, упорства и воли, о чем говорят яркие факты: она каждый год купалась в проруби, много раз участвовала в лыжных гонках, еще недавно участвовала в марафонских и полумарафонских пробегах на 10, 15 и даже 42 км. Часто занимала призовые места. География ее участия в соревнованиях широка: Ижевск, Можга, Глазов, Сарапул, Казань, Москва, Санкт-Петербург и др. Об этом красноречиво говорят ее многочисленные награды и призы (общее количество спортивных наград – 56). Сейчас она активно занимается скандинавской (финской) ходьбой.

Л. Е. Калинина – ветеран труда РФ (1987), ветеран труда УдГУ (2006), заботливая мама и бабушка.

Дорогая Людмила Иосифовна! Мы от всей души поздравляем Вас с юбилеем. Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, успешной реализации жизненных и творческих планов, прекрасных лыжных трасс и беговых дорожек!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Галкина Т. В.* Слово об ученом и педагоге (Стратегия и технология научно-педагогического процесса Томской лингвистической школы А. П. Дульзона в 1940–1970-е гг.) // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). Томск, 1999. Вып. 4 (12)*99. С. 9–15.

2. *Галкина Т. В.* Генеалогия Томской лингвистической школы А. П. Дульзона // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). Томск, 1999. Вып. 4 (12)*99. С. 15–18.

3. *Галкина Т. В.* А. П. Дульзон: вехи жизни / Галкина Т. В., Осипова О. А. // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). Томск, 1999. Вып. 4 (12)*99. С. 3–8.

4. *Дмитриева Т. Н.* Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 580 с.

5. Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974. 168 с.

6. *Калинина Л. И.* О некоторых вопросах топонимии левобережья Средней Оби // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. 18. Томск, 1959. С. 112–124.

7. *Калинина Л. И.* Хантыйские топонимы Васюгана // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. С. 28–29.

8. *Калинина Л. И.* Ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. 19. Вып. 2. Томск, 1961. С. 211–215.

9. *Калинина Л. И.* Сравнение устных и письменных форм хантыйских топонимов Васюгана // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. 19. Вып. 2. Томск, 1961. С. 190–210.

10. *Калинина Л. И.* Хантыйские топонимы Васюгана // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. 20. Вып. 2. Томск, 1962. С. 127–143.

11. *Калинина Л. И.* Хантыйские топонимы Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Томск. гос. ун-т. Томск, 1962. 17 с.

12. *Калинина Л. И.* Хантыйские топонимы Западной Сибири: дис. ... канд. филол. наук / Томск. гос. ун-т; науч. рук. А. П. Дульзон. Томск, 1962.

13. Калинина Л. И. Хантыйская сказка // Языки и топонимия Сибири I. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966. С. 88–95.
14. Калинина Л. И. 'Колым пау «Три сына» (Хантыйская сказка) // Языки и топонимия Сибири III. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 46–60.
15. Калинина Л. И. Древние передвижения угров по данным гидронимов // III Республіканська ономастична (гідронімічна) конференція (Тези). Київ, 1965. С. 215–217.
16. Калинина Л. И. Приемы адаптации русским языком хантыйских топонимов // Всесоюзная конф. по топонимике СССР, 28 января – 2 февраля 1965 г.: тезисы докладов и сообщений. Л., 1965. С. 210–212.
17. Калинина Л. И. Словообразовательные типы в гидронимии разносемейных языков // Конф. по топонимике северо-зап. зоны СССР: тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966. С. 34–36.
18. Калинина Л. И. Русская адаптация хантыйских топонимов // Топонимика Востока: Исследования и материалы. М.: Наука: Гл. ред. вост. литературы, 1969. С. 175–182.
19. Калинина Л. И. Гидронимия как источник изучения древних передвижений угров // Питання гідронімії: Матеріали III Республіканської ономастичної (гідронімічної) наради. Київ: Наукова думка, 1971. С. 152–155.
20. Калинина Л. И. О географическом термине *тор* и его вариантах // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 109–113.
21. Калинина Л. И., Алатырев В. И. Виды грамматических связей между словами // Грамматика современного удмуртского языка: синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия, 1970. С. 8–13.
22. Калинина Л. И. Синтаксические функции отглагольных образований на -м в удмуртском языке // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: тезисы докладов и сообщений, май–июнь 1969 г. Йошкар-Ола, 1969. С. 32–35.
23. Калинина Л. И. Синтаксические функции причастий на -(и)сь в удмуртском языке // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinn, 17.–23.VIII.1970. Tallinn, 1970. Т. 1: Тезисы. С. 122.
24. Калинина Л. И. Субъектные причастные и отглагольно-именные конструкции в удмуртском языке // Вопросы советского финно-угроведения: Языкознание: тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвящ. 50-летию образования СССР. Саранск, 1972. С. 92–93.
25. Калинина Л. И. К вопросу об употреблении причастий на -(и)сь в сочетании с глаголом *луыны* // Вопросы удмуртского языкознания : сб. статей и материалов. Ижевск, 1973. Вып. 2. С. 111–122.
26. Калинина Л. И. Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными // Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. Ижевск: Удмуртия, 1974. С. 46–50.
27. Калинина Л. И. Адъективация причастий на -(и)сь // Вопросы удмуртского языкознания: сб. статей. Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 58–64.
28. Калинина Л. И. Синтаксические функции причастий на -(и)сь в удмуртском языке // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum, Tallinnae habitus, 17–23.VIII.1970. Tallinn, 1975. Р. 1. Acta linguistica. С. 544–546.
29. Калинина Л. И. Субъектные причастные и отглагольные именные конструкции в удмуртском языке // Вопросы финно-угроведения. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. Вып. VI. С. 81–86.
30. Калинина Л. И. Абстрактная терминология в современном удмуртском языке // Вопросы финно-угроведения: тезисы докладов на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов, июнь, 1979. Сыктывкар, 1979. Вып. 1. С. 67.

31. Калинина Л. И. Категориальная сущность причастий на -(о)н // Вопросы грамматики удмуртского языка: сб. статей. Ижевск, 1984. С. 59–66.
32. Калинина Л. И. Употребление удмуртской формы отглагольного имени на -(о)но в предикативной функции // СФУ. 1984. Т. 20, № 1. С. 42–49.
33. Калинина Л. И. Причастия на -мон в удмуртском языке // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: сб. статей. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 84–199.
34. Калинина Л. И. Синтаксические синонимы определительных придаточных предложений в удмуртском языке // XVII Всесоюз. финно-угорск. конф.: тезисы докладов. Устинов, 1987. Ч. 1. Языкознание. С. 100–102.
35. Калинина Л. И. Фокош-Фукс о неличных формах удмуртского глагола // Венгерские ученые и пермская филология: сб. статей. Устинов, 1987. 118–120.
36. Калинина Л. И. Синтаксические синонимы определительных придаточных предложений в удмуртском языке // Вопросы грамматики и контактирования языков: сб. статей. Ижевск, 1990. С. 32–36.
37. Удмуртско-русский словарь / Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. язык, 1983. 592 с.
38. Калинина Л. И. Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2001. 182 с.
39. Калинина Л. И. // СФУ. 1973. Т. 9, № 1. С. 73–74.
40. Калинина Л. И. Об «Уральском этимологическом словаре» / Калинина Л. И., Кельмаков В. К. // Венгерские ученые и пермская филология: сб. статей. Устинов, 1987. С. 181–191.
41. Über die Forschungen der Udmurtische Kultur. Ishewsk, 1970. 98 с. (Перевод Г. П. Штерновой и Л. И. Калининой).
42. Назарова Е. В. Удмурт кыл: дышетскон книга / 2-е изд., испр. и доп. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. 496 с.
43. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в мансийских, хантыйских и селькупских топонимах / Сост. Л. И. Розова, Л. А. Доможиров, ред. В. С. Ши рокова; ГУГК при Сов. Мин. СССР. М., 1973. 106 с.
44. Erdödi J. Ein Märchen im Vasjugan-dialekt des Ostjakischen / Erdödi J., Kecskeméti I. // Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden, 1970. Band 42, Heft 1–4. S. 156–162.
45. Honti L. Vaszjugáni osztják szövegek [Vasjugan Ostjak Texts] // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 1982. 84. Kötet, 1. szám. Old. 126–164.

Поступила в редакцию 27.11.2014

Кириллова Людмила Евгеньевна,

кандидат филологических наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: kirlud@rambler.ru

Kirillova Lyudmila Yevgenyevna,

Candidate of Sciences (Philology),
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: kirlud@rambler.ru

Э.-Ю. Салминен

СКРОМНАЯ, ТРУДОЛЮБИВАЯ, УСПЕШНАЯ
(к 60-летию со дня рождения Сиркки Сааринен)

Сиркка Сааринен родилась 21.12.1954 г. в г. Турку Финляндии. После школы поступила в Туркуский университет изучать финно-угроведение. Окончила магистратуру в 1979 г., тема магистерской работы (pro gradu) – «Tšeremissin aistiverbien sekä diktiivisten ja kognitiivisten verbien lause- ja nominaalirakenneobjekteista» («О фразовых и номинально-объектных конструкциях при глаголах, выражающих чувства, а также при диктивных (выражающих говорение) и когнитивных (выражающих познание) глаголах в марийском языке»), что было естественно: тогда научные интересы туркуских финно-угроведов, в том числе тогдашних профессоров Алхо Алхониemi и Эевой Кангасмаа-Минн, были сосредоточены на исследовании марийского языка.

В 1980–81 гг. С. Сааринен работала ассистентом финно-угроведения туркуского университета. С 1981-го – научный сотрудник Научно-исследовательского центра языков Финляндии (Kotus), конкретным местом ее работы была кафедра финно-угроведения Туркуского университета. Сам центр находится в Хельсинки, а два больших лексикографических проекта, финансируемые Центром (крупные диалектологические словари марийского [«Tscheremissisches Wörterbuch», 2008] и мансийского языков), нашли подходящее место осуществления в Туркуском университете. С. Сааринен много лет работала над словарем марийского языка.

В 1991 г. она успешно защитила диссертацию на звание доктора философии о языке марийских загадок («Marilaisen arvoituksen kielioppi»).

С 1997 г. по настоящее время работает профессором финно-угроведения Туркуского университета.

Таков путь в науку одного из ведущих финно-угроведов нашего времени. С. Сааринен остается верной своему любимому Турку, никуда не переехала, но при этом она всегда много путешествовала, активно участвовала в мероприятиях, конференциях и симпозиумах по финно-угроведению. Охотно поддерживает связи с коллегами за рубежом. Для нее характерны стабильность, спокойствие; кажется, никогда ей не надо было себя искать, всегда идет ровно вперед, как танк через пустыню.

Наверно, на ее успешную карьеру существенно повлиял именно упорный многолетний труд над словарем марийских диалектов. Она рано поняла, что финно-угроведение – не пустая лингвистическая теория, а наука, которая опирается на конкретные данные финно-угорских языков. Все результаты и выводы придется доказывать конкретными материалами. До сих пор С. Сааринен занимается больше всего марийским языком, но уже давно она интересуется и мордовскими языками. Когда с 1988 г. в Финляндию начали приглашать из России лекторов родственных языков, С. Сааринен охотно участвовала на курсах по языкам, с которыми она была меньше знакома.

Так, в 1992–94 гг. В. К. Кельмаков преподавал удмуртский язык в Финляндии и С. Сааринен на профессиональном уровне стала заниматься еще одним языком – удмуртским. Это, несомненно, один из факторов, обусловивших основание и развитие Сектора исследования языков народов Поволжья Туркуского университета (<http://www.utu.fi/fi/yksikot/hum/yksikot/volga/esittely/Sivut/home.aspx>) как центра исследования мордовских, марийского и удмуртского языков в Финляндии.

Уже в 1994 г. вышла солидная совместная работа В. Кельмакова и С. Сааринен об удмуртских диалектах «Udmurtin murteet». Сааринен сама исследовала волжские и пермские языки и фольклор. Некоторые ее труды посвящены эпосам финно-угорских народов. С фольклором и языком связана ее докторская работа. Она опубликовала также монографию о фольклоре финно-угорских народов («Suomalais-ugrilaisten kansojen folklore», 1990).

Некоторые ее труды – общего финно-угорского или сравнительного характера. Если говорить о рецензиях Сааринен на научные публикации, то сфера ее интересов предстанет еще более широкой: многие исследования самских и прибалтийско-финских языков и культур рецензируются именно ей.

Удивительно, как успешно Сааринен и ее коллегам удалось защитить Сектор исследования языков народов Поволжья и повысить уровень профессиональности его деятельности; вообще – сохранить специальность «финно-угроведение» в Туркуском университете в нынешних жестких условиях глобализации и оптимизации (хотя количество ставок Сектора остается до сих пор, к сожалению, самым минимальным: 1–2). Сектор не только выпускает сборники, монографии, словари и т. д., но и предоставляет услуги исследователям в виде общедоступных корпусов для всех желающих финно-угроведов.

В 1993 г. в Турку возникла традиция проведения симпозиумов по проблемам языков народов Поволжья. С. Сааринен, естественно, является членом комитета этих симпозиумов, проводимых каждые два-три года в Турку, Деврецене или в одном из университетов Волго-Камского региона. Сотрудничество Сааринен с зарубежными коллегами активное и плодотворное. Ежегодно она приглашает и принимает множество студентов, аспирантов и коллег из Волго-Камского региона через разные программы для работы в Туркуском университете. Вместе с удмуртскими коллегами она составила довольно масштабные удмуртско-финский («Udmurttalais-suomalainen sanakirja», 2008) и финско-удмуртский («Suomalais-udmurttalainen sanakirja», 2013) словари. За успехи в развитии сотрудничества между Туркуским университетом и УдГУ С. Сааринен в 2012 г. вручили награду УдГУ.

Центральные темы работ Сааринен – деривация поволжских финно-угорских языков, лексикология волжских и пермских языков, послелогии марийского и мордовских языков, положение финно-угорских языковых меньшинств в России и история исследования финских финно-угроведов в кон. XIX и нач. XX в. С. Сааринен сотрудничает также с венгерскими коллегами, которые преподают венгерский язык в Туркуском университете. Вместе с Гизелла Лабади, а позже с Юдит Варгой она написала интересные сравнительные финско-венгерские работы, например, сопоставительный словарь фразеологизмов «Veikö kissa kielen? Finn-magyar frazeológiai szótár» (2000). За работы в области финно-угроведения и исследования венгерского языка, а также поддержку в преподавании венгерского языка она награждена в 2013 г. почетной наградой Венгрии.

Как профессор, С. Сааринен, конечно, не только исследует, но и преподаёт различные теоретические курсы общего финно-угроведения и отдельных финно-угорских языков в Туркуском университете. Она читала курсы лекций по языкознанию и фольклористике в Будапештском, Гёттингенском, Мюнхенском, Удмуртском и Упсальском университетах.

Наш юбиляр – главный редактор двух научных журналов – «Finnisch-Ugrische Forschungen» и «Sananjalka». Много лет она была членом правления и зам. директора Общества М. А. Кастрена. Кроме того, является членом исполкома Международного комитета конгрессов финно-угроведов и членом правления Финно-угорского культурного фонда «Suomalais-ugrilaisen kulttuurirahaston säätiö». Активный сотрудник и ответственная за Финляндию в проекте Лингвистический атлас Европы «Atlas Linguarum Europae (ALE)».

С. Сааринен – человек скромный. Если понадобится, критикует, но при этом ее критика всегда честная, прямая и деловая. Не позволяет себе излишних эмоций или предубеждений или же настроению (бывает ли у нее плохое?) повлиять на суждение. Поэтому ее мнение высоко оценивают зарубежные коллеги. Есть ли у нее какие-либо хобби и какие, об этом общедоступной информации нет.

От всей души поздравляем Сиркку Сааринен со славным юбилеем и желаем ей новых творческих успехов, достижений во всех областях ее деятельности и всех жизненных благ.

Помню один разговор, который демонстрирует ее преданность своему делу и настоящий уровень профессионализма. Это было летом 1994 г. во время официальной кофе-паузы недели (традиционно проводится по вторникам с началом в 13.00 ч). С. Сааринен слегка раздраженно объяснила, как относятся к своей работе ИТ-эксперты университета. Они не знают и категорически не хотят знать ничего про компьютеры, которые не такого типа, к которому они привыкли. С. Сааринен добавила: «Если меня спрашивают (как эксперта по уральским языкам в проекте Лингвистического атласа Европы) что-нибудь про пермские языки, я не могу ответить, что не знаю, что я специалист по волжским языкам. Я ОБЯЗАНА ЗНАТЬ!»

Поступила в редакцию 20.12.2014

Салминен Эса-Юсси,
магистр философии, соискатель,
Туркуский университет
Финляндия, Мултия
E-mail: ejssalminen@gmail.com

Salminen Esa-Jussi,
Master of Philosophy
Turku University
Finland, Multia
E-mail: ejssalminen@gmail.com

ТЕПЛЫЕ ЛУЧИ ДУШЕВНОЙ КРАСОТЫ...

(Поздравляем юбиляра Анэтту Петровну Сидорову)

Анэтта Петровна родилась 20 ноября 1939 г. в с. Тыловой Дебесского р-на. Начала свою трудовую деятельность в библиотеке райкома партии с. Дебесы. В 1965 г. закончила Пермский Государственный университет им. А. М. Горького, в 1970-м – Свердловскую Высшую партийную школу. Работала в Министерстве культуры УР с 1972 по 1995 год в должности: замминистра (1972–1984) и министра (1984–1995), после чего вела вопросы культуры в Гос. Совете УР.

Как руководитель отрасли «культура», большое внимание уделяла развитию села: была инициатором централизации клубной системы и создания районных комплексов культуры; содействовала централизации библиотечной системы республики. За лучшую постановку библиотечного обслуживания населения Удмуртии, как победитель Волго-Вятской зоны, награждена переходящим Красным Знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. Занималась укреплением материально-технической базы, подготовкой и закреплением кадров в районах. По ее инициативе созданы Центр декоративно-прикладного искусства в Ижевске и Дома ремесел в районах.

Дебесский район – единственный в Удмуртии, где при содействии А. П. Сидоровой было приобретено здание для Школы-интерната для одаренных детей. Она помогала району открыть Дом ремесел и Музей. Оказывала помощь в развитии художественной самодеятельности, в популяризации любительских коллективов в республике и за ее пределами. При ее участии решались вопросы укрепления материально-технической базы, подготовки кадров. На бюджетной основе направ-

ляли на учебу в московские театральные вузы талантливую молодежь: Алексея Ложкина, Фаину Бугину, Валентину Бекманову.

Будучи членом землячества, Анэтта Петровна вышла с инициативой установить памятник народному артисту РСФСР Кузьме Алексеевичу Ложкину на его родине, в д. Заречная Медла. По гранту, полученному землячеством, в районную центральную библиотеку была передана компьютерная техника для создания центра общественных инициатив. Решением Совета депутатов МО «Дебесский район» от 24 апреля 2014 г. Анэtte Петровне было присвоено звание «Почетный гражданин Дебесского района».

Для нее 90-е годы были не только трудными, но и успешными, тогда в Удмуртии была создана сеть учреждений культуры и искусства, достойная родины П. И. Чайковского: симфонический оркестр, Государственный оркестр духовых инструментов, Удмуртский театр фольклорной песни «Айкай», Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел, Дом молодежи, а Государственный музыкальный театр был преобразован в Театр оперы и балета. Открыта республиканская школа-интернат для одаренных детей. Республиканская библиотека получила статус «Национальной». Целеустремленный и ответственный человек, она сумела организовать строительство общежития для работников культуры и искусства по улице Удмуртской в Ижевске, добились улучшения материальной базы для коллективов филармонии и ансамбля песни и танца «Италмас». При ней праздник «Гербер» получил статус республиканского.

По окончании срока полномочий в должности министра в кон. 90-х гг. Анэтта Петровна работала референтом постоянной комиссии по культуре и образованию в Госсовете УР. Как и раньше ей приходилось много общаться с людьми, готовить официальные документы, участвовать в законотворческой работе. Здесь пригодился многолетний опыт работы, накопленный на посту министра. В 2000 г. неожиданно для многих А. П. Сидорову назначили директором Театра оперы и балета УР. Конечно, было приятно, что ей доверили руководство таким большим творческим коллективом. Но вместе с тем на нее свалилась уйма проблем, и главная из них – нехватка финансов и огромные долги. Как вспоминает Анэтта Петровна: «Это была интересная, но довольно сложная работа». Но она быстро нашла взаимопонимание с коллективом, специалистами и сумела привлечь внимание руководителей республики, промышленных предприятий, коммерческих структур, министерства культуры РФ к театру. Одновременно пришлось взяться за репертуар, ремонт здания, формирование кадров. Коллектив балета впервые выезжал на гастроли в Москву и КНР.

Анэтта Сидорова продолжает работать. Больше десяти лет она – сотрудник УИИЯЛ УрО РАН. Сфера ее научных интересов – история и современное состояние культуры Удмуртской Республики. Одна из составителей отраслевой энциклопедии «Удмуртская Республика: культура и искусство», вышедшей в 2012 году, дополненной и исправленной в 2014. Это основательное издание об истории культуры Удмуртии и об известных артистах, художниках, писателях, композиторах, клубных, библиотечных, музейных работниках и т. д. А недавно вместе с коллегами она закончила работу над энциклопедическим справочником «Многонациональная сценическая культура Удмуртии». Его материалы

рассказывают о развитии театра на территории современной Удмуртии, начиная с кон. XIX в. и по сегодняшний день. В справочнике собраны статьи по истории и творческой деятельности театральных коллективов (драматических, хореографических, оперных и др.), биографические статьи. Представлено более 700 фотодокументов. Кроме того, Анэтта Петровна является членом Общественной палаты УР и занимается вопросами, связанными с развитием культуры и сохранением национального наследия. Она член ученого совета Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда и вновь созданного музея города Ижевска.

Нельзя не отметить склад характера этого человека: уравновешенность и трудолюбие, уважение к людям. В любой ситуации она всегда готова прийти на помощь. И по сей день ей звонят работники культуры. Рассказывают о своих удачах и сложностях. А главного дирижера симфонического оркестра Н. С. Роготнева она просто считает своим сыном. Наверное, неслучайно художники писали ее портреты, поэты посвящали ей свои стихи.

Признанием результатов работы явились звания «Заслуженный работник культуры России», «Заслуженный работник культуры УАССР». Она лауреат Государственной премии Удмуртской Республики и другие профессиональные награды.

*Коллеги, сотрудники Удмуртского института
истории, языка и литературы УрО РАН
и члены Федерации женщин творческих профессий,
Общественная палата УР*

Поступила в редакцию 25.11.2014

E-mail: rvkir@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 792(049.32)

А. Н. Голубкова

ЦЕННОЕ СПРАВОЧНОЕ ИЗДАНИЕ О ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ УДМУРТИИ

Энциклопедический справочник «Многонациональная сценическая культура Удмуртии», вышедший в 2014 г., – первое в регионе научно-справочное издание, посвященное театральному искусству. Его цель – раскрыть историю театральной культуры региона, начиная с кон. XIX в., рассказать о театрах разных видов, показать национальное многообразие.

Справочник подготовлен к изданию сотрудниками УИИЯЛ УрО РАН при содействии ведущих театроведов, специалистов в области истории искусства и культуры региона, творческих работников театров, деятелей Союзов писателей, журналистов, композиторов, художников. Главный редактор – доктор исторических наук, директор УИИЯЛ А. Е. Загребин.

Появлению книги предшествовала разработка положений об энциклопедических трудах и создании в Удмуртии постоянно действующей энциклопедической службы на базе УИИЯЛ УрО РАН. Будучи старейшим научным учреждением Удмуртии, институт осуществляет большую работу, связанную с публикацией культурного и исторического наследия, оставленного многими поколениями исследователей истории и культуры удмуртского народа. За период существования института накоплена богатая картотека словарного фонда, сложилась система подготовки кадров высокой квалификации, сформирована материально-техническая база, необходимая для эффективной работы коллектива.

Структуру издания книги составляют: Исторический очерк «Становление и развитие театрального искусства в Удмуртии»; Статьи по истории и творческой работе театров Удмуртии; Биографические статьи о театральных деятелях, удостоенных почетных званий, внесших существенный вклад в развитие театрального искусства; Хронологический справочник основных театральных событий; Список названий пьес, опер, балетов, оперетт и музыкальных комедий, связанных с работой театральных коллективов; Именной указатель деятелей театров, драматургов, композиторов, балетмейстеров, художников, занесенных в энциклопедический справочник (с указанием страницы); Именной указатель

авторского коллектива книги «Многонациональная сценическая культура Удмуртии»; Библиография.

Сценическая культура Удмуртии отражается в печати уже более 150 лет. В газетных изданиях, научных трудах фигурируют имена актеров К.А. Ложкина, В. К. Виноградовой, Г. И. Титова, драматургов М. П. Петрова, И. Г. Гаврилова, В. Е. Садовникова, С. П. Широбокова, Е. Е. Загребина, композиторов Н. М. Греховодова, Н. Е. Шкляева, Г. А. Корепанова, Г. М. Корепанова-Камского, Е. В. Копысовой и мн. др. Можно отметить, что изучение было выборочным. В некоторых работах приводится рассказ о театральных премьерах, рассматриваются сценическая история пьес удмуртских драматургов, жанровые особенности русской театральной драматургии.

Что нового мы видим в издании «Многонациональная сценическая культура Удмуртии»? Впервые сделан акцент на рассмотрении театра как многочисленного коллектива: артистов, оркестра, хора, балетного класса, нескольких цехов постановщиков (имеются в виду костюмы, декорации) и административных работников. Этим определились структура книги и необходимость показать фотоматериал, удивительно яркий, многоцветный, характеризующий отдельные сцены давно отшумевших премьер, костюмы тех лет, репетиции и современные оригинальные, иногда своеобразные спектакли.

Первый раздел книги «Многонациональная сценическая культура Удмуртии» знакомит нас со становлением и развитием театрального искусства в Удмуртии, приятно покоряя своей глубиной, собранностью и продуманностью (авторы А. Я. Евсеева, Н. Н. Пузанова, А. П. Сидорова).

Раздел начинается с описания фольклорных истоков. Особенности содержания удмуртского фольклора в том, что еще живы и широко распространены в народе древние его формы единения с природой, раскрываемые в зрелищных сценках, что составляет магию удмуртского фольклора. (Заметим: у некоторых народов в качестве магии – игра на древних музыкальных инструментах, или хореографическое осмысление телодвижений, или эпос.)

Интерес представляет описание русской сценической культуры кон. XIX и нач. XX в. Зародившаяся в Казани, Сарапуле, Ижевске, Воткинске, это культура разных сословий (купеческая, дворянская, мещанская), и в каждом городе она имеет свои особенности. Рассматриваются репертуар театров, условия показа, режиссура.

Удивительно продуманно авторы строят рассказ о театрах разных национальных культур и разных профилей: Удмуртском драматическом, Русском драматическом, Кукольном, Театре оперы и балета УР. Завершается первый раздел выявлением особенностей театральной культуры Удмуртии в 20–30-е, военные и послевоенные годы, а также в современный период.

Настоящее море информации ждет читателя, открывающего вторую, центральную часть книги – «Многонациональная сценическая культура Удмуртии» – *Энциклопедический справочник*. Справочник – это более 750 статей об актерах, режиссерах, драматургах и др. Более 700 фотоматериалов о театральных коллективах.

Отметим многоаспектность статей: это и государственные театры Удмуртии, и муниципальные (созданные под местным самоуправлением), и народные театры

(возникающие на общественных началах), и учреждения дополнительного образования детей с театральными отделениями, и сценические театры эстрадных миниатюр (СТЭМ), и театральные студии.

Большое место в энциклопедическом справочнике уделено государственным театрам (Удмуртский государственный драматический театр, Русский драматический театр УР, Сарапульский драматический театр, Театр оперы и балета УР, Государственный театр кукол УР). Авторы знакомят с полным репертуаром некоторых театров. В фотоматериалах оживают сцены спектаклей, репетиций. Сегодня это необходимо, поскольку в СМИ порой высказываются мысли о разрушении в XX в. «провинциальной культуры» в России, о низком уровне репертуара хоровых коллективов, оркестров.

Здесь впервые представлены сведения о деятельности народных театров. Вызывают интерес Алнашский народный театр, созданный в 1918 г. как культурно-просветительный кружок; детский образовательный центр «Балаганчик» в Ижевске; народный театр поселка Ува «Блики»; Бобья-Учинский народный театр; народный театр Шарканского р-на; народный ТЮЗ «Весельчаки» Белезинского р-на; народный театра Вавожского РДК «Волшебное время»; народные театры юного зрителя в Воткинске, Ижевске и мн. др.

Современно звучат статьи о деятелях театра – лаконизм, раскрытие авторского амплуа (в статьях об актерах) и строгая целенаправленность (связанная с театром). Ценно, что в статьях не содержится излишних фактов, характерных для современных СМИ. Они воспринимаются как сугубо профессиональные.

В энциклопедическом справочнике (что тоже очень важно для издания, адресованного широкому читателю) в каждом разделе мы видим статьи о жанровых особенностях театральных спектаклей (например, жанр музыкальной комедии, оперы, оперетты) и краткие сообщения, связанные с профессиональными данными.

Новаторство энциклопедического справочника – в широком использовании зрительного материала. Разнообразный фотоматериал предстает дополнительным источником достоверной информации о театральной жизни, начиная с XIX в. до настоящего времени. Это и отдельные кадры драматических спектаклей, и сценические съемки балетных актов, и реквизит кукольного театра, и декорации давно отшумевших премьер.

Незабываемое впечатление оставляют коллективные снимки, приведенные в конце энциклопедического справочника. В них чувствуется особое творческое настроение каждого театрального коллектива.

Завершается книга несколькими справочными разделами. В разделе «Хронология основных театральных событий», с нашей точки зрения, стоило рассказать о театральных событиях нач. XX в. в Ижевске, а каждый приведенный факт хронологии можно было дополнить фамилиями действующих лиц. Заголовок раздела «Список произведений, упоминаемых без фамилии автора» нам представляется неточным.

Обязательными, значимыми для подобного издания видятся нам разделы «Именной указатель» с указанием страниц статей каждого автора и подробная «Библиография».

Книга «Многонациональная сценическая культура Удмуртии» – новое глубокое исследование в республиканском театроведении. Листая книгу, ощущаешь профессионализм авторов, любовь к своей республике и современный взгляд на изложение материала. Книга заслуживает высокой оценки.

А. Н. Голубкова

Поступила в редакцию 29.11.2014

Голубкова Ариадна Николаевна,

кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель науки УР,
член Союза композиторов РФ
E-mail: axi237@mail.ru

Golubkova Ariadna Nikolaevna,

Candidate of Arts,
Honored worker of science of UR,
Member of the Union of Russian Composers
E-mail: axi237@mail.ru

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2014 ГОДУ
В «ЕЖЕГОДНИКЕ ФИННО-УГОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

№ Стр.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Обычное право – этноправосудие – юридическая антропология: историко-этнографический прецедент	2 9
--	--------

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Арзамазова О. А.</i> Названия зверобоя продырявленного (<i>Hypericum perforatum</i>) в удмуртских диалектах	3 25
<i>Атаманов М. Г.</i> Культ <i>Керемета</i> / <i>Луда</i> в среде удмуртов и его отражение в топонимии	1 20
<i>Душенкова Т. Р.</i> Куата пуйы – вог пуйы, или отношение к обиде в удмуртском языковом сознании	3 15
<i>Егоров А. В.</i> Фразеология в информационном поле газетного текста (на примере удмуртских газет времен Первой мировой войны)	4 17
<i>Закиев М. З.</i> Пора приступить к составлению академической лексикологии	1 15
<i>Ивишин Л. М.</i> Об особенностях удмуртской пунктуации XVIII – первой половины XIX в. (по материалам письменных памятников)	4 9
<i>Ивишин Л. М.</i> Письменные памятники удмуртского языка в исследованиях И. В. Тараканова	1 36
<i>Карпова Л. Л.</i> Профессор И. В. Тараканов и удмуртское языкознание (к 85-летию со дня рождения)	1 9
<i>Некрасова Г. А.</i> Роль первых переводов Библии в развитии и сохранении коми языка (к 630-летию образования Пермской епархии)	3 9

<i>Ракин А. Н.</i> Морфологические обозначения в системе названий растений удмуртского языка	1	47
<i>Ракин А. Н.</i> Удмуртские названия атмосферных осадков	4	24
<i>Титова О. В.</i> О способах образования новых терминов в удмуртском языке	1	41

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Глухова Н. Н.</i> Архетипы пространства в марийском фольклоре	1	55
<i>Денисов В. Н.</i> Из истории первых фонографических записей удмуртов и коми-пермяков в 1911–1912 гг. на территории Верхнего Прикамья	4	30
<i>Рогачев В. И.</i> Мифологические представления мокши и эрзи (по фольклорно-этнографическим материалам М. Е. Евсеева)	3	35

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Измайлова А. С.</i> Архетип ласточки в удмуртской литературе	1	60
<i>Лаврентьев А. И., Шибанов В. Л.</i> Специфика смеховой культуры в поэзии Кузубая Герда	4	36
<i>Пантелеева В. Г.</i> Оппозиция концептов «жизнь – смерть» в художественном сознании Флора Васильева	1	66
<i>Серова М. В.</i> Специфика художественного мышления Людмилы Кутяновой	3	41
<i>Чикина Н. В.</i> Детская карелоязычная литература кон. XX – нач. XXI в.	1	72
<i>Шибанов В. Л.</i> Особенности постмодернистской иронии в романах Сергея Матвеева	3	53

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Анисимов Н. В.</i> Коммуникация с миром мертвых в обычае взаимопомощи в традиционной культуре удмуртов	2	11
<i>Ванюшева К. В.</i> «Даже я начинаю втягиваться в археологический вкус»: письма И. Я. Кривошекова Ф. А. Теплоухову (1886–1888)	4	52
<i>Волкова Л. А.</i> Регламентация взаимопомощи в агрокультуре удмуртов: традиции и новации	2	18
<i>Воронцов В. С., Черниченко Д. А.</i> Научно-образовательные ресурсы и опыт изучения межэтнических и межконфессиональных отношений в Удмуртии	3	116
<i>Голева Т. Г.</i> Знахарская практика коми-пермяков в системе общественной взаимопомощи	2	25
<i>Данилко Е. С.</i> Традиции общинной взаимопомощи в старообрядческой среде: по материалам Урало-Поволжья	2	33

Загребин А. Е., Куликов К. И. Этнографический поворот в «проблемных полях» истории Удмуртии (1920-е – начало 1930-х гг.)	3	59
Иванова М. Г., Журбин И. В. Кушманское городище Учкакар в бассейне р. Чепцы: основные итоги археолого-геофизических исследований 2011–2013 гг.	3	71
Калмыкова М. Н. Особенности презентации традиций взаимопомощи в экспозиции Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда	2	40
Касимов Р. Н. Обычаи взаимопомощи в календарной обрядности чепецких татар	2	45
Лигенко Н. П. Частновладельческая промышленность села Ижева во второй половине XIX – начале XX века	3	99
Лихачева Л. Л. Бытование традиций взаимопомощи в современной северноудмуртской деревне	2	52
Маратканов В. А. Финны-оружейники с Ижа (1865–1884 гг.)	4	83
Мельникова О. М., Годяева Т. Н. Генерационный подход в изучении первого поколения историков Удмуртии	4	43
Миннихметова Т. Г. Огонь в нормативно-обрядовой практике удмуртов	2	62
Молотова Т. Л. Обычаи взаимопомощи в традиционных женских домашних промыслах мариЙцев	2	69
Никитина Г. А. Взаимопомощь как неотъемлемая составляющая «моральной экономики» крестьянства	2	74
Орлов П. А., Перевозчиков Ю. А. Традиционные и вторичные формы культуры в современном домостроительстве и строительной обрядности удмуртов	2	82
Перевозчикова С. А., Перевозчиков С. Е. Предварительные исследования Гольянского кладбища нового времени в Прикамье	1	85
Пислегин Н. В. Традиции взаимопомощи у народов Камско-Вятского края в исторической ретроспективе	2	90
Пономарёв А. М. Изменения ресурсной базы воспроизводства этничности в современной удмуртской деревне	1	94
Попов Н. С. Вятские просветители о роли родного языка в образовательной и миссионерской деятельности среди мари	4	74
Попова Е. В. Социальные и ритуальные аспекты трапез в традициях взаимной помощи	2	97
Смирнова С. Д., Барханова Л. В., Васина Т. А., Сидорова А. П. Развитие отраслевой энциклопедистики: из опыта работы Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН	1	99

<i>Черных А. В.</i> Традиции коллективной взаимопомощи при обработке льна и прядении у русских Пермского Прикамья	2	106
<i>Широбоков И. Г.</i> К антропологии пермских народов XVII–XIX вв. (краниологические данные)	3	80
<i>Ягафова Е. А.</i> Ниме / миме – обычай взаимопомощи у чувашей: от традиции к современности	2	113

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

<i>Зверева Т. В.</i> Заклинание пустоты (еще раз о театре Ольги Александровой)	3	130
<i>Килина О. В.</i> Русская и удмуртская народные традиции как психолого-педагогическое средство преодоления одиночества	1	107
<i>Шудегова Н. О.</i> Значение научных идей Р. А. Чураковой для дальнейшего изучения теоретических проблем современного музыкального удмуртоведения	4	90

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

<i>Дерюгин А. А., Ежова О. В.</i> Организация практикоориентированных турниров для школьников, как форма образовательной, воспитательной и профориентационной работы	1	113
--	---	-----

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

<i>Вельм И. М.</i> Функционирование социальных институтов в аграрно-традиционалистском обществе	4	102
<i>Наумова Т. А., Вытовтова Н. И.</i> Особенности обучения лиц с особыми педагогическими потребностями в Удмуртском государственном университете	4	126
<i>Овечкин В. П.</i> Обоснование методологии построения образования в современном изменяющемся мире	4	114
<i>Федина М. С.</i> Опыт создания и практика применения компьютерной терминологии в коми языке	4	96

ЮБИЛЕИ

<i>Голубкова А. Н., Корепанов А. Г.</i> К 90-летию Германа Афанасьевича Корепанова	2	127
<i>Кириллова Л. Е.</i> Вклад Л. И. Калининой в угорское и финно-пермское языкознание (к 80-летию со дня рождения).....	4	132
<i>Ковалев Ю. В., Каменщиков Ю. Г., Лекомцев В. Т.</i> Ученый, педагог, завкафедрой Валентина Николаевна Белоусова	1	123
<i>Некрасова Г. А., Цыганов Е. А.</i> К 75-летию профессора Евгения Александровича Игушева	1	118

Никонова Е. П. Юбилей этнографа (к 75-летию Л. С. Христоробовой)	3	134
Салминен Э.-Ю. Скромная, трудолюбивая, успешная (к 60-летию со дня рождения Сиркки Сааринен)	4	141
Теплые лучи душевной красоты... (Поздравляем юбиляра Анэтту Петровну Сидорову)	4	145

ДИСКУССИИ

Сурво А. А., Шарапов В. Э. «Забытые» тексты, полевые практики и финно-угорская этнография	3	138
Черных Е. М. «Историко-культурное наследие как ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества» (XIV-е Бадеровские чтения). Ижевск, 14–15 октября 2013 г.	1	127

ОТЗЫВЫ

Ванюшев В. М. О диссертации А. В. Малевой «Лирическая героиня современной коми женской поэзии: особенности семантики и поэтики образа»	3	149
Садиков Р. Р. О диссертации И. К. Назмутдиновой «Семейный этикет в системе традиционной и современной культуры удмуртов»	1	135
Суслов М. Г. О диссертации Н. С. Копиновой «Общественные организации Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в.: формирование и деятельность»	3	154

РЕЦЕНЗИИ

Волкова Л. А. Рец. на: Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.): дисс. работа на соиск. учен. ст. канд. историч. н. Ижевск, 1998. 216 стр.: прилож.	2	120
Голубкова А. Н. Ценное справочное издание о театральном искусстве Удмуртии	4	148
Кудрявцев В. Г. Рец. на книгу: Сойни Е. Г. Финляндия в русском искусстве. 1890–2010. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 170 с.	3	162
Останина Т. И. Рец. на: Пюрияйнен Д. М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект. Ижевск, 2013. 352 с.	2	124
Семёнов Ю. В. Об энциклопедии «Удмуртская Республика: Культура и искусство»	3	159

Бусыгина Л. В. Современная иноязычная экспансия сквозь призму творчества Кузубая Герда	спец. вып.	47
---	------------	----

	№	Стр.
<i>Ванюшев В. М.</i> Герд улэ асьме пöлын (Герд живет среди нас)	спец. вып.	12
<i>Владыкина Т. Г.</i> Кузёбай Герд но удмурт нылпи литература	спец. вып.	19
<i>Денисов В. Н.</i> О фонографических записях Кузёбая Герда, собранных в экспедициях на территории Удмуртии в 1920-х годах	спец. вып.	с/в
<i>Ефремов Д. А.</i> Послелогии в удмуртском и финском языках	спец. вып.	70
<i>Ившин Л. М.</i> О создании новых терминов в творчестве К. Герда	спец. вып.	35
<i>Ившина В. М.</i> О республиканских Гердовских чтениях	спец. вып.	9
<i>Измайлова А. С.</i> Кузёбай Герд и Павел Флоренский	спец. вып.	24
<i>Максимов С. А.</i> Возможности и пути обогащения литературного языка лексикой маргинальных диалектов (на примере удмуртского языка)	спец. вып.	92
<i>Москвина Т. Н.</i> Учке али дэремме! (Магия удмуртского народного костюма)	спец. вып.	66
<i>Насибуллин Р. Ш.</i> Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности	спец. вып.	77
<i>Пчеловодова И. В.</i> «Поръялоз, поръялоз...»: народное «авторство» и общеудмуртский репертуар	спец. вып.	30
<i>Семёнов И. Н.</i> Слово о Гердовских чтениях	спец. вып.	7
<i>Тарасова А. Н.</i> Пейзажной лирикаез азинтон удысын Гердлэн тыршемез	спец. вып.	60
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2014 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований»	4	152

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Статьи, опубликованные в «Ежегоднике финно-угорских исследований», будут включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещены в Научной электронной библиотеке (eLibrary.ru).

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 с. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 с. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 с.;

для рекламы – 0,5–1 с. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК)

(11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место и адрес работы. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарию УдГУ и т. д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034, Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ)

тел./факс: 8 (3412) 916-276

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 4

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Перевод на английский язык – *Т. В. Окунева*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *И. В. Широбокова, Н. Ю. Юрпалова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 25.12.2014. Печать офсетная.

Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет».
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru

Типография ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18.